Робокоп-3 (Робот-полицейский-3)

Робокоп - 3

Дэвид Джонсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Банда Плашера терроризирует Дельта-Сити. Ее жертвой может пасть каждый, тем более, что союзником банды становится могущественная корпорация «Оу-Си-Пи». Сможет ли кто-нибудь противостоять разгулу преступности?

(Фильм «Робокоп-3» вышел в США в 1992 году. Режиссер Фред Деккер. В главных ролях Роберт Берк, Нэнси Аллен, Рик Торн).

- Дэвид Джонсон

Дэвид Джонсон
РОБОКОП III
(фантастическая повесть)

Деловой квартал выглядел безжизненным, вялым и разомлевшим. Чуть ли не каждый житель этого квартала беспокойно метался во сне, а тем, кто не мог уснуть, оставалось только проклинать ночную духоту и бессонницу.

Луна скрылась. В деловом квартале резкий свет редких уличных фонарей оттеснял густые ночные тени к запертым магазинам, кинотеатру и безмолвной заправочной станции.

На перекрестке, там, где улица под прямым углом прорезала шоссе, в аптеке Сэма Грина продолжал работать кондиционер, и только его ровное мурлыканье нарушало тишину и спокойствие ночи.

У тротуара напротив стоял патрульный автомобиль, который полиция выслала на ночное дежурство.

Патрульный полицейский сержант Питер Джилмер сжимал в крепких пальцах шариковую ручку, заполняя листок рапорта. Он положил планшетку на руль и старательно выводил твердые четкие буквы, едва различимые при тусклом свете, проникавшем в автомобиль.

Сержант аккуратно занес в свой отчет, что, согласно инструкции, полностью завершил проверку основного жилого района и нашел все в полном порядке. Питер ощутил прилив гордости, ведь весь ритуал составления рапорта заставил его почувствовать, что в ночное время он самый значительный человек в городе, бодрствующий на своем нелегком посту.

Он осмотрел улицу. Повсюду — на столбах, на стенах домов пестрели рекламные афиши с изображенными на них улыбающимися лицами семейной парочки с детьми и надписью внизу: «Построим Дельта-Сити ради наших детей!».

Покончив с записями, он положил планшетку на соседнее сиденье и взглянул на часы. Было почти три часа ночи — самое время выпить чего-нибудь прохладительного в закусочной на шоссе.

Питер включил мотор и отъехал от бровки тротуара с ловкостью классного водителя. Автомобиль пересек пустынное шоссе и затрясся по неровной дороге. Притормозив на тряском железнодорожном переезде, он поехал вверх по улице, с обеих сторон зажатой домами. Сбросив газ, плавно завернул на стоянку

возле ночной закусочной. Очень легко для такого крупного человека, сержант вылез из машины и направился к двери.

В закусочной было душно. Посреди комнаты возвышалась полукруглая стойка, покрытая красным пластиком. Места за столиками, отделенные друг от друга перегородками и не располагавшие к долгому рассиживанию или поиску особого уединения, в этот час были свободны.

Ночным барменом в закусочной работал худощавый девятнадцатилетний паренек с длинными руками. При появлении блюстителя порядка бармен мигом расправил узкие плечи, готовый предложить свои услуги, свое общество стражу города.

Когда Питер взобрался на один из стульев у стойки, парень потянулся к толстым кофейным чашкам.

— Только не кофе, Стив, и без того жарко, — остановил его Питер. — Дай лучше кока-колы. — Он снял форменную фуражку и вытер лоб.

Парень схватил шейкер, набитый колотым льдом, откупорил бутылку и наполнил стакан пенящейся жидкостью.

Когда пена осела, Питер опустошил стакан, поболтал кусочки льда и допил остатки кока-колы.

Со стен ночного бара улыбалась все та же счастливая семейная чета с детьми. Внизу пестрели огромные буквы: «Настал конец насилию и преступности!», «Вас ждут 2 миллиона новых, хорошо оплачиваемых мест! Это — мечта!», «Построим город Дельта-Сити, город будущего!». Корпорация «Оу-Си-Пи» обещала это выполнить.

— Иногда случается, что и мечта сбывается, — подумал полицейский.

Он повернулся к Стиву:

— Ты смотрел вечерние новости? Есть что новенького?

— Да, — промычал Стив и включил телевизор. — Я их записал.

Через несколько секунд появилось изображение и раздался вкрадчиво-бархатный голос диктора:

— Итак, уважаемые телезрители и телезрительницы, Вы смотрите свежие новости. Уделите нам три минуты, и мы покажем весь мир. Добрый вечер!

Сначала новости, которые касаются корпорации «Оу-Си-Пи». Стало известно, что эта корпорация заключила соглашение с Международной японской корпорацией Конамицу, по которому большая часть контрольного пакета акций «Оу-Си-Пи» переходит к корпорации Конамицу. Они договорились вместе строить Дельта-Сити — город будущего, город наших детей.

Этому мешает только одно: зона преступности в Детройте,

так называемая зона войны.

Для очистки этой зоны создана группа реабилитации. Это офицеры полиции, которые состоят на службе в корпорации «Оу-Си-Пи» и выполняют определенные задания…

На экране выросло огромное здание главного управления корпорации «Оу-Си-Пи». Затем — улыбающееся лицо шефа группы реабилитации Пола Магдэгара.

— Мы здесь для того, чтобы помочь людям перебраться в реабилитационные центры, где их ждут новые рабочие места, — говорил Магдэгар, приветливо кивая головой и улыбаясь обступившим его людям.

— Разве вы можете заставить их сделать это? — последовал вопрос репортера. — По-моему, все выглядит совершенно иначе.

— Я не стану отрицать того, что есть небольшие группы недовольных, но мы здесь для того, чтобы помочь людям перебраться на новое место жительства. Мы — полицейские, и ничего большего в этом видеть нельзя.

— Ничего большего?

— Да. Мы не бездушные роботы, если вас это интересует.

Питер зло выругался и выключил телевизор. Возмущенный до предела, он наполнил стакан и вновь разом осушил его. Слегка отдышавшись, он снова включил новости.

Магдэгара бурлящим кольцом окружали многочисленные репортеры, обозреватели, хроникеры, телеоператоры, наперебой задававшие ему вопросы.

Пол Магдэгар был массивным мужчиной очень высокого роста, плотным, но без лишнего жира. Ему было лет сорок с небольшим и, не будучи особо красивым, он, тем не менее, привлекал к себе внимание — от него веяло силой. Пол больше походил на банкира, чем на шефа всесильной организации. И все же он был хитрым и решительным директором организации, влияние и финансовое могущество которой было весьма значительным.

Питер Джилмер положил на стойку четверть доллара и быстро пошел к выходу. Он снова забрался в машину и коротко доложил по рации обстановку, прежде чем возвратиться в свой район. Готовясь к монотонному одиночеству, которое сулил остаток ночи, Питер поудобнее устроился на сиденье.

Машина набрала скорость, но выезжая на центральную улицу, Питер притормозил. Вокруг него было все так же пустынно, но он по привычке медленно пересек небольшой деловой центр. И в этот момент увидел за квартад впереди какие-то предметы посредине дороги.

Питер коснулся акселератора, и машина рванулась вперед. В

световой дорожке от четырех фар непонятные предметы все увеличивались, пока Питер не затормозил посреди дороги в нескольких футах от них. Теперь он мог разглядеть — это были несколько человек, распростертые на мостовой.

Сержант включил красную полицейскую мигалку и стремительно выскочил из машины. Прежде, чем наклониться над лежащими, он быстро огляделся, готовый ко всяким неожиданностям. Рука его лежала на кобуре револьвера 38 калибра. Он ничего не увидел, кроме безмолвных домов и безлюдной бетонной мостовой. Успокоившись, Питер опустился на колено возле лежащих.

Те лежали кто на животе, кто на спине, обхватив головы руками, ноги были раскинуты, щеки некоторых прижаты к шершавому асфальту.

Питер подсунул руку под одного из них, чуть приподнял, стараясь уловить сердцебиение, но не смог ощутить никаких признаков жизни. Все они были мертвы.

Сержант торопливо вернулся к машине и схватил микрофон. Как только на его вызов откликнулись, он заговорил:

— Приблизительно на углу 34-й стрит и шоссе, посреди дороги лежат три человека, похоже, что все мертвы. Вокруг никого, и ни одной машины не было за последние несколько минут. Немедленно выезжайте и высылайте «скорую».

На мгновение замолчав, Питер подумал, достаточно ли ясно он все изложил.

— Оставайтесь на месте. Личность хотя бы одного из пострадавших установлена? — послышался голос дежурного полицейского.

— Нет, еще нет, — ответил Питер.

И тут взгляд его упал на знак, нарисованный на асфальте — рисунок изображал человеческий череп. Внутри у него похолодело.

— Это банда Плашера, — догадался сержант.

В ста ярдах от спокойного рабочего района находился Мелберри-парк. Это был самый опасный уголок Детройта. Он кишел нищими неграми, бездомными проститутками и прочим сбродом. По нескольку десятков мужчин, женщин и детей жили в одной комнате. Это было страшное место. Убийства случались там почти ежедневно, и многие дети годами не покидали своих комнат, боясь выйти в коридор, чтобы не стать жертвой какого-нибудь маньяка. В течение многих десятилетий все пороки и преступления огромного города исходили из этого места.

Особенно невыносимыми были дни и ночи, когда в городе бастовали полицейские. Об этом случае невозможно было

вспоминать без содрогания, о нем рассказывали, словно о принудительном путешествии в ад.

Дело в том, что в последние годы город не славился деловой активностью, и это явилось причиной резкого сокращения муниципального бюджета и, соответственно, расходов на содержание городских служб. Сильнее других ощутила на себе экономию муниципальная полиция, служащие которой в большей степени чувствовали себя участниками театра военных действий, чем жителями мирного города.

Полиция не всегда успевала оперативно отреагировать на сообщения о перестрелках при разборках за сферы влияния банд, и зачастую служители порядка вынуждены были исполнять обязанности похоронной команды.

Впрочем, это было не самое страшное. Самое страшное случалось как раз тогда, когда полицейские вовремя успевали к месту происшествия и ввязывались в перестрелку. Если все оставались живы и невредимы — это был счастливый, но очень редкий случай.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, городские власти расформировали мелкие полицейские участки, а основные расходы по содержанию службы охраны порядка передали крупной промышленной компании «Оу-Си-Пи», которая тут же начала диктовать собственные условия муниципальной полиции. Это касалось и штатного расписания, и продолжительности дежурств, и социальных вопросов.

В конце концов вмешательства в работу городской полиции были настолько бесцеремонными, что профсоюз служащих полиции предложил провести забастовку.

И вот тогда в городе наступил настоящий ад. Толпы хулиганов, словно стаи голодных злых собак, бродили по городу, никого и ничего не боясь, круша все на своем пути. Камни летели в витрины магазинов, следом туда устремлялась с криками и свистом оголтелая толпа, разбивая и ломая все, что попадало под руку Мостовые были усыпаны осколками стекла, измятыми пивными банками, пустыми коробками. То там, то тут пылали подожженные автомобили.

Если до этого люди боялись выйти на улицы, то теперь они уже боялись и оставаться дома. На какое-то время слово «кража» исчезло из лексикона жителей города. Никто не крал. Просто, кто посильнее, сколачивал себе компанию, они врывались в квартиры, невзирая на то, есть там хозяева или нету, и брали все, что хотели. Если им пытались возражать, то обычно это были последние фразы в жизни хозяев квартиры.

Впрочем, чтобы получить пулю или несколько ударов, после

которых уже невозможно было прийти в себя, не обязательно было возражать грабителям. Часто для этого было достаточно просто находиться в своей квартире.

Истории о разбоях ходили по городу одна страшнее другой.

В одном доме трое неизвестных сначала изнасиловали женщину, а затем ее одиннадцатилетнюю дочь Когда мать бросилась ей на помощь, неизвестные задушили женщину, при этом выкололи ей глаза.

В другом доме семидесятилетнюю старушку, которая по причине своей глухоты решила переспросить у зашедших, что им надо в ее квартире, бережно взяли на руки и сбросили с балкона десятого этажа.

Преступники то ли были настолько разъяренные, то ли совершенно уверенные в своей безнаказанности, что часто даже не пытались скрыть свои следы.

Случайные группы со временем сколачивались в банды, а грабежи «ради собственного удовольствия» все больше принимали целенаправленный характер Это очень насторожило воротил подпольного бизнеса, и в городе каждый день были слышны перестрелки Новичков, которые только-только успели испытать вкус легкой наживы, все чаще можно было найти в подъездах, в квартирах, или прямо на тротуарах то с простреленной головой, то просто изрешеченных автоматной очередью, то сбитых пролетевшим на полной скорости автомобилем.

Дорого заплатили полицейские за свою забастовку, когда наконец опять приступили к исполнению своих непосредственных обязанностей. На каждом углу их поджидала смерть. О патрулировании в одиночку нечего было и думать. С одной стороны, преступники, уверовав, что зло может быть безнаказанным, изо всех сил противились восстановлению порядка. С другой стороны, жители города, до смерти напуганные массовыми разбоями, не торопились помогать полиции.

Стражи порядка буквально валились с ног, пытаясь обуздать преступников.

Особенно досаждала банда Плашера, которая орудовала в районе Кадиллак-Хайц. Необычность ее заключалась в том, что, наживая огромный капитал на производстве и продаже наркотиков, она привлекла в свои ряды малолетних детей, беспризорных мальчишек. Пристрастившись к употреблению наркотиков, они становились послушным орудием в руках главарей и приводили в бешенство полицейских — стрелять по детям у них не поднимались руки. Чего, кстати, нельзя было сказать о детях. На это и рассчитывал Плашер, в критические

моменты используя их в качестве пуленепробиваемых жилетов.

В последнее время налеты банды Плашера на Кадиллак-Хайц особенно участились, и жители буквально стонали от этих подонков. У них был и свой особый знак, который они оставляли на месте преступления — нарисованный на чем попало человеческий череп.

Этим самым банда преследовала две цели: показать полиции, что она ее не боится, и этим самым ввергнуть в ужас население района, давая ему понять, кто здесь настоящий хозяин.

Питер Джилмер был опытным полицейским. Ему необязательно было знать личности убитых, чтобы определить, что же здесь произошло не более получаса назад.

Не вызывало сомнения, что произошла обыкновенная разборка. Трое молодых горячих «бизнесменов», которые не захотели платить налоги в «казну», очевидно, пришли на переговоры с представителями банды Плашера. Их ловко обманули, так как они даже не пытались достать оружие из внутренних карманов. Да, судя по всему, Плашер вовсе и не собирался иметь под боком у себя конкурентов, и поэтому разговор с ними был коротким.

Питер не чувствовал к убитым ни ненависти, ни сострадания. За последние годы он перевидал столько смертей, что, воспринимай он их так же болезненно, как воспринимал когда-то в детстве и даже в юности, он бы, пожалуй, давно покончил с собой от безысходности и тоски.

Ночное дежурство только начиналось, а в его рапорте уже фигурировало три трупа.

«Плохая примета, черт бы ее побрал», — подумал Питер, барабаня пальцами по капоту машины.

Эта примета родилась у полицейских несколько месяцев назад, в самый разгул бандитизма. Кому первому она пришла в голову, теперь вспомнить было трудно, но тогда она как-то сразу же прижилась. Да и не удивительно — несколько месяцев назад редкое ночное дежурство не начиналось с трупов и так же редко ими не заканчивалось.

— Ну, что, похоронная команда, готовы к выезду? — зло шутили тогда в дежурке. — Попа не забыли?

Так что убедиться в правильности этой приметы не составляло особого труда.

Правда, потом обстановка в городе потихоньку начала стабилизироваться, во всяком случае, ночное патрулирование можно было совершать в одиночку, но примета так и осталась жить. И когда все остальное время дежурства обходилось без особых происшествий, полицейские под утро вздыхали: «Фу, черт,

пронесло, надо же!»

Но, как ни странно, это только доказывало им правильность приметы.

Питер затянулся «Президентом».

Похоже, к месту происшествия не сильно торопились ни «скорая», ни полиция, предпочитая, чтобы этим грязным делом занималась похоронная служба. Они, как и Питер, понимали, что, не успев завести это дело, они смело могли в нем на первой же странице ставить жирную точку.

Джилмер поднял голову и посмотрел на темные окна домов. Город спал. Лишь в нескольких окнах горел свет. Наверное, там маленькие дети, подумал сержант. А может, не спят влюбленные. Эта мысль добавила несколько минорных ноток в его настроение, поскольку у самого сержанта никогда не было детей, да и возлюбленной, пожалуй, тоже.

И тут его внимание неожиданно привлек шорох за спиной.

Стараясь не двигаться, сержант полез за пистолетом, пытаясь сообразить, что бы это значило. Возможно, за убитыми пришли их товарищи, что было мало вероятно, поскольку, скорее всего, в их команде и было только три человека. Возможно, к месту убийства возвратился кто-то из банды Плашера. Это было вполне вероятно.

Джилмер резко повернулся, отпрыгнул в сторону и вытянул вперед руку с пистолетом.

Возле одного из убитых стоял на коленях давно не бритый, в грязной, порванной одежде мужчина, по виду которого невозможно было определить возраст, но зато определить его профессию не составляло труда — это был безработный. И, по всей видимости, сейчас он собирался покопаться в карманах преступников.

— Ну, конечно, — обиженно сказал он, — убить человека вам ничего не стоит.

Вид направленного в его сторону пистолета нисколько не смутил оборванца.

— Это для вас привычное дело, конечно, — добавил он расстроено, недовольный тем, что не удалось проверить карманы убитых.

— Какого черта ты здесь шаришь?! — сержант опустил пистолет. Ведь он и правда мог выпустить в этого придурка целую обойму.

— Так ведь у каждого своя работа, — все так же расстроено сказал незнакомец. Возможно, у него только что был шанс заполучить деньги на пропитание на целую неделю, если не больше, и он не использовал его.

— Ночью, как ты говоришь, «работают» только воры да

негодяи, которые должны сидеть в тюрьме.

— Но разве я вор или негодяй? Вот они — да, — он кивнул головой в сторону убитых. — А я всего лишь хотел взять то, что им не принадлежит и, по закону, никогда не принадлежало. Но, если разобраться, оно ведь сейчас ничейное, лишнее. А значит, я имею на него такое же право, как любой гражданин. Разве я не прав?

— Нет, — уже с интересом разглядывая этого нищего философа, сказал сержант.

— Почему?

— Потому, что ты хоть и гражданин, но твое законное место не здесь, а в тюрьме, и если сейчас отсюда не выберешься, то я тебе в два счета докажу это.

В это время вдали, наконец, послышалась сирена приближающейся полицейской машины.

— Что ж, в моей ситуации спорить было бы глупо, — быстро заговорил нищий. — Хотя, если разобраться, опутав себя всевозможными законами, разве не превратили мы свою жизнь в жизнь заключенных? Попав в тюрьму, человек не может, когда ему этого захочется, оставить ее. Оставаясь на свободе, я не могу перейти пустую дорогу только потому, что горит красный свет. Почему кто-то все время распоряжается моей жизнью?

В это время вой полицейской сирены слышался уже совсем близко, и несостоявшийся философ поспешил удалиться.

* * *

Гарри Грант, отставной офицер морского флота, когда-то непревзойденный бабник, известный на весь район, а сейчас дряхлый старик с обвисшими щеками и непредставительными, казалось, кем-то общипанными усами и бородой, поздним вечером в своей небольшой квартирке писал письмо возлюбленной, — шестидесятилетней мадам Лотак.

Уже шестой месяц безрезультатно добивался он руки своей соседки и, видя, что долгие разговоры с бесконечными прозрачными намеками ни к чему не приводят, решил прибегнуть к более испытанному способу завладеть женским сердцем.

То, чего нельзя было произнести вслух, вполне можно было доверить бумаге. Он находил такие слова, такие обороты, какие нынешняя молодежь никогда в жизни не слышала, а авторы любовных мелодрам с удовольствием платили бы ему по доллару за каждое слово, если бы прочитали хотя бы одну фразу из его послания.

Да что там современные писатели. Пожалуй, сам Шекспир поднялся бы из могилы, чтобы предстать перед ним в низком поклоне и тут же умереть от сознания своей второстепенности.

И лишь в благосклонности мадам Лотак Гарри Грант сомневался, и поэтому, волнуясь, уже в третий раз переписывая послание.

И в свои шестьдесят мадам Лотак выглядела вполне привлекательной, в отличие от него, старого дряхлого Гранта, который к тому же недавно сломал ногу, кубарем полетев с лестницы. Об этом знал весь дом, и в его нынешнем положении это был самый большой минус, поскольку, делая женщине предложение, он как бы брал обязательства оберегать ее, помогать ей, а тут получается, что за ним самим нужно ухаживать.

Гарри Грант спешил. Их старый дом собирались сносить, и кто знает, не сделай он сейчас предложения, сможет ли потом отыскать свою возлюбленную.

Старик ходил из угла в угол, громко стуча костылем

— Ваши глаза прячут в себе… прячут в себе… — Грант остановился, намотал на указательный палец бороду и несильно потянул за нее. — Ваши глаза скрывают в себе все прелести мира… Старик бросился к столу.

— … прелести мира, — с нежностью в голосе повторил он конец только что написанной фразы.

Костыль опять застучал по полу.

— Глядя на вас, понимаешь, что в вашем образе отразились мечты человечества о самом прекрасном…

В этот момент на улице послышался сильный грохот.

— Опять эти подонки черт знает что вытворяют, — со злостью произнес Грант.

Он крепко выругался и направился к окну.

Вдруг комната его содрогнулась, словно старая собачья будка, которую нечаянно задел пьяный хозяин фермы, возвращаясь поздно вечером домой. Окна задребезжали, стекла со звоном разбились об пол.

Гарри Грант оцепенел от ужаса…

* * *

Пастор Элф Флойд сегодня долго не мог уснуть. Кто бы мог подумать: его, священника, подчистую обобрали, словно какого-нибудь алкоголика или немощного старика. И кто?! Сопляки, можно сказать, дети, им-то еще вряд ли и по пятнадцать будет. И

самое ужасное, что вместе с ними была и девчонка. Да еще и громче всех кричала:

— Снимай часы, зараза!

Пастор Элд Флойд тяжело вздохнул. Но сильнее всего его потряс даже не этот факт. Самое страшное для него было то, что эти малолетние грабители не полезли к нему драться, не схватили на дороге какой-нибудь камень или кусок железа.

Нет, они достали обыкновенный пистолет, самый настоящий, и равнодушно направили его в сторону Флойда, готовые в любой момент всадить в него пулю.

— Господи, что делается на грешной земле! — опять вздохнул пастор.

Он пробовал молиться, но мысли его все время путались. Перед глазами то появлялось, то исчезало лицо девочки, которая кричала, брызгая слюной:

— Чего стоишь, как столб?! Ты что — оглох?

Флойду казалось, что приближается конец света.

Иначе, откуда в людях столько злобы, столько ненависти? Откуда вдруг появилось столько жулья, которые, никого не боясь, днем и ночью разгуливают по городу, размахивая оружием, будто веточкой дерева отмахиваясь от назойливых мух.

Это не может продолжаться бесконечно. Но, казалось, не существует на земле силы, которая бы могла обуздать преступность, остановить обезумевших людей, вырвать общество из этой грязи, в которой оказались даже старики и дети. И только Божья кара могла положить всему этому конец.

Сын очень набожных родителей, Элф Флойд с раннего детства много слышал о приближающемся конце света. Тогда ему казалось, что с его наступлением все вокруг должен укрыть черный туман. Падают деревья, рушатся дома, но не слышно ни звука. Обезумевшие люди бегают по улицам с перекошенными лицами, но ни крик, ни даже шепот не могут у них вырваться из уст.

Наконец все поглощает непроглядная тьма, а через день или два, когда туман начинает рассеиваться, оказывается, что вокруг уже нет ни поваленных деревьев, ни разрушенных домов, ни перевернутых машин, ни умерших людей. Ни асфальтовых дорог, ни бетонных тротуаров, ни травы в парках и скверах. Вокруг лишь желтый песок, как в пустыне.

Вот только Флойд никак не мог представить, что же тогда будет с ним. Он не верил, что он умрет и больше уже ничего не увидит.

Теперь же, по прошествии стольких лет, конец света представлялся ему совершенно другим.

Он понял, что все так и должно быть: насилие, убийства. По улицам, словно стаи волков, бродят люди и убивают всех, кто встречается им на пути. Сначала они будут разбивать стекла в домах, затем начнут поджигать и разрушать сами дома.

В это время действительно послышался звон разбитого стекла и дом вздрогнул, словно при землетрясении…

* * *

Давид Хелоран, молодой светловолосый человек с плоским, покрытым веснушками лицом и серыми глазами, пребывал в отвратительном настроении. Он сидел на диване и смотрел телевизор, с экрана которого диктор вещал о том, что ведется неустанная борьба с преступностью, что начались новые застройки квартала, в котором жила его семья, но Давид, казалось, ничего не слышал.

Давид Хелоран работал клерком на рыбоконсервном заводе. Несколько дней назад, без всякого предупреждения, служащие были распущены, а фирма ликвидирована. Все остались без работы.

Давид потратил сегодня много времени, обходя различные биржи и агентства, но удача не давалось ему в руки. Он знал, что отыскать работу очень трудно, но надеялся, что ему повезет найти хотя бы должность дворецкого.

В довершение к этому, пришло извещение о выселении его семьи из дома…

Он окинул взглядом квартиру. Она состояла из довольно большой гостиной, детской комнаты, крохотной кухоньки и ванной. Окно гостиной выходило на балкон. Оттуда доносились голоса и крики.

Давид услышал голос Кенко, жены, но смысл сказанного не доходил до него.

Он поднял голову и посмотрел на нее пустыми глазами.

— Я приготовлю ужин, — сказала она. Кенко ушла на кухню и принялась возиться у плиты.

На вид ей было лет 25. Она родилась в Токио от матери-американки и отца-японца. Отца своего Кенко не помнила, а мать умерла три года назад от сердечного приступа.

Кенко неплохо зарабатывала, выступая в ночном клубе. Правда, голос ее был довольно слабым, но микрофон отлично скрывал этот недостаток. К тому же у Кенко были определенные артистические способности, и она вкладывала в пение много эмоций, это очень нравилось публике.

Среднего роста, с фиалковыми глазами и волосами цвета вороного крыла, она была очень привлекательна.

Давид продолжал сидеть на диване, пока жена возилась на кухне. Он чувствовал себя слабым и никчемным. Аппетита не было, но он решил заставить себя съесть шницель, поджаренный Кенко.

— Все будет хорошо, Давид, — доброжелательно сказала ему Кенко.

Их семилетняя дочь Ника сидела целый вечер за компьютером и играла. Это было ее любимым занятием. Понимая, что родителям не до нее, она молчала.

— Ника, пожалуйста, иди спать, — ласково обратилась Кенко к дочери.

Вздохнув, девочка нехотя выключила компьютер, собрала все принадлежности и поплелась к себе.

Ее крохотная комнатка напоминала кабину космического корабля в миниатюре. Вместо игрушек, какие бывают обычно у детей ее возраста, Ника предпочитала иметь дело только с компьютером и электронными играми. Поэтому вся комната ее была оснащена именно этим оборудованием, а на стенах висели различные схемы и чертежи. Она часами просиживала за клавиатурой дисплея, над разработкой стратегии новой игры или собирала на экране нового робота.

Давид открыл дверь в комнату дочери. Она еще не спала, но глаза ее были закрыты. Он, было, собрался уйти, но Ника позвала:

— Эй, папа!..

Давид остановился.

— Ты уже, вроде, спать должна, — он посмотрел на часы.

— Скажи, это правда, что я слышала из новостей?

— Что именно?

— Что там, на улице, идет война. — Ника приподнялась.

Давид опешил. Ему было удивительно, что ребенок понимает ту ситуацию, которая сложилась.

— Нечего слушать, что там говорят. Все это чепуха. Не обращай внимания.

Он наклонился над дочкой, поправил на ней одеяло и поцеловал теплую нежную щечку:

— Малышка, не беспокойся, это наш дом, здесь мы в безопасности.

В этот момент он ощутил страшный удар, сотрясший квартиру. Что-то зазвенело, заскрежетало.

Давид, вскочив, зацепился за стул и упал на пол, больно ударившись о край кровати.

Казалось, началось многобалльное землетрясение.

Одна стена их квартиры раскололась и с грохотом рухнула, подняв невероятные клубы пыли. Потолок начал с хрустом оседать… Стекла брызнули на асфальт тысячами зловещих осколков.

Давид, не помня себя, схватил Нику на руки и выбежал в коридор. К нему бросилась Кенко. В ее глазах были растерянность и ужас.

— Бежим, — схватил ее за руку Давид. — Скорей, скорей, дорогая.

Они едва успели выскочить из квартиры, как дом сотряс еще один мощнейший удар многотонного молота. В их квартире рухнул потолок. Им показалось, что рушится весь мир, наполненный ужасным, нескончаемым грохотом. Застигнутые врасплох, Давид и Кенко оцепенели. Нестерпимый грохот не умолкал. Казалось, барабанные перепонки не вынесут этого. Огромные куски штукатурки и клубы меловой пыли вздымались до неба, заполняя всю Вселенную.

Понемногу они кое-как пришли в себя и пошли по улице, прочь от дома.

* * *

Там они увидели бегущих людей, выгнанных из своих квартир. Откуда-то доносился надрывный вой мегафона:

— Внимание, внимание всем гражданам! Офицеры реабилитационной службы здесь для того, чтобы помочь вам, граждане…

Вся улица начала постепенно наполняться истошным воплем — пронзительным, нескончаемым.

Окинув взглядом улицу, жителей квартала, все прибывающих полисменов с автоматами в руках, Давид Хелоран сразу понял, что все это значит, и его охватило мучительное, сводящее каждую мышцу, оцепенение.

Их подхватило общим потоком людей. Рядом с ними прихрамывал дряхлый дедушка Грант, который с необычайной силой то размахивал костылем, то громко стучал им по тротуару. Ветер вздувал ему до самых глаз длинную седую бороду и развевал волосы. Грант в эти минуты был похож на сказочного колдуна.

С мрачной решимостью ковыляла рядом с ним пожилая дама, ее звали мадам Лотак. Она нахлобучила на голову старомодную шляпу с большими полями для защиты от солнца, но забыла завязать ленты, и они болтались у нее на плечах. Старуха ужасно

гордилась своей шляпой и любила в ней щеголять — именно в таких головных уборах разгуливали модницы прошлого века…

Следом шагал пастор Элф Флойд, на лице его застыла гримаса брезгливого осуждения, но он не мог не идти рядом со своими прихожанами.

Продребезжал древний «форд». К рулю пригнулся сумасбродный мальчишка Джимми; в машине было полно его приятелей, таких же сумасбродов. Они вопили, свистели, мяукали — словом, были рады случаю пошуметь.

В поток идущих еще и еще вливались жители квартала, наперегонки мчались дети и собаки. Люди шли не только по тротуару, но и по газонам перед домами, и прямо по мостовой.

На главной улице, перед муниципалитетом, все росла и росла толпа. Начали подъезжать автобусы, из которых выпрыгивали полисмены реабилитационной службы. Они начали заталкивать в автобус жителей квартала, сопротивляющихся укрощали с помощью дубинок и кулаков.

Подбежал Томас Брэд, мясник из магазина. Край его белого фартука был заткнут за пояс, а высокий плотный колпак съехал на ухо.

Берта Стивенсон, секретарша, взобралась на какой-то ящик посреди тротуара, чтобы лучше видеть, что творится вокруг.

Сильвестр Максвелл, хозяин заправочной станции, что находилась напротив муниципалитета, стоял у обочины и усердно тер куском ветоши перепачканные смазкой ладони, словно знал, что ему вовеки не оттереть их дочиста, но стараться он обязан.

Гарри Силк с размахом подкатил на фургончике желтого цвета к бензоколонке и заглушил мотор.

Какой-то толстый тип в полицейской форме ударил Давида Хелорана по затылку чем-то увесистым. Рубашка сразу пропиталась пятнами крови. Давид упал на четвереньки, ему показалось, что в черепной коробке разорвалась бомба.

Кенко бросилась к нему на помощь:

— Давид, ты можешь встать? Попробуй подняться, — сказала она и заплакала. Давид некоторое время лежал без движения, затем все же с помощью Кенко поднялся на ноги, тряся головой.

В этот момент какой-то верзила схватил Кенко за волосы. Подбежали еще двое и набросились на несчастных, как голодные хищники на добычу. Все завертелось в бешеном круговороте. Один из напавших ударил Кенко по ногам носком тяжелого ботинка. Молодая женщина рухнула, сильно ударившись об асфальт. Верзила, шипя от злобы, как гремучая змея, вытащил пистолет и направил на Кенко.

В дикой ярости Давид швырнул камень в полицейского, держащего его жену на прицеле. Тот в ответ выстрелил, но пуля попала в асфальт.

Верзила отпустил Кенко, сбил с ног Давида и навалился на него. Он скрутил ему руки, приподнял и швырнул в переполненный автобус, стоящий рядом.

— Мама, мамочка! — закричала Ника, но родители не могли ей помочь. Ребенка толпой отнесло дальше. Ника безудержно плакала. — Мама, папа, помогите! — умоляла испуганная происходящим девочка.

Ника с плачем вцепилась в обидчика-громилу и принялась колотить его своими маленькими кулачками. Полицейский отшвырнул ее, Ника, пролетев несколько метров, упала на мостовую, не переставая плакать и кричать.

Затем ее кто-то подхватил. Девочка боролась изо всех сил, брыкалась, кусалась, как пантера, пытаясь освободиться, но ее с легкостью удерживали.

Ника никогда не забудет то страшное, злобное лицо. Гигант держал обе ее руки своей одной и забавлялся тем, что с силой сжимал и разжимал тонкие пальчики.

Ника кричала от боли, напрасно пытаясь освободиться, изо всех сил пиная урода ногами.

— Мама, мамочка!.. — звала она на помощь. Слезы заливали лицо. Девочку охватили страх и ужас.

— Мама, папа… — слабеющим голосом звала насмерть перепуганная Ника.

Издевательство над ребенком увидел Большой Сэм. Он дико заорал и наклонился вперед, чтобы стряхнуть с себя трех полисменов, навалившихся на него и пытавшихся затолкнуть в автобус, где уже было много жителей квартала Кадиллак-Хайц.

Раздавая тумаки направо и налево, Большой Сэм не без труда выбрался из свалки. Он походил на огромного медведя, отбивающегося от злобной стаи волков. Еще какая-нибудь минута, и кулаки Сэма обрушатся на гиганта, как неудержимый горный камнепад…

Но, к несчастью, Большой Сэм споткнулся о чье-то тело, лежащее на асфальте, и распластался рядом.

Вдруг он услышал знакомый голос. Сэм повернул голову и увидел Берту Стивенсон.

Берта отчаянно кричала, размахивала руками, пытаясь привлечь к себе внимание:

— Не верьте им, не верьте! Они увозят вас в концентрационные лагеря! Вы больше никогда не вернетесь сюда, не увидите свободы! Я знаю, знаю, что нет никаких

реабилитационных центров, с дубинками и револьверами туда бы не переселяли!

Глаза горели на ее темнокожем лице, искаженном неистовой яростью и ненавистью.

— Сумасшедшие, идиоты! Подонки! Будьте вы прокляты! Убирайтесь отсюда! — хрипела она.

На губах у Берты выступила пена. Она была страшна в своей отчаянной ненависти. Берта бросала в адрес полисменов из реабилитационных групп жестокие, унизительные ругательства.

— Ну, проклятая черномазая, считай, что ты уже допрыгалась! Сейчас я прикончу тебя, и тогда уж точно тебе не понадобится реабилитационный центр! — завизжал полисмен и, расталкивая ударами дубинки толпу, подскочил к Берте.

Губы Берты выпятились, она плюнула полисмену в лицо. Она даже не двинулась с места, когда тот вплотную подошел к ней. Только глаза горели бешенством, а маленькие руки сжались в кулаки. Как только полисмен протянул руку, чтобы схватить Берту, она вцепилась ногтями в ненавистную морду. Она царапала его, как кошка, и не вырвала ему глаза только потому, что он резко отклонил голову.

От ярости и боли полисмен ослеп. Он поднял руку, чтобы ударить Берту, но она с необыкновенной прытью метнулась в сторону, а его огромный кулак, минуя цель, с размаху врезался в стену. Полисмен заорал от нестерпимой боли и бессильной злобы.

Берта, воспользовавшись моментом, выхватила мегафон из его рук и бросилась бежать вдоль стены, к автобусам, пытаясь выбраться из этой свалки, но не успела. Дорогу ей загородил своим телом другой полицейский, отрезая путь к отступлению.

Женщина прижалась к стене, сложив руки за спиной, и следила за ним блестящими глазами.

На ее лице не было и тени страха, когда полисмен бросился на нее. Как только он изловчился, чтобы нанести Берте удар она, вскинув руку, хлестнула его по лицу собачьей плетью. Полисмен попытался завладеть орудием Берты, но она снова ударила его. Удар пришелся по лицу и обжег кожу так, будто к ней прикоснулось раскаленное докрасна железо. Полисмен закричал от боли и снова попытался выхватить плетку, но она, просвистев в воздухе, обрушилась на его голову. Берта с быстротой ящерицы метнулась в сторону, обернулась и снова ударила его плеткой по лицу. Одуревший от боли полисмен попятился назад.

Берта стала размеренно и методично хлестать плеткой по головам, спинам, шеям всех полисменов, попадавшихся ей в этой свалке. Им негде было скрыться от свистящей в воздухе плетки,

которая снова и снова врезалась в кожу, оставляя на ней горящие огнем багровые вздувшиеся рубцы.

Вдруг внимание Берты привлек неистовый плач ребенка. Приглядевшись, она снова задохнулась от гнева: гигантский урод измывался над Никой. Одним прыжком Берта оказалась возле них, и ее хлыст впился прямо в глаз верзиле. Взревев от боли, он упал на колени. Возле них вдруг появился Большой Сэм. Берта вырвала малышку из рук негодяя и передала Сэму. Он взял малышку на руки и быстро втолкнул в желтый фургончик, стоящий неподалеку.

Берта, схватив мегафон, подбежала к автобусам, куда полисмены заталкивали людей.

— Слушайте меня, люди! — закричала она. — Нет никаких реабилитационных центров! Все, что они делают — незаконно! Они не имеют права выгонять вас из ваших собственных квартир и издеваться над вами.

Оставайтесь здесь, здесь — ваш дом! Если вы останетесь, никто не посмеет вас отсюда выселить!

К ней бросились несколько полисменов, кто-то из них сильно толкнул ее. Берта упала на тротуар.

— Что же ты, защитник, не умеешь с дамами обращаться? — издевалась она.

— Ах ты, наглая мразь, недолго тебе осталось орать! — несколько солдат бросились на нее.

Берта едва успела проскользнуть за груду металлических бочек. На одну из них она пришлепнула магнитную бомбу с часовым механизмом.

— Бегите отсюда, люди, торопитесь! — закричала Берта, отбегая от бочек.

Через несколько минут раздался оглушительный взрыв, тела нескольких полицейских взлетели на воздух…

Пробежав несколько метров, Берта увидела желтый фургончик. Дверь перед ней отворилась, она запрыгнула в машину.

Ника продолжала плакать. Женщина ласково прижала девочку к груди.

— Не бойся, малышка, — нежно сказала Берта, вытирая слезы со щек ребенка. Ну, тише, тише. Все будет в порядке. Теперь ты с нами.

Девочка обняла ее за шею, уткнувшись носиком в мягкую грудь и успокоилась.

— Ведь я найду своих родителей, правда? — тихо спросила она.

— Конечно, найдешь. Мы все вместе их найдем, не волнуйся,

девочка.

* * *

Переполненные автобусы один за другим трогались с места и уносились неизвестно куда по ночным улицам города. Но тут же подходили другие машины, и полицейские бесцеремонно заталкивали в них оставшихся жителей района.

Дэвид Блэк, на которого была возложена операция по вывозу людей, стоял немного в стороне, предпочитая не вмешиваться в эту переделку.

— Быстрее! — кричал он полицейским. — Какого черта вы медлите? Быстрее, неженки несчастные!

Он готов был сам броситься в этот людской поток и гнать всех взашей к автобусам. Главное, не дать им опомниться. Но, видя злые лица людей, он боялся, что тогда непременно сорвется и начнет в них стрелять. И это стало бы началом большой бойни, за которую его вряд ли поблагодарит начальство.

— Быстрее! — кричал Блэк.

Его злили неповоротливые полицейские, злили эти бестолковые гражданские, которые вопили, кричали, будто их собирались сажать на горячую сковородку.

Его злило, что, судя по всему, срывался е. го очередной отпуск, а он так хотел поскорее, хоть на пару недель, выбраться из этого кошмарного города, из этой кошмарной страны. Он хотел к морю, куда вчера утром отправилась его жена и теперь, наверное напрасно каждый день будет ждать его приезда.

Блэк посмотрел на небо. Понемногу начинало светать. Они не укладывались в отведенные сроки.

— Ну, что вы медлите, болваны! — снова закричал Блэк и зло плюнул себе под ноги.

* * *

Гарри Грант, стараясь сохранять спокойствие и находиться как можно ближе к мадам Лотак, мысленно проклинал все на свете. Ему были ненавистны эти каменные физиономии полицейских, на которых не было видно ни капли сострадания.

— Подумать только, что делается! — не выдержал он. — Нас выгнали, словно скот, из своих же квартир. Теперь никому нельзя верить. Вокруг обман и жестокость.

— Успокойтесь, мой друг, — мрачно сказала мадам Лотак, —

мы все равно не в силах что-либо изменить.

— Я спокоен, я совершенно спокоен. Но я не понимаю: в чем мы провинились? Перед кем?

На лице Гранта появилось недоумение.

— Все образуется, поверьте. Я в своей жизни пережила и не такое.

— Однако вы все же придерживайтесь меня, — робко сказал Грант, глядя в сторону. — Мало ли что еще может случиться.

— Хорошо, мой друг.

Мадам Лотак взяла его под руку. Это необычайно окрылило Гарри Гранта. Он почувствовал в себе прилив сил и смелости, будто ему теперь снова было лет тридцать, и он находился на своем корабле, а вокруг бушевал шторм.

— Это же бесчеловечно! Должны же быть какие-то законы, в конце-концов. Мы же люди, а не муравьи, на которых наступил ногой — и нет их.

Грант хотел показать своей спутнице, что он ничего не боится, и, если что, она вполне может на него рассчитывать.

Мадам Лотак покрепче сжала локоть старика, очевидно, вполне разделяя его чувства.

— Мы же люди! — продолжал Грант. — И у нас тоже есть человеческое достоинство, и мы не позволим, чтобы нам прямо в лицо какие-то грязные подонки, безумные служаки вот так вот — тьфу! — плевали.

Плевок Гранта угодил прямо в полицейского. Тот принял это как вызов и тут же обрушил на старика целый град ударов дубинкой.

Грант выпустил костыль и, не удержавшись на ногах, полетел на землю.

Мадам Лотак пронзительно закричала, хотела помочь старику подняться, но ее грубо оттолкнули.

Несколько полицейских подхватили Гранта и потащили в ближайший автобус. Людским потоком мадам Лотак понесло к другому автобусу.

Костыль остался лежать на дороге. Его обходили, на него наступали, кто-то об него споткнулся и, крепко выругавшись, отбросил в сторону.

Мадам Лотак пыталась вырваться из толпы, она хотела быть вместе с Грантом, но один из полицейских грубо толкнул ее обратно в людской поток.

* * *

Пастор Флойд шагал вместе со всеми с высоко поднятой головой. Он не только совершенно успокоился, но, казалось, смотрел на происходящее с явным удовольствием.

— Молитесь, братья и сестры, — тихо говорил он, будто обращался к самому себе. — Молитесь, и будете спасены. Господь долго терпел это беззаконие, эти ужасы, но всему приходит конец. Пришел конец и его терпению.

Кто-то сильно толкнул его, но пастор не обратил на это никакого внимания.

— Молитесь, братья и сестры, ибо пришел конец света. Смотрите, как заходится сатана в предсмертных судорогах. Не бойтесь его криков. Он показывает свое жало, но оно уже не ядовито.

В это момент он заметил, как какая-то женщина бросилась за груду металлических бочек, которые находились недалеко от него.

Она тут же выскочила обратно.

— Бегите отсюда, люди, торопитесь! — закричала женщина и сама бросилась в сторону.

Не успел пастор сообразить, что бы все это значило, как мощный взрыв сотряс воздух. Все вокруг бросились врассыпную, но пастор, ничего не соображая, остался стоять на месте.

— Моли… молитесь… — пытался и не мог закончить фразу Флойд.

Лицо его исказила гримаса боли. Он скорчился, но ноги уже не держали его. Земля, будто непослушный мячик, уплывала из-под ног, и он упал на колени.

— Госпо… госпо… — силился что-то сказать пастор, и в этих звуках были и его растерянность, и боль, и непонимание, и обида на весь этот жестокий мир.

Перед глазами все стало расплываться, он закрыл их, но открыть снова уже не смог…

Один из полицейских, совсем еще молодой парень с детским лицом, на котором застыло выражение вечной никому не известной вины, склонился над пастором.

— Кажется, мертв, — сказал он подошедшему напарнику, лет на двадцать старше его, успевшему перевидать в своей жизни немало смертей.

— Ну и черт с ним, брось его, — махнул тот рукой. — Потом без нас разберутся. Ну, что ты застрял, пошли, — нетерпеливо добавил он.

— Моя мать его хорошо знала, — неожиданно произнес молодой полицейский. — Ей нравилось, как он читает молитвы, торжественно и в то же время как-то нежно.

— В конце концов, не ты же его убил. Передай привет своей матери от той сумасшедшей, которая бомбу взорвала. Давай, пошли!

Молодой полицейский бросил последний взгляд на пастора и поторопился за напарником.

* * *

В машине было несколько человек, живших в рабочем квартале — аптекарь Сэм, Берта Стивенсон, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл.

Лица у всех были суровые и хмурые.

За рулем сидел Марено, высокий и худой парень, который, казалось, состоял только из рук и ног. У него было простодушное загорелое лицо. На первый взгляд его можно было принять за крестьянина, впервые попавшего в город, причем целую неделю спавшего одетым. Потертая фетровая шляпа, небрежно сидящая на его голове, завершала это впечатление. Его волосы, очень густые и непокорные, как ни пытался он их пригладить, торчали во все стороны. Время от времени он стриг их, случалось, пользовался и гребенкой, когда та подворачивалась под руку, но это происходило очень редко. Окружающие принимали его за не очень умного, но совершенно безобидного человека. И мало кто знал, что Марено обладал необыкновенными способностями: не было такого дела, за которое он бы взялся и не добился успеха.

То и дело мимо фургончика проходили полисмены из реабилитационной группы в форме мышиного цвета. Улица выглядела, как после сильного землетрясения. Некоторые дома были полностью разрушены, в них что-то горело. На улицах валялись перевернутые машины, над разрушенными домами висел дым, слышалось гудение пожара.

— Сограждане! — орал мегафон фальшивым голосом, будто на предвыборном собрании. От такого голоса сразу начинает тошнить. — Сограждане, призываю вас соблюдать тишину и спокойствие!

— Друзья, — сказала Берта укрывшимся в машине. — Нам грозят неприятности. Ну да это вы и сами, пожалуй, поняли. Нас здорово обманули, значит, надо всем вместе искать выход, нужно бороться. Нам нельзя уходить отсюда, попробуем продержаться хотя бы несколько дней. Запас продовольствия у нас есть, вполне хватит на неделю, а то и больше. И если даже запасы придут к концу, мы достанем еще. Но нам нужно нечто гораздо большее — оружие.

— Да, да, — согласился Сильвестр Максвелл. — Ну, конечно, все правильно, Берта. Мы постараемся сделать все, что только в наших силах.

— А дальше что? Что будет с нами и с нашими семьями дальше? — мрачно спросил мясник Томас Брэд.

Ника внимательно слушала и следила за всем происходящим.

Берте Стивенсон исполнилось сорок лет, но ни тяжелая работа, ни роды, ни разрывающие душу страдания, связанные со смертью единственного ребенка, не отразились на ее великолепной стати. Она была высокой, с роскошной копной курчавых волос и горделивой осанкой. Казалось, ей суждено дожить до ста лет — она была женщиной с сильным характером и мужественным сердцем.

Она была не из тех, кто много читает, но обладала огромным запасом лежащих в подсознании опыта и мудрости, собранных бесчисленными поколениями всей ее нации. Берта вполне могла успешно разговаривать с кем угодно на равных и противостоять всей книжной учености. В ее присутствии людям приходили в голову мысли, на которые они не считали себя способными, а собственные слова начинали казаться интересными им самим.

Она была по-житейски мудра, обладала здоровым чувством юмора, но сразу подмечала ложь и фальшь, никогда не прощала этих пороков, несмотря на то, что сердце у нее было доброе.

Самой замечательной чертой Берты Стивенсон была искренность, такая безграничная искренность, что она бросала свой свет на тех, кто общался с этой женщиной.

Берта минутку помолчала, затем сказала: — Создание реабилитационного отдела — это нечто очень крупное. Настолько крупное, что дело ведут федеральные власти. За всем этим стоит огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые в любой момент могут быть приведены в действие, поэтому они торопятся сделать свое грязное дело.

Я звонила в очень многие телеграфные агентства и редакции нескольких газет. Все очень живо интересовались, что у нас тут происходит. Я рассказала все, что видела и знаю. Одна телевизионная компания отправляет в наш квартал съемочную группу. Когда мне сейчас пришлось уйти из дома, непрерывно звонил телефон. И в редакцию тоже, наверное, звонят без передышки. Надо думать, газеты, радио и телевидение уже не выпустят нас из виду, правда все равно всплывет, как бы ее не утаивали.

Я не сомневаюсь, что и власти штата и правительство не бросят нас на произвол судьбы. Нашим положением уже всерьез все заинтересовались. Нам нужно подождать всего лишь

несколько дней, пока придет помощь

Марено взглянул на улицу — она была пустынна.

— Что, едем? — спросил он.

— Ладно, за дело, — согласились все. Марено плавно тронул фургончик с места.

— Господи, что они сделали с нашими домами! — тяжело вздохнула Берта. — Пусть не надеются, что это им просто так сойдет с рук.

* * *

Полицейский инспектор западного района города Детройта Джонсон не скрывал своего раздражения по поводу проведения ночной операции.

Как всегда, этот бестолковый Блэк решил действовать по-своему и взять жителей отведенных ему домов на испуг, забывая, какое сегодня время, и чем все это в итоге может обернуться для них самих. Еще не известно, как к этому отнесутся в корпорации «Оу-Си-Пи». Сегодня они согласны на любые меры, завтра могут уволить за то, что какой-то полицейский не помог старушке перейти через дорогу.

Впрочем, Джонсон явно перестраховывался. Сказывалось медленное продвижение по служебной лестнице. Десять лет на одном месте — это уж чересчур!

— Итак, — раздраженно сказал Джонсон, — доложите, сколько убитых.

Блэк поднялся с кресла. Разговор принимал официальный характер и, чтобы не накликать беду, ему, пожалуй, стоило придерживаться устава.

— Трое полицейских, господин инспектор. И еще трое гражданских. Пастор. Случайно задело после взрыва магнитной бомбы. И еще мужчина и женщина. Личности пока нами не установлены.

— И вы мне докладываете, что операция прошла успешно?! И это, когда там рвались бомбы?!

— Но…

— Сегодня у кого-то нашлась бомба, завтра он прилетит сюда на военном вертолете и расстреляет ко всем чертям это здание вместе с нами. Нашли виновника?

— Нет, — глухо сказал Блэк.

— Почему? — вскипел инспектор.

— Это была какая-то сумасшедшая женщина, она как сквозь землю провалилась. Ведь операция происходила ночью. Там

собралась уйма народу. Но мы найдем ее в самое ближайшее время, — уверенно произнес Блэк. Он с трудом проглотил застрявший в горле комок и уже не столь уверенно добавил:

— И потом… насчет бомбы… Это какая-то нелепая случайность, поверьте.

— Ладно, — задумчиво произнес Джонсон и неожиданно спросил:

— Ты что куришь?

— «Мальборо».

— Давай, годится.

Блэк облегченно вздохнул. Он хорошо знал характер и привычки своего шефа. Если тот просит сигарету, значит, можно расслабиться.

«Сейчас хорошо бы не сигарету, а пару глоточков виски», — подумал Блэк, но вслух произнес:

— А я вот все собираюсь бросить курить.

— Собираться можно на улицу в проливной дождь. А с курением надо так: или сразу бросать, или даже не думать об этом.

Блэк неопределенно пожал плечами.

* * *

Желтый фургон остановился перед высокими металлическими воротами, на которых огромными буквами красовалась надпись: «Полицейский арсенал».

Они могли трясти ворота сколько угодно, но те были наглухо закрыты. Вокруг — ни одной живой души.

Сэм, Берта и Томас Брэд взяли взрывчатку и побежали к воротам. Вскоре они вернулись обратно.

— Ну, Ника, затыкай уши, — улыбаясь, сказала Берта, ласково касаясь руки девочки.

В эту секунду раздался оглушительный взрыв. Когда языки пламени исчезли, а дым рассеялся, они увидели, что ворота распахнуты.

— Черт побери, неплохо получилось! Ну, ребята, вперед! — скомандовал Сэм.

Когда все вбежали на территорию полицейского арсенала, то замерли от ужаса, не в силах сдвинуться с места.

— Господи! — прошептала Берта побелевшими губами.

— Нет, нет, не бойтесь, это же робот! — радостно закричала Ника и подбежала к нему.

— Да у него оружия больше, чем во всем Детройте, — заревел

Сэм ей вдогонку.

— Внимание! — услышали они низкий металлический голос робота, наводившего на них еще больший ужас не только своим видом, но и действиями. — Вы пересекли границу собственности полиции. Вы нарушили закон. У вас есть двадцать секунд, чтобы покинуть эту территорию.

И мгновенно начал приводить боевые установки в полную готовность.

— Ребята, нас всех сейчас перестреляют! — вопила Берта, схватившись за голову и сожалея, что не доведет начатое дело до конца.

Сканер экрана, установленного на роботе, был включен.

Ника приблизилась к нему вплотную, присела у кодирующего устройства и быстро-быстро застучала по клавишам. Ее модулированный сигнал был тотчас же передан в электронный мозг робота. Почти мгновенно вспыхнул экран, и через ретранслятор в электронной системе робота были воспроизведены все изменения его программы.

— Зачем вы отпустили туда Нику и что она там делает, черт побери! — кричал обеспокоенный Сэм.

Робот продолжал информировать..

— Вы нарушили параграф 144, пункт 3 уголовного уложения и будете наказаны, согласно уголовному кодексу.

Ника оторвалась от своего занятия и, восторженно выплясывая вокруг робота, закричала:

— Вы не представляете, он может быть ласковым и послушным, как щеночек!

— У вас осталось 5 секунд… 4 секунды… 3 секунды… 2 секунды…

Этот металлический голос проникал в мозг каждого, парализуя движение. Все стояли, как вкопанные, не в силах сдвинуться с места.

— У вас осталась 1 секунда, после чего я открываю огонь… или… я буду верным и ласковым, как щеночек, — робот при этом опустил свои пусковые установки и замолчал.

Все не скрывали своего восторга, ведь минуту назад они были на волосок от смерти. Еще больше они переволновались за девочку, которая так бесстрашно полезла прямо в раскрытую пасть. И эта девочка спасла их всех.

— Смотри! — толкнул Берту Сильвестр Максвелл и указал на решетку из поперечных прутьев.

Все подбежали к складу. Решетка была заперта на электронный замок с кодом.

Томас Брэд вытащил из кармана полицейский жетон.

— Это принадлежало полицейскому, — сказал он и попытался всунуть пластину в замок, но тщетно.

Вдруг послышался гудок сирены, на табло высветилось: «Допуск разрешен!!!»

Но выше высветилась еще одна надпись: «Тревога! Тревога!»

— О черт! — закричал Сильвестр Максвелл. — В арсенале полиции сработала сигнализация!

— Ребята, мы здорово влипли, — сплюнул Томас Брэд. — Наверное, они сняли его подпись.

— У нас осталось несколько минут, чтобы войти и взять оружие. Надо только дверь открыть!

— Но как же мы сделаем это? — воскликнул Томас.

В эту минуту Ника дала всем знак отойти в сторону, а сама быстро защелкала клавиатурой управления Для нее это было самой обычной игрой, похожей на ту, в которую она играла дома, управляя своим крошечным роботом.

Робот послушно сделал несколько шагов, развернулся и выпустил заряд прямо в замок. Вход был открыт.

Все с благодарностью посмотрели на Нику и побежали на склад за оружием.

Их взорам открылось длинное помещение со стеллажами, аккуратно заполненными оружием и боеприпасами всевозможных образцов, видов, калибров.

— Так-так, — Берта потирала от удовольствия руки. — Принимайтесь за дело, ребята. Раз уж мы сюда попали, то будем делать покупки.

Они начала складывать оружие в тележку, которую подкатил Томас.

— Берта, торопись, у нас осталось слишком мало времени, — подгонял он. — Нужно уходить.

Глаза Берты разбегались, она не знала, что схватить.

— Ну что такое, что ты копаешься? Живей, живей! — то и дело торопил ее Томас.

— Ух ты! — вдруг воскликнула Берта, увидев какую-то непонятную штуковину, напоминающую крылья. — Помоги-ка мне поднять эту штуку!

— Зачем? — недоуменно спросил Томас.

— По-моему, она очень дорогая, — ответила Берта.

— Идем, идем быстрее, — потянул Берту за руку убегавший Сильвестр Максвелл. Они начали уходить со склада.

* * *

Робот-полицейский молча смотрел вслед уходящим и включил режим записи изображения в память.

Неожиданно Ника остановилась, оглянулась на робота и со всех ног бросилась к нему.

— Как тебя зовут? — спросила она, подбежав к механическому полицейскому.

— Мэрфи, — ответил тот.

— Странно, — пожала плечами девочка, — у тебя даже имя человеческое. И сам ты очень похож на человека, на которого надели железный скафандр. Пока, Мэрфи!

— Пока, — металлическим голосом ответил робот-полицейский.

Девочка побежала догонять остальных.

Мэрфи, глядя ей вслед, замер, словно внутри у него полетели все микросхемы. Если бы у робота была душа, его лицо сейчас бы исказила гримаса боли.

Но у него была лишь память, которая время от времени заставляла его возвращаться в прошлое, в другую жизнь…

Полицейская машина влетела на территорию заброшенного металлургического комплекса.

Сержант Мэрфи в который раз кричал в переговорное устройство:

— Мы преследуем преступников, ограбивших магазин. Сообщите, когда прибудет помощь.

Однако из Центра опять повторили, что с помощью придется повременить — в соседнем квартале идет ожесточенная перестрелка с бандой Джокера.

— Что будем делать, Льюис? — спросил Мэрфи у своей напарницы, которая сидела рядом с ним.

— Давай возьмем их! — предложила та.

Они выскочили из машины и бросились к оставленному у угла здания фургону. Двери автомобиля были распахнуты, а внутри никого не было. Лишь на полу фургона и на земле возле машины лежало несколько долларов. Еще несколько купюр валялось на лестнице, которая вела в старый корпус. Еще одна лестница была с другой стороны здания.

Мэрфи и Льюис разделились. Льюис побежала в обход, а Мэрфи бросился вверх по лестнице…

Услышав голоса, Мэрфи выглянул за угол. Двое преступников несли ящик с деньгами. Одни был высокий, лет сорока, в куртке и кожаной кепке. Другой чуть пониже и несколько помоложе его. Они вошли в комнату и поставили ящик на пол.

Мэрфи выскочил из-за угла и направил пистолет в сторону

преступников:

— Не двигаться!

Высокий рванулся к стоящему перед ним табурету, на котором лежал карабин. Мэрфи выстрелил, и тот покатился по полу, схватившись за живот.

Сержант вызвал по рации Льюис, но она не ответила. А через несколько секунд он услышал за спиной голос:

— Эй, парень, отпусти-ка его!

Мэрфи оглянулся. Метрах в пяти от него стоял узкоглазый тип с направленным с его сторону карабином. Еще один вооруженный преступник стоял на железной лестнице вверху. В это мгновение тот, который находился в комнате, резко бросился в сторону Мэрфи и вышиб у него пистолет…

Один из преступников ударил сержанта прикладом карабина по ногам. Он упал, как подкошенный.

— Где твой партнер? — услышал он над собой чей-то злобный голос.

Мэрфи молчал. Его снова ударили карабином, на этот раз в плечо. Неожиданно из-за угла послышался голос:

— Эй, ребята! Его партнерша была наверху. Такая сладенькая, как карамелька.

Мэрфи не видел говорившего, но вскоре услышал над собой его тяжелое дыхание.

— Я отправил ее вниз, ознакомиться с нашими достопримечательностями…

Пуля насквозь прошила ладонь Мэрфи, которая тут же превратилась в кровавое месиво. Мэрфи стал хватать ртом воздух. Боль была такая ужасная, что лучше было сейчас умереть. Тут же последовали новые выстрелы.

Бронежилет, который был надет на сержанта, спасал его от смерти, но не спасал от боли. Одна из пуль попала в раненую руку чуть пониже плеча. Заряд оторвал руку, лишь на плече остались окровавленные лохмотья кожи.

Последний выстрел пришелся ему в голову…

— Мэрфи, милый, что они с тобой сделали?! Кажется, это был голос Льюис. Послышался шум вертолета. Чей-то голос:

— Быстрей, ребята, быстрей!

Бесконечная черная ночь. Боли не слышно. Только хочется покоя, а мозг насквозь просверливает какой-то непонятный мучительный звон. Где-то далеко-далеко слышны голоса.

— Кровяное давление?

— Падает!

— Дыхание?

— Не прослушивается!

— Присоединяйте аппарат искусственного дыхания!

— Есть!

Несколько мгновений стоит жуткая тишина. Неожиданно она прерывается все теми же голосами:

— Зрачок не реагирует!

— Немедленно готовьте кровь для переливания! Какая у него группа?

— Четвертая.

Снова тишина. Потом появляется какой-то шум, словно крутят ручку старенького радиоприемника, настроенного на короткие волны. Выстрелы. Чей-то смех. Потом слова, которые он уже где-то слышал:

— Эй, ребята! Его партнерша была наверху. Такая сладенькая, как карамелька. Яотправил ее вниз, ознакомиться с нашими достопримечательностями.

Где он слышал эти слова? Где он мог их слышать? Чья партнерша?

Снова шум. И уже другие голоса, где-то совсем рядом:

— Что будем делать?

— Давайте электрошоковую терапию.

— Приготовьте место!

— Готово!

— Аппарат готов!

— Разряд!

— Есть!

Тишина. Сознание отключается. На несколько минут все проваливается в черную бездну.

Неожиданно появляется усталый голос:

— Похоже, мы больше ничего не сможем для него сделать. Который час?

— Шесть пятнадцать, — доносится откуда-то издалека. Вдруг что-то промелькнуло у него перед глазами.

Словно фотовспышка в темной ночи. Снова темно.

Он видит совершенно отчетливо. Рядом с ним стоят несколько человек.

— Он включен, — говорит один из них.

Затем появляется лицо девушки. Потом подходит еще один человек в строгом деловом костюме.

— Мы оставили ему левую руку, — говорит девушка.

— Что? Мы же договорились, что все будет заменено, — недовольно морщится человек в строгом деловом костюме.

Их глаза встречаются.

— О, Господи! Он что, и видит, и слышит нас?

— Это не страшно, потом мы все это сотрем из его памяти, — отвечает ему мужской голос.

— А как насчет его тела?

— Вообще-то он мертв. Я уверен, никаких проблем с полицией у нас не будет. Сейчас мы можем делать с ним все, что угодно.

Каждое слово фиксируется в его мозгу, словно на магнитофонной пленке. Однако на что-либо другое его мозг не способен. Полученная информация не поддается никакой чувственной обработке, потому что самих чувств мозг не вырабатывает.

Он не знает, прошел день, два или, может быть, месяц. Неожиданно он снова видит залитую светом лабораторию. Над ним склоняется какое-то знакомое мужское лицо. Он где-то его уже видел. Где?

— Вся его кожа будет такой же крепкой, как и корпус. Это специальный сплав титаниума с кевларом, — довольно говорит знакомое лицо и снова исчезает.

Он идет по коридору участка. Его обгоняет какая-то женщина и останавливается.

— Привет. Меня зовут Льюис. А у вас есть имя?

Он ее где-то уже видел. Но где? И этот голос…

— Чем я могу быть полезен вам, офицер Льюис? Она склоняется к самому его лицу:

— Мэрфи, ведь это ты? Ты действительно не помнишь меня, нет?

Ему ужасно знакомо это лицо. Ему ужасно знакома произнесенная ею фамилия. Но соединить всю информацию в одно целое и проанализировать ее он не в состоянии.

— Извините, мне нужно идти. Где-то сейчас происходит преступление, — металлическим голосом отвечает от и быстро идет дальше…

* * *

Робот-полицейский вышел из оцепенения. Он, словно пьяный, сделал несколько шагов вперед, потом назад. Затем остановился, выпрямился и уверенными шагами быстро двинулся вперед, следом за Никой.

«Впереди опасность! Впереди опасность!» — непрерывно поступала в его мозг одна и та же информация.

В городе наступало утро. Окна высоких домов позолотили первые лучи солнца. На дорогах все больше возрастало движение. Вскоре появились первые прохожие.

Город начинал жить новым днем, чем-то похожим на предыдущие дни, чем-то отличающимся от них.

И лишь в одном из районов всю ночь не смолкал шум экскаваторов, которые разгребали обломки разрушенных домов и сгружали весь этот хлам на непрерывно подъезжающие к ним тяжелые машины.

Здесь, по проекту, вскоре должен был возникнуть Дельта-Сити, самый лучший район во всем Детройте.

* * *

В диспетчерской полицейского участка, доверху набитой электронной аппаратурой, находилось несколько дежурных диспетчеров. Сидя за полукруглым столом, они напоминали карточных игроков, которые провели здесь ночь. Но карт на столе не было. Вместо них возвышался сифон с водой, стояли стаканы, пепельницы, полные окурков.

Было невозможно установить, какое сейчас время суток — комната не имела окон и освещалась несколькими лампами дневного света.

Сигнал боевой тревоги из полицейского арсенала моментально дошел сюда. Диспетчеры немедленно выслали три машины с полицейскими, которые на полной скорости, с сиренами и мигалками, помчались по улицам города. Не прошло и пяти минут, как они на полной скорости влетели на территорию полицейского арсенала. Из машин выскочили полицейские в черных формах. Блокируя выход, они легли возле машин с пистолетами наготове.

— Немедленно бросить оружие! Живо! Кому сказал! — закричал офицер.

— Господи, вот влипли. Неужели это ловушка? — в отчаянии подумала Берта.

Но в этот момент полицейским перекрыл дорогу робот. Это была довольно внушительная фигура ростом в несколько футов. На вид он напоминал средневекового рыцаря в доспехах.

Маленькие пальчики Ники снова застучали по клавиатуре миникомпьютера, с которым она никогда не расставалась, и электронный мозг робота немедленно уловил посылаемые ему

сигналы.

Робот сделал несколько шагов в сторону полицейских, лежавших за машинами, и те услышали его голос:

— Ни с места! Вы находитесь в запретной зоне — на территории полицейского арсенала.

— Ах ты проклятая чертова кукла! Попался бы мне этот идиот, который придумал тебя! — выругался офицер.

— Приказываю бросить оружие! — продолжал робот. — В противном случае я открываю огонь!

Полицейские в недоумении смотрели то на офицера, то на робота, забыв, что у них в руках пистолеты.

После предупредительного отсчета робот открыл по полицейским мощный огонь.

— Умница, малышка! — крикнула Берта подбежавшей Нике. — А сейчас быстрее отсюда!

Марено с силой нажал на акселератор и желтый фургончик, рванув с места, сразу же набрал скорость.

Робот все еще стрелял по полицейским машинам, а фургончик был уже далеко.

Через пять минут робот автоматически отключился. Уцелевшие полицейские бросились было вдогонку, но фургон был вне досягаемости.

* * *

День начинался, как обычно. Полицейская Энн Льюис несла дежурство. Из диспетчерской передали, что в районе улиц Беверли Хиллз и 37 авеню случилось дорожное происшествие. Льюис поспешила туда. Подъехав к перекрестку, полицейская Льюис увидела большую толпу. Улица была запружена автомобилями и людьми. Не вызывало сомнения, что произошел несчастный случай.

Льюис подрулила к тротуару и затормозила. Толпа все увеличивалась.

— Черт возьми, что же здесь произошло? — воскликнула Льюис и, выскочив из машины, начала пробираться сквозь людское море к месту происшествия. Маленький двухместный открытый автомобиль стоял поперек улицы. Переднее крыло его было смято. Четверо мужчин толкали большой черный «паккард» к обочине. У него была разбита передняя фара и сильно поцарапан сверкающий корпус.

— Эй, ребята, в чем дело? — спросила Льюис, подходя поближе.

— Только я отъехал от тротуара, как вот этот нахал перерезал мне дорогу и врезался в мою машину, — объяснил водитель разбитого «паккарда».

«Нахалом» оказался пожилой мужчина, стоящий рядом с ним. Нарушитель бормотал что-то о тормозах. Он был бледен и заметно напуган.

В это время послышался звук сирены. Подъехали еще две полицейские машины с включенными радиопередатчиками.

Из одной выскочил краснолицый полицейский и, растолкав всех, подошел к Льюис. Она узнала Питера Джилмера и его напарника Гарри Силка, молодого двадцатилетнего крепыша. Несмотря на свой юный возраст, это был очень смышленый парень.

Поняв, что инцидент закончился благополучно, водители невредимы и, видимо, полюбовно решат вопрос, трое полицейских направились к своим машинам.

В машине Льюис включила сигнал срочного вызова центральной диспетчерской службы.

— Внимание! Внимание! Всем! Всем! Всем! — услышала она напряженно звенящий голос старшего диспетчера и, насторожившись, подкрутила ручку громкости.

Питер и Гарри остановились и тоже начали слушать.

— Только что совершено нападение на полицейский арсенал, — передал диспетчер.

— Льюис, разве ты одна? А где же твой приятель Мэрфи? — спросил Питер.

— О, за этого парня можно не беспокоиться. Он появится вовремя, — ответила Льюис, надевая на голову защитный шлем. Она всегда надевала его, когда ей предстояла быстрая езда на машине.

— Внимание! Внимание! Всем! Всем! Всем! — снова раздался голос диспетчера несколько минут спустя. — В ограблении, согласно сведениям, замешано несколько человек, которые при побеге использовали автомобиль-фургон желтого цвета с синей надписью.

Не успели они сесть в свои машины, как мимо них на большой скорости пронесся фургончик, по всем приметам похожий на разыскиваемый.

— А вот и он, черт бы тебя побрал, Шерлок Холмс, — сказала Льюис про себя.

— На ловца и зверь бежит! А это не такое уж частое везение, — обратился Питер к Гарри.

Три полицейские машины, почти синхронно включив сирены и мигалки, устремились в погоню за фургончиком.

Льюис включила передатчик и доложила в диспетчерскую:

— Говорит 477! Говорит 477! Машина в поле зрения, начинаю преследование подозреваемых.

Расстояние между полицейскими машинами и желтым фургончиком начало сокращаться.

— Марено, за нами погоня! — закричала Берта, увидев приближающиеся машины с мигалками и сиренами.

Все пассажиры прильнули к окнам.

Полицейские машины следовали за ними.

Вначале Марено ехал спокойно вдоль тротуара, затем выехал на широкую полосу асфальта, туда, где шло встречное движение. Сейчас впереди все было сплошь забито машинами, они застыли неподвижно, впритык одна к другой.

Впереди произошла авария, и сейчас на этом участке дороги образовалась пробка.

— Ну, ребята, держитесь крепче, — спокойно сказал Морено. — Сейчас рванем.

Впереди был дорожный знак — поворот на другую улицу, перед выездом на нее следовало остановиться. Однако Марено даже не сбавил скорость, фургон мгновенно пронесся по узкому переулку, едва не угодив под колеса огромного грузовика, сворачивающего на эту улицу.

— Твою мать! — выругался Марено.

— Ладно, парень, пока порядок, но впредь будь поосторожней, — дружески похлопала его по плечу Берта.

— Да смотрю, смотрю, не волнуйся, я еще тоже не готов отойти в мир иной, — он кивнул головой.

Все дружно зааплодировали. Грузовик занял всю улицу.

— Эй, Марено, хвост еще остался? — спросила Берта.

— Это еще не все! — сказал Марено. — Сейчас мы им покажем.

Льюис свернула в тот же переулок, где скрылся желтый фургон, и понеслась за ним.

Питер и Гарри проскочили дальше.

Улица была слишком узкая и короткая. Льюис уже почти проехала ее, как неожиданно на другом конце дороги вырос мощный, неотвратимо надвигающийся на нее грузовик. Разминуться было невозможно. Повернуть назад — тоже.

«Направо! — мелькнула спасительная мысль. — Да, только направо».

Она проехала почти вплотную к тротуару, настолько близко, что машину бросило вверх — два колеса прошли по панели. Было, однако, достаточно места, чтобы не разбиться вдребезги.

Грузовик остановился, водитель вышел из машины, оставив

дверцу открытой и, не говоря ни слова, обернулся и посмотрел вслед удаляющейся машине. Вздохнул, сделал соответствующий жест пальцем у виска и помахал кулаком вдогонку.

Льюис, едва переводя дыхание от пережитой стрессовой ситуации, продолжила преследование.

Впереди был перекресток. Упустив столько времени, она очень надеялась, что проехавшие вперед Питер и Гарри успеют перекрыть фургону дорогу.

— Но это еще не все, что мы собирались им показать! — усмехнулся Марено, подъезжая к перекрестку. Он остановился у светофора, вытащил пульт дистанционного управления и стал нажимать кнопки. Затем резко рванул вперед.

Огни светофора беспорядочно замигали, направляя два потока машин навстречу друг другу.

Шедший рядом с машиной Гарри Силка «ягуар» на огромной скорости врезался в «альфа-ромео», обе машины с ревом вылетели на разворот. «Альфа-ромео» столкнулась с машинами Питера и Гарри, которые наехали на нее с обеих сторон.

Через несколько секунд сюда же на огромной скорости вылетела машина Льюис. Она резко нажала на тормоз, но поздно: ее машина врезалась в «альфа-ромео» и перевернулась несколько раз.

— Господи, и ремни оказались надежными, и мотор не взорвался! — перекрестилась Льюис, выбираясь из машины. Из этой заварушки ей досталась лишь пара синяков.

Из разбитой «альфа-ромео» выскочил испуганный молодой человек с трясущимися руками. Он бросился к Льюис, отчаянно жестикулируя и непонятно что выкрикивая. Смысл его слов не доходил до ошарашенной Льюис, она сама не понимала, как все произошло и не могла прийти в себя от неожиданности.

— Что вы наделали? Вы меня защищать должны. Вы не полицейский, а убийца-шизофреничка! — вопил водитель разбитой машины. — Это что, у вас шутки такие? О, Боже, мою новую машину превратили в груду металла! Я разрешаю вам, идиотка, купить мне новую, потому что эту я только вчера купил!

Он замолчал, глядя на свою машину. К нему подошли Питер и Гарри.

— Ребята, может, вы объясните мне, что это за игры у вас такие? Что же это такое, а? — молодой человек никак не мог прийти в себя. — У вас значки полицейских, а вы ведете себя, как гангстеры.

— Ах ты, сволочь, дерьмо поганое! Это что же, выходит, я решила покончить с собой ради твоей вонючей машины? — гневно прошипела сквозь зубы Льюис, которую уже начали

раздражать вопли этого типа.

Она подошла к машине и включила рацию, вызывая на прием центральную диспетчерскую.

— Говорит 477! Говорит 477! Центральная? — аппарат молчал.

Льюис снова послала вызов.

— Я 477! Вызываю центральную!

— Льюис, Льюис! Погляди-ка сюда! — тронул ее за плечо подошедший Гарри. Он приподнял ее подбородок и кивком показал на знак, изображенный на столбе.

Льюис взглянула.

— Черт побери, это уж слишком, — прошептала она.

На столбе, плотно приклеенный, красовался маленький плакатик с изображенными на нем скрещенными костями и человеческим черепом.

— Это же банда Плашера…

Да, они находились в самом опасном районе Мелберри-парка, в месте сбора так называемых отбросов общества — гангстеров, рэкетеров, панков, опасных преступников, наркоманов. Именно здесь вовсю развернула деятельность банда убийцы Плашера, в которую входили подонки, циничные ублюдки с крашеными нечесанными волосами, торчащими во все стороны.

Полицейские, схватив пистолеты, бросились к машинам. Питер отбежал подальше, к кустам, чтобы в случае чего прикрыть друзей.

— Эй, куда же вы? Секундочку, секундочку! — побежал за Льюис водитель разбитой «альфа-ромео», раздосадованный тем, что он пострадал больше всех, но никого, похоже, это не волнует. — Я что-то не понимаю, что вы собираетесь делать? Зачем зарядили оружие? И что будет со мной?

— К сожалению, не для того, чтобы пристрелить тебя, чертов прилипала, — раздраженно бросила ему Льюис.

— Льюис! Мне кажется, мы здорово влипли! Если вылезет эта нечисть, мы не справимся! — крикнул Гарри.

— Держись, парень! Не торопись на свидание к красавице в саване, — ответила Льюис, прикрывая дверь машины. — Я успела вызвать подкрепление.

— Ну, да, конечно, подкрепление, — ехидно ухмыльнулся «прилипала». — И как вы вообще здесь оказались? Я бы на вашем месте здесь и не появлялся никогда.

— Слушай, зануда, — Льюис приоткрыла дверцу и схватила молодого человека за галстук. — Я бы на твоем месте тоже быстренько отсюда свалила. Послушайся моего очень доброго совета в этой ситуации — хочешь остаться живым, беги отсюда,

да не наступи на свой длинный язык, паршивец!

— Пугай кого-нибудь другого, крошка, — водитель вырвал галстук из руки Льюис. — У тебя еще будет время вспомнить все сегодняшнее — у меня брат полицейский.

С этими словами он вдруг повалился на асфальт.

Льюис, выглянув из машины, увидела на его груди небольшую дырочку, из которой вытекала кровь… кровавое пятно растекалось на рубашке все шире и шире…

Льюис снова связалась с диспетчерской:

— 477, 477 вызывает центральную! Нам срочно нужно подкрепление! Похоже, сейчас будет приличная заварушка с бандой местных подонков.

Она подняла глаза от радиостанции и оцепенела от увиденного.

На них с улюлюканьем, свистом, душераздирающими криками двигалась стая, насчитывающая десятка два головорезов-убийц. Льюис содрогнулась от вида этих жестоких, одержимых лиц. Глаза мрази пылали несокрушимой ненавистью и жаждой крови. Некоторые несли огромные плакаты: «Смерть! Да здравствует смерть! Убей, убей, убей!».

* * *

Отступать было поздно. А если вовремя не прибудет подкрепление, шансы на победу у них тоже не очень велики.

* * *

Когда-то Джонатан Плашер был примерным мальчиком. Он неплохо учился в школе и безумно любил своих родителей, которые тоже души не чаяли в своем единственном сыне.

Но случилось ужасное. Когда однажды вечером отец с матерью возвращались с шумной вечеринки домой на своем стареньком «форде», из-за поворота им навстречу выскочил «бьюик», водитель которого уже явно не различал, где левая, а где правая сторона дороги.

Отец Плашера резко повернул руль, и «форд» на полной скорости врезался в фонарный столб и несколько раз с грохотом перевернулся.

Ни отца, ни мать спасти не удалось. Отец умер на месте происшествия, мать скончалась в больнице.

Джонатану Плашеру тогда было тринадцать лет, и ему пришлось перебраться к тетке, единственной ближайшей родственнице, которая жила за несколько кварталов от дома Плашеров, в печально известном западном районе города.

Жизнь Джонатана резко изменилась.

Теперь он был уверен, что нет ничего противнее, чем ругань пьяной женщины, и этой женщиной всегда оказывалась тетушка Мэри.

Еще он понял, что нет ничего тягостнее, чем ложиться вечером спать на голодный желудок, зная, что в твоих дырявых карманах давненько не бывало ни одного цента.

А через год, когда Джонатану исполнилось четырнадцать, он понял, что дальше так жить совершенно невозможно, и удрал из дому, прихватив из тайника ненавистной ему тетушки Мэри триста долларов, которые, по его убеждению, он давно заработал у нее. Не один раз потом он с удовольствием представлял разгневанное лицо этой черноволосой морщинистой дамы, когда она обнаружит пропажу.

— Триста долларов! — наверное, должна она при этом кричать, вытирая рукавом бесконечные, как Ниагарский водопад, сопли. — Триста долларов! Целое состояние! Где этот чертов

гаденыш? Я ему всю задницу его же кровью разрисую! Триста долларов!

К этому времени у Плашера появились друзья, которые открыли перед ним совершенно другой город. Основная часть этого, неизвестного ему раньше города, находилась под землей или в старых, заброшенных, подлежащих сносу домах.

В свои пятнадцать лет Плашер понял, что большие — по детским меркам — деньги можно заработать всего лишь за один день, стоит только быть половчее в магазине и поворотливее, когда выхватываешь сумочку у какой-нибудь дамы.

В шестнадцать лет Плашер впервые в жизни попробовал наркотики, и с этого момента чуть ли не каждый последующий месяц являлся новым этапом в жизни Джонатана.

Первая девушка, лет на десять старше его, которую они вчетвером затащили на чердак и там поочередно изнасиловали, а потом еще и сняли с нее золотые кольца.

Первая драка за «право на территорию» с такими же пацанами, как и его дружки, во время которой он так ударил своего противника, что тот пролетел несколько метров, ударился головой об асфальт и уже не поднялся.

Первая схватка с полицией, когда шальная пуля, словно щипцами, откусила указательный палец его левой руки, и он заревел на всю улицу нечеловеческим голосом. С того самого момента Плашер возненавидел полицейских больше всех на свете, и мстил им при каждом удобном случае.

Шли годы, менялись потребности Плашера. Хитрость и безжалостность, тонкий ум и неутолимая жажда наживы сделали его лидером банды. Он все реже принимал участие в налетах, предпочитая руководить операцией из укрытия. Банда его разрослась до неимоверных размеров, но мало кто даже из ее членов знал, что основное занятие ее главаря и нескольких особо приближенных к нему человек не грабежи, а перепродажа наркотиков и оружия, что приносило огромные доходы.

Прикрываясь всем этим сбродом — наркоманами, ворами, бездомными, Плашер преследовал две цели. Во-первых, он держал в страхе весь район. Во-вторых, этим он не давал возможности полиции выйти на след его основной деятельности, заставляя ту думать, что банда Плашера — это обыкновенное дерьмо, которое ради наживы или развлечения может убить кого угодно, не особо заботясь о своей собственной жизни.

Они проводили большую часть времени по закоулкам, в подвалах, на чердаках, а то и в пустых квартирах, и лишь только в этом появлялась необходимость, как бандиты со всех сторон стекались в одно место, словно пауки, почувствовавшие, что в их

сети попалась добыча.

Вот и сегодня, когда черный «ягуар» на огромной скорости врезался в «альфа-ромео», бандиты не замедлили появиться на месте происшествия. Казалось, не существует такой силы, которая могла бы их остановить.

* * *

Плашер сидел в огромном мягком кресле, высоко запрокинув голову, словно отдыхая или о чем-то размышляя. Он не обращал внимания ни на вой полицейских сирен, ни на крики на улице рядом с его домом.

Рональд Коннорс, долговязый мужчина лет сорока, заложив руки за спину, ходил перед ним взад и вперед по комнате. Комнатка была небольшая, и он все время натыкался то на маленький журнальный столик, то на шкаф, то подходил к окну и осторожно оттягивал жалюзи, чтобы посмотреть, что делается на улице. Затем снова направлялся к противоположной стене.

— Итак, твое последнее слово. Сколько? — Резко остановился он возле Плашера.

— Пятьсот тысяч, — не двигаясь, будто сквозь сон ответил Плашер.

— Черт, это же несерьезно. В прошлый раз мы сошлись на трехстах.

— Прошлый раз — это прошлый раз. Я трех человек потерял, пока доставил это проклятое зелье.

— Ха-ха-ха, — не удержался Коннорс, — с каких это пор ты занялся учетом своих головорезов?

— С тех пор, как понял, насколько трудно достаются деньги.

— Ты считаешь, мне они сыплются с неба? Или я их сам печатаю?

— Это твои проблемы, — Плашер наконец оторвал голову от кресла. В его глазах появилась жестокость, а губы скривились в неприкрытой насмешке.

— Но ведь я же без проблем могу купить где-нибудь и за триста тысяч. В крайнем случае, за триста пятьдесят. Я ведь прихожу к тебе по старой дружбе.

— По дружбе, говоришь? А я слышал, ты собираешься порвать со мной все связи.

Коннорс замялся. Он не знал, что Плашеру уже все известно о его планах.

«Дьявол, а не человек, — выругался он про себя. — Откуда только ему все известно?»

— Разве не так? — Плашер сверлил его насквозь своим леденящим взглядом.

— Тебя не совсем правильно информировали…

— Неужели?

— Видишь ли… То есть, твои цены действительно очень высоки…

— А как же наш договор?

— Устный договор, — тут же поправил его Коннорс. — И потом, я ведь не рассчитывал, что ты будешь поднимать цену.

— Я благотворительностью не занимаюсь.

На улице началась перестрелка. Коннорс покосился в сторону окна. Лицо его задергалось. Он панически боялся стрельбы, а при виде полицейского его бросало в жар.

Плашер сохранял спокойствие. Казалось, вся эта переделка для него не более, чем детская игра.

— Ну так что же ты решил? — нетерпеливо спросил он и встал с кресла.

— Я думаю, на таких условиях мы с тобой не сработаемся, — неуверенно проговорил Коннорс.

— Мне очень жаль. Но я думаю, тебе стоит жалеть еще больше, — в голосе Плашера появились угрожающие нотки, но Коннорс не придал этому большого значения. Он был рад, что дело подходило к развязке, оставалась только одна важная деталь — задаток, который Плашер когда-то получил от него. Плашер всегда брал задатки.

— А как же мои деньги?

— Какие деньги?

— Задаток, который ты получил неделю назад. Сто тысяч долларов.

— Но ты ведь знаешь, что твой задаток пошел на приобретение наркотиков.

Коннорс от удивления широко раскрыл рот. Такого поворота он никак не ожидал.

— Черт побери! — закричал он. — Но мне не нужны твои наркотики!

— Как хочешь, — невозмутимо сказал Плашер, — я просто пытаюсь тебе объяснить, что сейчас у меня нет таких денег. Понимаешь? Нет таких денег.

Он отошел немного подальше от своего клиента, будто боясь, что тот сейчас набросится на него. Коннорс действительно был похож на затравленного зверя, которому ничего другого не остается.

— Послушай, Плашер, ты ведешь нечестную игру. Так дела не делаются!

— Подожди, я не понял: кем не делаются? — с наивностью ребенка спросил Плашер.

— Никем не делаются. Ты играешь с огнем, это плохо для тебя кончится!

Коннорс задыхался.

— Тебе сейчас нужно выпить немного воды и успокоиться. И почему так никем не делается, если я так делаю? Или ты меня не принимаешь за человека?

— Слушай, Плашер! Ты… ты…

— Ладно, успокойся. Я пошутил.

Коннорс снова разинул от удивления свой большой рот и замер посреди комнаты.

— Как пошутил? — словно не веря ему, негромко произнес он.

— Обыкновенно. Мы же с тобой старые друзья, неужели мы будем рвать друг другу глотки из-за каких-то паршивых денег?!

Коннорс не сообразил, что ему ответить. Он достал из кармана своего новенького черного пиджака платок и вытер вспотевший лоб.

— Сколько, ты говоришь, я тебе должен?

Плашер отвернулся от него и подошел к шкафу, но не открыл дверцу.

— Как сколько? Сто тысяч. Это задаток, который ты получил за наркотики, — каким-то чужим голосом медленно произнес Коннорс.

— Да, конечно. Сейчас ты их получишь. Даже больше, чем ты рассчитывал.

Плашер засунул руку в карман, потом резко повернулся и вытянул руку.

Коннорс не успел заметить, что было в его руке, но почувствовал опасность всем своим существом. Он дернулся в сторону, однако слишком поздно.

Два выстрела один за другим разорвали тишину маленькой комнаты.

— Как же ты… — прошептал Коннорс, хватаясь за грудь и медленно опускаясь на пол. Сквозь растопыренные пальцы потекли струйки крови. Он с трудом оторвал от груди левую руку. Она дрожала. Несколько мгновений Коннорс смотрел на нее, словно не веря, что на ней действительно его кровь. Стоя на коленях, он начал торопливо вытирать руку о свой новенький черный пиджак. Потом оторвал от груди правую руку, так же внимательно некоторое время смотрел на нее, и тоже начал вытирать кровь о пиджак.

Плашер скривился и выстрелил еще раз, потом еще, уже не

целясь.

Коннорс вздрогнул и рухнул на спину, раскинув испачканные кровью руки.

Плашер быстро подошел к нему, достал у него из внутреннего кармана толстый бумажник и, проверив его содержимое, спрятал у себя.

В это время дверь отворилась, и в комнату вбежал испуганный неожиданными выстрелами парень с автоматом в руках. На нем была черная кожаная куртка и полосатая кепка, которая делала его лицо каким-то очень угрюмым.

— Я слышал выстрелы! — крикнул он и тут только заметил на полу труп.

— Ты бы еще через полчаса прибежал, — зло бросил ему Плашер.

— Но на улице перестрелка. Я находился внизу, боялся, как бы сюда не заскочили полицейские.

— Что, наши дела так плохи?

— Там настоящая бойня.

— Ладно, — уже более спокойным тоном сказал Плашер. — Этого мерзавца, — он махнул головой в сторону трупа, — надо выбросить на улицу. Подальше куда-нибудь, где постреливают.

— Будет сделано.

Парень наклонился над трупом.

— Подожди, — остановил его Плашер и протянул парню стодолларовую бумажку. — Это тебе за работу. Закроешь за собой дверь.

— Хорошо, — парень быстро схватил бумажку и просиял от удовольствия. Затем он схватил труп под мышки и потащил к выходу.

— И это… — Плашер поморщился. — Кровь как-нибудь убери потом.

— Хорошо.

Когда дверь за парнем закрылась, Плашер подошел к шкафу, открыл дверцу и достал оттуда резиновую маску. Ловким движением он натянул ее на свою голову, затем подошел к большому зеркалу, которое висело на стене.

Перед ним стоял морщинистый старик. Редкие седые волосы на его голове торчали во все стороны, казалось, он не брился и не умывался, по крайней мере, недели две. Выглядел он болезненно, и только глаза бегали живо и совсем не по-старчески.

Плашер снова отошел к шкафу, быстро снял с себя костюм, а вместо него надел какие-то старые лохмотья. Затем он направился к окну и долго следил за происходящим на улице. Снова подошел к шкафу и уперся в него рукой. Шкаф легко

поддался и отъехал в сторону. За ним оказалась потайная дверь. Плашер открыл ее, придвинул на место шкаф и повернул ключ.

* * *

Парень вытащил тело Коннорса на улицу и посмотрел по сторонам. Похоже, в этой суматохе на него никто не обращал внимания.

Первое желание было — бросить тело прямо здесь, возле дома, от греха подальше. Но что-то подталкивало его вперед, туда, к перекрестку, где лежало несколько перевернутых автомобилей и шла стрельба.

Парень сделал несколько шагов — и вдруг что-то острое возилось ему в спину. Он выпустил труп и сам упал рядом с ним. Он не видел, как робот, который стрелял в него, повернулся в другую сторону и, не прицеливаясь, выпустил еще одну очередь.

* * *

Видя, какую свалку устроил Марено на перекрестке, пассажиры дружно захлопали.

— Марено, мальчик мой! — кричала Берта. — Какой же ты молодец! Провалиться мне на этом месте, если это не вы с Никой спасаете нас сегодня!

— Да, Марено, мы все тебе благодарны. И еще, мне кажется, тебе впору в цирке работать! — поощрительно похлопал его по плечу Томас.

Охваченные радостью они едва успели заметить, что из-за поворота вынырнула еще одна полицейская машина и «села им на хвост». Марено сделал несколько хитрых трюков, но машина, лишь на мгновение исчезнув из виду, снова появлялась и двигалась вслед за ними.

— Мне не хотелось бы думать, что мы рано начали веселиться. Этот слишком настырный парень мне не нравится, и я не так уж спокоен, как ему кажется, — заерзал Марено.

Берта внимательно смотрела в окно. Расстояние между машинами позволяло видеть того, кто был за рулем.

— Марено, ты полагаешь, это тот самый парень?.. — догадываясь, спросила Берта.

— А как полагаешь ты? Его друг — Ника, а мы даже не знаем, как с ним обращаться, — произнес тот.

— Берта, Марено, вы думаете, это — робот-полицейский? —

от радости Ника запрыгала на сиденье.

Преследование было недолгим, всего несколько минут. Затем полицейская машина вдруг резко развернулась и, не сбавляя скорости, поехала в обратном направлении.

Сидящие в фургоне замолчали. Они не ожидали такого исхода. Должно быть, само провидение помогает нам, решили они.

* * *

Однако успокаиваться было рано. Погоня могла возобновиться в любую минуту, и тогда им уж точно несдобровать. Понятно, что полицейские могут общаться между собой на большом расстоянии, используя переговорное устройство, и поэтому роботу ничего не стоило сообщить их координаты в диспетчерскую. Необходимо было срочно принимать какое-нибудь решение.

— Поворачивай налево, быстро! — неожиданно закричала Берта, когда машина проезжала очередной поворот.

Марено крутанул руль, и фургон, почти не снижая скорости, помчался по узенькой улочке.

— Теперь направо! — снова закричала Берта. Марено повиновался.

Пассажиры фургона ничего не понимали, но никто не осмеливался приставать к Берте с расспросами, ожидая, когда она сама все объяснит.

— А теперь заворачивай в этот двор, — уже спокойно сказала Берта.

Двор оказался ужасно запущенным и больше напоминал самую обыкновенную свалку. С одной стороны лежала целая гора в беспорядке сваленных досок. Там же высилась куча мусора. С другой стороны стояли два обшарпанных автомобиля трудно определимой марки, без колес и без дверей. Можно было не сомневаться, что и внутри у них отсутствовало не меньше половины нужных деталей.

Лишь несколько деревьев и кустов хоть как-то скрашивали этот беспорядок.

— Нам придется оставить наш фургон здесь, хотя бы до завтра, — сказала Берта. — По нему полиция быстро обнаружит нас.

— А как же мы? — спросил Сильвестр Максвелл. На его лице появилось беспокойство.

— Дело в том, что недалеко отсюда живет мой родственник

— дядюшка Симон. Мы сможем до завтра, пока все не успокоится, пересидеть у него. Если, конечно, мы не будем распространяться о той ситуации, в которой оказались, — Берта тяжело вздохнула.

— А твой дядюшка что — полицейский? — осторожно спросил аптекарь Сэм.

— Уж лучше бы он был полицейским, — неопределенно сказала Берта. Потом неожиданно добавила:

— Да нет, он, пожалуй, никто.

— Как никто?

— Обыкновенный старый человек, которому иногда кажется, что он президент страны.

Минут через десять они поднялись на второй этаж огромного дома. Берта нажала кнопку звонка. Казалось, прошла целая вечность. Но женщина не торопилась ни уходить обратно, ни еще раз звонить.

Наконец дверь открылась.

На пороге появился маленький толстенький старичок, который, не сказав ни слова, бросил короткий взгляд на стоящих, повернулся и прошлепал своими тапочками вглубь квартиры, будто он давно ждал гостей.

Берта, а за ней аптекарь Сэм, Ника, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено один за другим молча переступили порог их временного убежища.

— Знакомьтесь, — сказала Берта, когда они вошли в большую уютную комнату, со вкусом обставленную дорогой старинной мебелью, с которой разве только не очень гармонировали последняя модель телевизора «Сони» с большим экраном да видеомагнитофон, — это мой дядюшка Симон, а это… это мои друзья.

Дядюшка Симон сидел на диване, закинув ногу за ногу, и. внимательно рассматривал вошедших. Похоже, он не очень обрадовался гостям.

— Хорошо, что у тебя появились друзья, — сказал он. — Правда, я не ожидал, что ты решишь меня познакомить сразу со всеми.

— У нас небольшая проблема.

— Вот как? Ну, что ж, друзья, действительно, познаются в беде.

— Наши квартиры снесли, — прекрасно зная характер своего дядюшки и не обращая внимания на его тон, спокойно сказала Берта.

— Да? Ну, что ж, садитесь. Похоже, вы не очень торопитесь. Хоть я не уверен, что смогу каждому из вас предоставить отдельное кресло.

Ника села, а Сэм, Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено остались стоять. В комнате было лишь одно кресло.

Ника ужасно устала. Сегодня она пережила такое потрясение, что просто не чувствовала своего тела. Девочка закрыла глаза, ей было уже все равно, о чем сейчас будут разговаривать взрослые. Лишь бы их не выгнали отсюда, лишь бы снова не встречаться с полицией.

— Наш район хотят превратить в Дельта-Сити, город мечты, — сказала Берта. — Широкие зеленые улицы, площади с фонтанами и памятниками, гигантские торговые центры суперсовременной архитектуры, зоны отдыха с увеселительными заведениями и все такое прочее.

— Неужели наконец-то взялись за этот гадюшник? — просиял дядюшка Симон. — А я уже было начал думать, что эта компания «Оу-Си-Пи» тоже состоит из одних болтунов и мошенников. А теперь вижу, что там ребята, что надо.

— Вы бы видели, как они выгоняли на улицы людей, — не выдержал Сильвестр Максвелл. — Может быть, тогда вы бы изменили свое мнение о них.

— На улицы? Людей? — с насмешкой сказал дядюшка Симон. — Да там же одни преступники! Там же головорезы, жулье! Там же всех порядочных людей давно перерезали и перестреляли!

— Но… — опять начал было Максвелл, увидел недовольный взгляд Берты и замолчал.

— Если бы я был президентом страны, — сказал дядюшка Симон, — я бы за неделю навел там порядок. Я бы самих преступников заставил строить этот Дельта-Сити. Однако, насколько я понимаю, вам должны были выделить на время какие-то помещения?

— Да. То есть… — замялась Берта. — Понимаешь, они не смогли до конца все предусмотреть… В общем, завтра они все уладят.

— Я был бы им очень признателен за это, — пробурчал дядюшка Симон.

* * *

Сигнал тревоги, посланный Льюис, прозвучал совершенно неожиданно. Пронзительный звон раздался в электронном мозгу. Один из индикаторов, похоже, бился в конвульсиях. Остальные тоже подавали импульсы, извещая об опасности.

Мэрфи резко нажал на тормоза, развернул машину, и

помчался туда, где находился в опасности его друг. Мэрфи выехал на широкую дорогу с довольно интенсивным движением и прибавил скорость, обгоняя машины одну за другой.

Со стороны казалось совершенно невероятным, как может полицейская машина выделывать такие трюки на переполненной автотранспортом дороге.

Прохожие останавливались и раскрывали от удивления рты, а водители закрывали глаза и жали на тормоза или прижимались поближе к тротуару…

И тут на повороте, куда на полной скорости свернул Мэрфи, девочка лет десяти, не дождавшись зеленого света, совершенно неожиданно направилась на другую сторону улицы.

Сделав несколько шагов, она повернула голову налево, увидела приближающуюся к ней на большой скорости полицейскую машину и замерла от ужаса, закрыв глаза.

Небольшая беленькая сумочка выпала у нее из рук.

Кто-то из прохожих закричал, все посмотрели на дорогу, но никто не бросился на помощь девочке. Да вряд ли он успел бы ей помочь.

Машина летела, словно стрела.

И вдруг за несколько метров до ребенка она пронзительно взвизгнула тормозами и остановилась возле самой девочки, чуть не задев ее.

Мэрфи вышел из машины, поднял бледненькую сумочку, потом осторожно взял девочку на руки и направился с ней на другую сторону улицы.

— Смотрите, робот-полицейский! — восхищенно закричал кто-то.

Люди, которые к этому времени облепили тротуары с двух сторон улицы, возбужденно зашумели.

— Вот это да! Как он ловко, а?

— Я уже решила — все, нету девочки.

— Это же надо…

— Да…

Мэрфи бережно опустил ребенка на землю и, указав рукой на светофор, произнес:

— Нельзя переходить улицу на красный свет. Будут неприятности.

Он протянул ребенку его беленькую сумочку, затем быстро вернулся к своей машине, и она снова рванула с места, словно испуганная лошадь.

* * *

Дежурный инспектор, развалившись в кресле, сидел за огромным столом и внимательно смотрел на экран, с картой города.

По карте медленно двигалась горящая точка. По ней определялся маршрут робота-полицейского.

Дежурному диспетчеру нравилось это занятие. Глядя на карту, он представлял себе, как мчится по улицам города полицейская машина, приводя то в ужас, то в восхищение водителей и пешеходов.

Единственный недостаток этого занятия заключался в том, что роботом-полицейским нельзя было управлять отсюда, из дежурной части. А ведь это была бы неплохая идея. И полицейским тогда было бы совсем не обязательно подставлять свой лоб под пули.

Неожиданно движущаяся горящая точка изменила свое направление. Она повернула обратно.

Дежурный диспетчер быстро вбежал в кабинет полицейского инспектора западного района Джексона.

Инспектор сидел за письменным столом.

Джексона трудно было назвать любимцем подчиненных. Кому мог понравиться хмурый субъект с неподвижным, ничего не выражающим лицом, туго обтянутым кожей. Особенно неприятно было смотреть на тонкие губы, движущиеся с монотонной четкостью механизма.

Перед ним, по другую сторону стола, сидел, нервно сжимая руки, худой темнокожий человек. Это был сержант Рад.

Вид его вызывал жалость: глаза тревожно бегали по сторонам, движения были беспокойны.

Было заметно, что сержант Рад успел получить хорошую взбучку за происшедшее в полицейском арсенале, а его объяснения ничуть не привели Джексона в благодушное настроение.

— Сержант Рад, Мэрфи прекратил преследование и развернулся, — доложил диспетчер.

— Что?! — в один голос воскликнули инспектор и сержант.

Сержант, не спрашивая разрешения, вскочил и бросился в помещение диспетчерской службы. Дрожащими руками он схватил микрофон и стал вызывать Мэрфи.

— Мэрфи! Мэрфи, говорит Рад! — он буквально вопил в микрофон. — Немедленно, приказываю, немедленно продолжай преследование преступников в желтом фургоне!

— Но послушайте, Льюис в опасности, ей необходима моя помощь, — услышал он голос Мэрфи.

— Мэрфи! Подкрепление Льюис уже послано! Немедленно

выполняйте приказ! Вы знаете, что вам грозит за неподчинение? — голос Рада начал переходить на визгливые ноты.

Мэрфи отключил радиосвязь с диспетчерской и помчался еще быстрее. На мосту он остановился и посмотрел вниз.

Банда со всех сторон медленно окружала полицейских. Иногда они бросали в них горящие факелы. Кольцо постепенно сужалось.

По предположению Льюис, они вряд ли могли устоять против этих громил, и потому не оказали бы существенной помощи ни себе, ни другим, начни они перестрелку. Не стоит бросаться на типов, сила которых в десять раз превосходит твои возможности обороняться. К тому же Льюис всегда была противницей силовых единоборств между кем-либо, предпочитая им ум, ловкость и даже хитрость.

Она ждала помощи и не ошиблась.

В самую критическую минуту, как с неба, свалился Мэрфи. Его машина снесла оградительную линию моста и, сделав в воздухе сальто-мортале, упала в середину жесткого кольца. Мэрфи ударил по стеклу, оно разлетелось вдребезги, и он открыл огонь по бандитам.

Бандиты опешили. Они уже было почти праздновали свою победу, а сейчас друг за другом валились замертво на асфальт.

Мэрфи прекратил стрелять, открыл дверцу и вышел из машины. Он был очень высок. Все его тело — туловище, руки, ноги, голова — было покрыто металлическим панцирем. Его лицо напоминало неподвижную маску, и только блеск глаз выдавал живого человека.

— Полиция! Ни с места! — обратился он к оставшимся в живых бандитам. Мэрфи подошел к Льюис. Звук его шагов гулко раздавался на притихшей улице.

— Подкрепление вызвали? — обратился он к стоящей с раскрытым ртом Льюис.

Все потрясения этого дня совершенно выбили ее из колеи. Еще бы — дважды за день находиться на волоске от смерти.

— Спасибо, что заглянул, Мэрфи! — наконец очнувшись, благодарно произнесла Льюис. — Ты, как всегда, вовремя. Ну, что, работу закончил?

— Нет! Осталось еще трое.

Как ни быстры человеческие рефлексы, но они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Льюис еще не успела понять, что же, собственно произошло, как Мэрфи взмахнул рукой и в нескольких дюймах от ее лица поймал пулю. И сразу же открыл огонь.

— Теперь двое.

Льюис увидела, что двое подонков побежали по подземному переходу и скрылись за углом. Громко стуча металлическими подошвами по асфальту, Мэрфи отправился за ними.

* * *

…Один из бандитов, огромного роста и по-видимому, недюжинной силы, обнаружил Питера Джилмера в кустах и начал медленно подходить к нему.

Питер знал наперед, что у него ничего не выйдет — если попытаться позвать на помощь друзей, их тут же пристрелят. Единственным способом выиграть время в ожидании подкрепления было попытаться действовать силой. Не слишком надеясь на благополучный исход затеи, Питер все же бросился на бандита с кулаками.

Подонок повел себя очень осмотрительно: ложный выпад слева, потом удар справа. Питер принял его удар предплечьем и ответил мощным хуком в лицо. Разъяренный бандит, не помня себя от злости, бросился на Питера снова, умудрившись пробиться сквозь град наносимых ему ударов. Но сержанту удалось прижать ублюдка с торчащими во все стороны красными волосами. Это дало ему неплохую позицию и возможность провести серию удачных выпадов. Внезапно в руках подонка оказался кастет. Питер отлетел к стене и упал на колени, обезумев от боли. Бандит бросился к нему и, схватив за волосы, изо всех сил рванул. Питер увидел его лицо вблизи и похолодел от ужаса: это была отвратительная морда беспощадного зверя, упоенного радостью победы и собственной силы.

— Мне просто повезет, если я выйду из этой переделки живым, — подумал сержант и, кое-как выпрямившись и изловчившись, нанес короткий удар в голову и два прямых — в солнечное сплетение.

Они не возымели на бандита никакого воздействия, он вовсю продолжал орудовать кулачищами, молотя Питера так, что у того трещали ребра.

Еще раз напрягшись, Питер тоже нанес неплохую плюху в лицо и, по рычанию этого недочеловека, понял, что удар достиг цели.

Но разве возможно удержаться против такого здоровяка, который тяжелее тебя на двадцать фунтов? Этот громила расстреливал сержанта с близкого расстояния, посылая удар за ударом так молниеносно, что Питер не успевал даже увернуться.

Да это было и невозможно, как и немыслимо было их парировать.

Потом в голове сержанта словно что-то взорвалось, и он начал медленно погружаться во мрак.

Того, что происходило дальше, он уже не видел, равно как и не слышал нарастающего звука сирены полицейской машины, мчащейся на помощь.

Выплывая из небытия, Питер обнаружил, что находится в машине, которая, похоже, мчится в полицейский участок.

Его товарищи по службе с сочувствием смотрели на него.

Сержант с облегчением понял, что подкрепление пришло вовремя.

Питер медленно поднялся с сиденья, на котором лежал, и ощупал челюсть. Она распухла, но была цела. Облегченно вздохнув, он взял бутылку, протянутую кем-то из товарищей, сделал большой глоток. Это немного подбодрило его.

* * *

Бандиты забежали за угол бара и укрылись среди пустых бочек.

Один из них был пожилой, с изжелта-бледным морщинистым лицом, с длинными косматыми волосами, выкрашенными в светло-зеленый цвет. Когда он говорил, были видны чудовищные испорченные зубы. Маленькие глазки все время бегали по сторонам, посаженные близко друг к другу, о. ни придавали ему сходство с каким-то пакостным зверьком.

У другого был вид отпетого бандита и негодяя с продувной, жульнической физиономией. Все тело было расписано татуировкой. Этот прощелыга не гнушался ничем: только зазевайся, и он тебя так облапошит! Только дай ему случай, и он непременно подложит свинью.

Пожилой потянул молодого за рукав:

— Джек! Это бесполезно! Валить нужно отсюда, да побыстрее — этот парень, что подъехал, покруче нас с тобой, — быстро заговорил он, обнажая свои ужасные зубы.

Джек рывком отбросил его руку.

— Ну, уж нет! Ты же знаешь — не в моих это правилах, отступать, — завопил он. — Да, я видел эту железяку. Ну и что? Главное, запалить его, и он сгорит к той самой матери, которая, наверное, очень гордится своим сыном.

Джек перевернул одну из бочек и достал из нее несколько бутылок с горючей смесью.

— Джек, я знаю, ты парень, что надо, но если он нас спалит

раньше?

— Трусишь, что ли? — Джек схватил своего компаньона за горло и резко рванул его.

Джек сунул ему бутылку со смесью и они выбежали из своего укрытия.

Робот был в нескольких шагах.

Подбежав к нему, бандиты вначале бросили в него бутылки со смесью, а потом выстрелили из огнемета.

Робокоп вспыхнул, и огромный столб огня взметнулся в небо, разбрасывая вокруг себя языки пламени и снопы искр.

Но это исполинское чудовище не переставало двигаться в сторону бандитов, которых от ужаса не держали ноги. Они пятились, падали, перекатывались.

Вкатившись в бар, подонки спрятались за стойкой.

Джек достал пистолет, но пальцы его дрожали, а руки не слушались.

— Ну, пали! Пали! — истошно кричал другой. Горящий робот ударил рукой по витрине, она рассыпалась на мелкие кусочки.

Робот зашел в бар.

— Бей ему прямо в рот! Прямо в рожу пали, иначе нам конец! — орал бандит.

Робот направился к душу. Включил воду. Струйки воды быстро погасили пламя, но от этого он стал не менее страшным. Сейчас он был весь черный от копоти и сажи.

— Стреляй!

— Ну, что? — прогремел голос робота. — Попробовал, урод? А теперь попробую я.

Бандиты онемели.

Робот направил на них огнестрельное средство, от которого не было спасения.

— Вы имеете право сохранять молчание…

Робот услышал звук сирен полицейских машин. Это прибыло подкрепление. Мэрфи увидел, как в одну из машин полицейские острожно посадили Питера Джил-мера. Все лицо его было в синяках и кровоподтеках. Он только сейчас начал приходить в сознание.

Возле Питера стояли Льюис и Гарри. С ними все было в порядке.

Увидев Мэрфи, Льюис подбежала к нему и принялась вытирать его лицо от сажи.

— Боже мой! Мэрфи, дорогой, как ты себя чувствуешь? — взволнованно спросила она.

— У меня все в порядке, Энн, — ответил Мэрфи. — Спасибо, что поинтересовалась.

— Мэрфи, сказала Льюис, — Тебя нужно срочно показать доктору Лазарес. Садись в мою машину, я отвезу тебя.

Робот послушно сел в машину.

Когда они проезжали по рабочему району, Мэрфи нервно задергал головой. Его электронный мозг мгновенно уловил ту напряженную обстановку, которая царила там. До него долетали крики, плач, обрывки фраз:

— Пошел, пошел, не останавливайся! — кричали полисмены в серой форме, заталкивая людей в автобусы.

— Вы не имеете права так с нами обращаться! — раздавались возгласы возмущенных то тут, то там.

В храме, мимо которого они проезжали, Мэрфи увидел большое количество людей.

Робот не мог сразу разобраться, что все это значит. Он настроил свой электронный мозг на запись, чтобы потом еще раз все посмотреть и послушать.

Дверь храма медленно приоткрылась, затем распахнулась настежь. На пороге появилась девочка. Через открытое окно проезжающей мимо машины она заметила Мэрфи, и сейчас смотрела на него с улыбкой. Было видно, что девочка волнуется, но держалась она без робости и напряжения.

Мэрфи пристально посмотрел на ребенка. Она не шелохнулась. Улыбка застыла на ее губах. Она стояла так несколько минут, глядя на него в упор. Ни он, ни она не опускали глаз.

— Эй, малышка, иди-ка сюда быстрее, — послышался чей-то голос за дверью.

Девочка еще секунду постояла, затем потянула дверь на себя и закрыла ее.

* * *

У полицейского участка Мэрфи помахал Льюис на прощание рукой и в сопровождении двух инженеров направился на обследование в лабораторию.

Они уже скрылись за углом здания, а Льюис еще долго стояла и смотрела в одну точку.

У нее не было друга ближе робота-полицейского, хоть это и было поводом для бесконечных насмешек — само собой разумеется, не злых — со стороны ее сослуживцев.

Впрочем, это для других он был просто робот.

Каждое движение, взгляд, даже манера разговаривать напоминали Льюис сержанта Мэрфи. Они были знакомы недолго,

но воспоминания о нем не давали покоя Льюис почти каждый день и каждую ночь.

Вот и теперь, глядя вслед уходящему роботу, она видела удаляющегося сержанта Мэрфи. Он был живым и невредимым, как тогда, несколько месяцев назад…

Льюис со своим напарником с трудом втащили в двери участка арестованного — здоровенного мужика в наручниках. Полчаса назад он учинил настоящий погром в ресторане, якобы потому, что ему неправильно дали сдачу.

Верзила отчаянно сопротивлялся и, в конце концов, ему удалось отшвырнуть напарника Льюис в сторону. Она покрепче вцепилась в детину, все еще надеясь уладить дело мирным путем, но через несколько мгновений отправилась вслед за своим напарником.

Это ее окончательно вывело из себя.

Она быстро вскочила с пола и эффектным ударом ноги отправила арестованного в нокдаун. Тот отлетел к стене и взвыл от боли. Разозленная Льюис сделала еще три отличных удара кулаком в челюсть, и мужик обмяк, словно мячик, из которого выпустили воздух.

— Эй, Льюис, когда закончишь разбираться с задержанным, подойди сюда, пожалуйста! — крикнул ей сержант Рад, с удовольствием наблюдавший за всей этой сценой. Не хотел бы он оказаться на месте арестованного даже за сотню долларов. Об этом красноречиво говорило его лицо.

Льюис, передав задержанного напарнику, повернулась и решительным шагом направилась к стойке, у которой стоял Рад с незнакомым ей парнем. На ходу она сняла шлем и поправила рукой свои короткие волосы.

Сержант Рад указал рукой на незнакомца и сказал:

— Этот парень будет твоим новым напарником, Льюис. Мэрфи, познакомься с Льюис.

Она протянула руку и заглянула в глаза новичку. Казалось, она излучали тепло и нежность, что было совсем не характерно для полицейских.

— Очень приятно познакомиться, Мэрфи, — сказала Льюис, и на ее лице появилась улыбка.

— Отличная работа, — тоже улыбнулся Мэрфи, показывая глазами на задержанного. Он нехотя отпустил ее маленькую ладошку.

Они замолчали, не зная, как поддержать беседу. Льюис в замешательстве опустила голову.

— Льюис покажет тебе окрестности, — нарушил молчание сержант Рад.

— Отлично, — казалось, искренне обрадовался Мэрфи. — Я готов.

Утренняя смена уже началась. Все дежурные машины разъехались по своим кварталам. На стоянке остался лишь один автомобиль.

Льюис подошла к передней двери и открыла ее. — Лучше я поведу машину, пока ты не разобрался, что к чему, — сказала она и уже собралась сесть на место водителя.

Однако Мэрфи с улыбкой положил свою руку ей на плечо и сказал:

— Обычно, когда у меня новый партнер, я сам веду машину.

Она была не против.

— Ну, что ж, поехали.

Льюис насмешливо выстрелила пузырем жевательной резинки и обошла машину с другой стороны.

Лишь только она успела шлепнуться на сиденье рядом с Мэрфи, как тот резко отпустил сцепление и нажал на газ. Взвизгнув шинами, машина выскочила из гаража.

— Говорят, ваш район славится возможностью пострелять по живым мишеням? — спросил Мэрфи, когда она выскочили на центральную улицу.

— Это точно. Только учти, что, в отличие от неживых мишеней, эти тоже умеют стрелять. Порой так быстро и ловко, что ты даже не успеешь вытащить свой пистолет, как над тобой уже архангелы склоняются.

— Что ж, посмотрим, — неопределенно и, как показалось Льюис, немножко насмешливо произнес Мэрфи, свернул на небольшую улочку и сбавил скорость.

— А ты из какого участка к нам? — спросила Льюис, время от времени бросая на парня пристальный взгляд. Он ей определенно начинал нравиться.

— Из южного.

— Это, конечно, не мое дело, но обычно на наш участок просто так не переводят.

— Не знаю…

— Не хочешь говорить?

— Нет, просто не знаю, что сказать.

Мэрфи помолчал, внимательно глядя на дорогу. И неожиданно добавил:

— Я не люблю, когда из людей, не разобравшись, что к чему, выпускают кровь. Особенно, если этим делом занимаются полицейские.

Он снова замолчал.

— Бывают ошибки… — осторожно сказала Льюис и тут же пожалела об этом.

— Это не было ошибкой. Они хладнокровно расстреляли двух человек только по подозрению в преступлении. Но подозревать можно и меня, и тебя — всех. Если очень захотеть. К тому же я уверен, что они не были виновны.

— И ты написал рапорт?

— Нет, я просто набил этим двум умникам морды.

— Понятно. Только у нас здесь такое творится, что тебе, пожалуй, каждый день придется заниматься мордобоем. Однако отсюда тебя уже некуда будет переводить. Мы в самом центре ада.

— А что, здесь вся полиция такая?

— Да нет, здесь скорее преступники такие. Иногда непонятно, кто за кем охотится — мы за ними или они за нами. Наркоманы, воры, бродяги… Все ходят кучами, все орут, все угрожают. И далеко не всегда знаешь, с какой стороны ждать выстрела. Они уже отправили на тот свет столько полицейских, что теперь очередь в рай, наверное, растягивается не на одну милю.

Мэрфи ничего не ответил.

Льюис вздохнула и направилась в полицейский участок. Но воспоминания цепко ухватились за сознание и не хотели отпускать его…

Неожиданно по рации сообщили, что на Патнэм-стрит совершено ограбление магазина.

— Это далеко? — спросил Мэрфи.

— Нет, два квартала отсюда. На этом перекрестке поверни налево.

Машина полетела на полной скорости.

Льюис приготовила оружие и посмотрела на Мэрфи. Его лицо излучало спокойствие.

Когда машина резко затормозила у магазина, от него во все стороны разбегались люди. Затем в дверях показался молодой парень. Одной рукой он держал за локоть девушку, а другой приставил к ее виску пистолет.

— Я убью ее! Уйдите все! Я убью ее! Все уходите!

— кричал он.

Следом за ним в дверях показался парень еще моложе, лет восемнадцати. В руках он держал мешок, очевидно с деньгами. Увидя полицейскую машину, он пришел в замешательство.

— Быстрей же! — закричал ему тот, что постарше.

— Давай!

Парень с мешком бросился к «бьюику», который стоял возле магазина, и завел его.

— Слышите, я убью ее, если кто-нибудь двинется с места! — орал грабитель с пистолетом.

Он боком направлялся к своей машине, все время оглядываясь по сторонам.

Неожиданно он обо что-то споткнулся и полетел на землю. Тут же прозвучал выстрел Льюис, и парень заорал, хватаясь за раненную руку.

Девушка-заложница с криком бросилась от него.

Второй грабитель тут же нажал на газ, и «бьюик» рванул с места.

— Быстрее! За ним! — закричала Льюис, и хотела сесть за руль, но Мэрфи обогнал ее.

Полицейская машина чуть не взлетела в небо, будто у нее выросли крылья.

— Не уйдет, — совершенно спокойно сказал Мэрфи. — Никуда он не денется, сопляк.

— Ты плохо знаешь этот район, — возразила Льюис. — Здесь орудует банда Плашера, и если этот сопляк заманит нас на какую-нибудь глухую улочку, это может для нас обоих добром не кончиться.

— Тогда держись!

Мэрфи включил последнюю скорость и начал обгонять «бьюик».

— Что ты придумал? — с тревогой в голосе спросила его Льюис.

— Сейчас увидишь. «Бьюик» остался далеко позади.

— Ты спятил с ума! Мы же потеряем его! — закричала Льюис и оглянулась.

«Бьюик» маячил сзади. Наверное, его водитель тоже растерялся, не понимая, что задумали полицейские.

— Держись покрепче! — руки Мэрфи словно приросли к рулю.

Машина резко затормозила и развернулась на сто восемьдесят градусов. Быстро набирая скорость и виляя из стороны в сторону, она помчалась обратно, навстречу грабителю.

— Ты что, мы же разобьемся! — закричала Льюис. — Сумасшедший!

Машины сближались с невероятной скоростью. Казалось, избежать столкновения уже невозможно. Но неожиданно «бьюик» резко затормозил. Следом нажал на тормоза и Мэрфи.

— Ну, у тебя и выдержка! — сказала Льюис.

— Это у него нервы ни к черту, — улыбнулся Мэрфи.

* * *

Джуди Пол, секретарша полицейского инспектора западного района города Детройта Джонсона, брюнетка с восхитительной фигурой и весьма уверенными манерами, подняла глаза на вошедшего шефа службы безопасности Флата.

— Рада видеть вас, мистер Флат, — сказала она, ослепительно улыбаясь. — Проходите, шеф ждет вас.

— Вы прекрасны как всегда, но сегодня — особенно, — Флат улыбнулся ей в ответ.

— Мне часто приходится слышать это, но, тем не менее, благодарю, — сказала она, потупив глаза. — Идите, мистер Флат, не следует заставлять шефа ждать.

С этими словами она принялась энергично печатать на машинке.

Флат подошел к ней поближе. С минуту помолчав, он снова обратился к ней:

— Мне совершенно нечего делать сегодня вечером. Что вы думаете о совместном ужине? Вас это интересует?

— Я предпочитаю свою собственную кухню, — ответила девушка, на секунду прервав работу. — Еще раз благодарю вас.

Машинка застрекотала в прежнем темпе.

— Ну, кто не рискует, тот не пьет шампанское, — сказал Флат, направляясь к двери. — Что ж, может быть, как-нибудь в другой раз…

— Да, возможно.

Флат постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в просторный кабинет Джонсона.

Инспектор был погружен в изучение каких-то документов, грудой лежащих на столе.

Он мельком взглянул на вошедшего, указал рукой на кресло и снова принялся за чтение.

Флат молча сел, положил руки на подлокотники кресла и принялся терпеливо ждать.

Несколько минут спустя Джонсон подписал несколько документов, отодвинул бумаги, наклонился вперед и улыбнулся шефу службы безопасности:

— Рад тебя видеть, Флат. Как твои дела? — доброжелательно спросил он.

— Да так, ничего особенного… Завтра получите мой отчет, — ответил тот.

— Флат, через час состоится экстренное совещание у президента корпорации «Оу-Си-Пи» Блэка, — хмуро выдавил Джонсон.

— Я готов, — ответил Флат. Они встали и вышли из кабинета.

Лицо Джонсона было озабоченным. Он не любил экстренных совещаний у Блэка и сейчас чувствовал, что ничего хорошего эта встреча ему не принесет.

Они сели в машину и через несколько минут подъезжали к зданию корпорации.

Перед входом стояло несколько жителей города, которые пришли сюда в поисках защиты своих прав и с надеждой на улучшение положения.

Агенты полиции в штатском, поставленные перед входом, спрашивали посетителей о цели прихода и разъясняли затем, что с подобными просьбами им следует обращаться в сенат, а не в корпорацию, ибо эти просьбы относятся к разряду тех, которые не подлежат рассмотрению в корпорации.

Более рьяных искателей справедливости ожидали аресты…

Пройдя по лабиринтам коридоров, Джонсон и Флат вошли в кабинет президента корпорации Блэка.

Кабинет был огромный, а мебели мало: полукруглый стол, вокруг него — стулья, экран видеотелефона, дисплей, компьютер.

В кабинете уже сидело несколько человек.

Они прошли, сели и посмотрели на сидевшего во главе стола короля корпорации.

Блэк был шикарно одет. На нем был белый костюм, ботинки из оленьей кожи. На запястье красовался массивный золотой браслет. Толстое лицо Блэка было с надменно-брезгливым выражением, присущим только тем, кто обладает богатством и властью.

Безжалостный повелитель. Ему было не больше сорока. Смуглое лицо, злые сверкающие глаза…

Блэк важно кивнул, постучал сигаретой о край стола и не спеша поднес ее ко рту. Со всех сторон к нему потянулись зажигалки. Он выбрал одну, не поднимая глаз, снова кивнул и глубоко затянулся.

Зазвонил видеотелефон.

Блэк ждал этого звонка. Он нажал кнопку, надел наушники. На экране появилось лицо президента Всемирной компании Конамицу. Он что-то долго говорил Блэку по-японски. Блэк внимательно слушал перевод.

— Мистер Конамицу, — заговорил наконец Блэк. — Я понимаю, что у нас есть определенные проблемы, но я даю вам

слово джентльмена: все, что в человеческих силах, будет сделано для выполнения нашей программы.

Морщинистое лицо Конамицу чуть тронула сдержанная, легкая улыбка.

Президенту Всемирной компании исполнилось шестьдесят пять лет. Он был маленьким и тщедушным, а его морщинистое лицо цветом походило на старый пергамент, но быстрые черные глаза глядели по-юношески пронзительно.

Обладая невероятной амбициозностью, он все еще надеялся сесть когда-нибудь в сенаторское кресло. Свою карьеру в компании он начал простым служащим, но выгоду из этого сумел извлечь огромную. В награду за особые услуги, оказанные во время войны, ему для начала поручили пост администратора в управлении. Сейчас, когда он стал главой, его компания процветала.

Блэк выключил видеотелефон. Экран погас.

— Господа! — обратился Блэк к присутствующим. — Вы, конечно, понимаете, что у нашей корпорации сейчас переходный период. Это является результатом происходящих событий.

Наш председатель, я говорю о бывшем председателе, если вы помните, был одержим одной-единственной мечтой — он хотел построить Дельта-Сити.

Блэк сделал паузу, подошел к другому экрану и нажал кнопку. На экране высветился макет предполагаемого города.

Инспектор Джонсон громко зааплодировал, вскочив с места.

Его никто не поддержал.

— Ни к чему это, Джонсон, — оборвал его Блэк. Джонсон смутился, сел.

— Величайший город Детройт был избран местом строительства Дельта-Сити. Но, как оказалось, появилась одна маленькая проблема — детройтцы устроили военную зону на улицах, они сопротивляются.

— Сэр… — Джонсон запнулся. — Сопротивление сломлено. За исключением совершенно незначительных, слабых и мелких групп сопротивления…

— Ах, маленьких групп сопротивления?! — голос Блэка перешел на визг. — Джонсон! Так почему же вы до сих пор никак не можете справиться с ними, а?

Блэк трясся от гнева. Он наклонился вперед и спросил:

— А что скажете вы, Флат? Вы возглавляете службу безопасности, но куда уходят средства, которых вы с каждым годом требуете все больше и больше?

— Видите ли, сэр, — начал медленно Флат. — Я хотел бы заверить вас, что этой проблемой занимаюсь лично я сам.

— Вот именно лично, повторяю — лично!

Джонсон и Флат сидели, опустив головы.

— Господа! — обратился Блэк ко всем присутствующим. — Выселение жителей из района Кадиллак-Хайц становится проблемой. А когда передо мной встает проблема, я делаю одно из двух — или разрешаю ее, или ликвидирую. И, заметьте, не трачу ни на то, ни на другое много времени и денег. Если я не могу использовать вверенных мне людей, они становятся ненужными мне, и я их ликвидирую.

Он обвел глазами присутствующих. Перед ним сидели властелины большого бизнеса. Блэк злорадно усмехнулся при виде растерянно уставившихся на него со всех сторон лиц.

— Надеюсь, я выражаюсь более, чем ясно? Если вы не сможете справиться с этими незначительными группками сопротивления, я справлюсь с вами. Вы не просто потеряете надежного компаньона, а вылетите из корпорации к чертовой матери!

Глаза его сузились, голос стал ледяным. Он ткнул большим пальцем в сторону двери. Присутствующее тихо, по одному покинули кабинет.

Остался только шеф реабилитационной группы Пол Магдэгар.

— А если я не хочу, чтобы в моей команде работал робот? — спросил он.

— У нас осталось четыре дня, Магдэгар! — закричал Блэк. — Район Кадиллак-Хайц должен быть очищен в пятницу к полуночи, иначе нам… иначе наша компания разорится, развалится!

Магдэгар поднял ладони вверх.

— Хорошо, мы договорились, — сказал он. — Я выполню свое обещание.

Он резко повернулся и пошел к двери, но вдруг остановился:

— Кстати. Если вы только что поняли, что граница между большим бизнесом и войной столь обильно поливается кровью, то я не понимаю, как вы могли достигнуть такого высокого поста в вашей компании.

Он скрылся за дверью.

* * *

Льюис толкнула входную дверь полицейского участка, медленно прошла по длинному коридору и наконец оказалась в дежурной части.

— Ну как, все в порядке? — спросил сержант Гриттен,

темнокожий здоровяк, попивая горячий кофе из маленькой чашечки.

— Да, хорошо попарились.

— А где же твой дружок?

— Мэрфи?

— Ну-да.

— В операционной… То есть, он в лаборатории, — поправилась Льюис, — на обследовании.

— Что, досталось ему?

— Да уж.

— Кофе хочешь?

— Нет, спасибо.

Сержант Гриттен подошел поближе к Льюис и негромко сказал:

— Я слышал, что твоим дружком начальство не очень довольно.

— Это еще почему?

— Говорят, совестливый очень, — широко улыбнулся Гриттен.

— Не шути.

— А я и не шучу. Не знаю, чем он там думает, микросхемами или мозгами, но он становится уж больно справедливым, понимаешь?

— Понимаю. Ну и что?

— Лично я против этого ничего не имею.

— Спасибо.

— Но начальство считает, что он со своим повышенным чувством справедливости однажды может направить оружие не в ту сторону. А ты понимаешь, какой огневой мощью мы его обеспечили?!

— Но если возникло такое опасение, значит появилось и подозрение, что мы заслуживаем такой участи. Ведь так? Или я не права?

— Ну, по мне, так все мы страшные грешники.

Лицо сержанта приняло такой мученический вид, будто ему пришла пора расплачиваться за все свои грехи. Он тяжело вздохнул и сделал большой глоток кофе.

— Ты, кажется, хотел предложить мне кофе? — неожиданно сменила тему разговора Льюис.

— Да.

— Тогда предложи еще раз, если можно.

— С удовольствием.

Льюис опустилась в жесткое кресло за длинным столом, заваленным различным бумагами.

Она снова вспомнила о Мэрфи. Нет, не о роботе-полицейском, а о своем бывшем напарнике сержанте Мэрфи.

У него тоже было обостренное чувство справедливости.

Как-то вечером после дежурства, переодевшись, они зашли немного отдохнуть в небольшой уютный бар. Такие минуты выпадали у них довольно редко. Было необычайно приятно сидеть за столиком, ни о чем не думать и потягивать через соломинку холодный коктейль.

Впрочем, Мэрфи всегда предпочитал коктейлю виски, чем совершенно не отличался от всех остальных мужчин, с которыми была знакома Льюис.

Играла приятная легкая музыка. Бар утопал в полутьме. Проворный бармен быстро и в то же время каждым движением подчеркивая свое достоинство, скользил по бару, с полуслова угадывая любое желание посетителей.

Льюис обратила внимание, что Мэрфи все время куда-то смотрит. Судя по выражению его лица, что-то его сильно раздражало.

Льюис обернулась, пытаясь понять, что же так взволновало Мэрфи.

У нее за спиной, через столик, находилось несколько человек, очевидно, отмечавших какое-то событие. Куча бутылок, которыми был заставлен почти весь столик, было тому подтверждением.

Один из этой компании, высокий мужчина лет сорока, в расстегнутом белом пиджаке и белой рубашке, с которой не очень гармонировал его красный галстук, склонившись над молоденькой испуганной девушкой, одной рукой держа ее за шею, а другой тыча ей в самое лицо бокалом с вином, шипел недовольным голосом:

— Я же сказал, ты должна это выпить!

— Но я не хочу, — сопротивлялась девушка. — Я не хочу пить.

— Ты не должна так говорить, детка, — мычал мужчина в красном галстуке.

— Не должна! — помогали ему напарники.

Их было двое. Один толстый, с двойным подбородком мужчина, который подзаправился уже достаточно, чтобы, почти не черта не видя перед собой, угодливо повторять за другом все его слова.

Второй был, кажется, более трезвый, на лице его лежала мрачная маска, а глаза жадно скользили по всему телу молодой девушки.

— Разве интеллигентные люди говорят «не хочу»?

— Да она просто хочет оскорбить нас!

— По-моему, она оскорбила нас, и ей надо как-то загладить свою вину.

Бокал коснулся губ девушки. У нее не было сил сопротивляться. Она закрыла глаза.

Мэрфи резко встал из-за своего столика и направился к этой компании.

— Послушайте, — спокойно, но твердо сказал он, — разве вы не видите, что девочка не хочет пить это паршивое вино?

— Что ты говоришь? — состроил удивленную рожу мужчина в красном галстуке.

Он поставил бокал на столик и уставился на Мэрфи, будто перед ним появилось привидение.

— По-моему, парень ошибся адресом, — сразу же протрезвел толстяк. — Ты ведь туалет искал, да? Я вижу, что у тебя штаны мокрые.

— Я сказал, оставьте девушку в покое, — угрожающе произнес Мэрфи.

— А может, она моя жена, — сказал мужчина в красном галстуке. — Крошка, ведь ты моя жена, да? Ха-ха-ха, — зашелся он смехом. — Друзья, у меня появилась молодая жена. За это надо выпить. Ладно, парень, — обратился он к Мэрфи, — мы не обижаемся на тебя. Давай-ка, выпей с нами, у тебя сегодня плохое настроение. Эй, там, принесите еще один бокал и бутылочку виски.

— Я в последний раз предупреждаю, оставьте девушку в покое!

— Слушай, ты, благодетель! — взорвался мрачный мужчина. — А ну-ка проваливай отсюда, пока мы тебе все кости не переломали!

Он поднялся из-за столика и медленно направился в сторону Мэрфи.

— Запомни этот вечер, подонок, начиная с него и до конца своих дней ты будешь работать на лекарства, если только выберешься отсюда живым.

Он замахнулся и направил свой кулак в лицо Мэрфи, но тот увернулся и тут же ударил нападавшего в челюсть. Тот отлетел в сторону. Его напарники повскакивали с мест и бросились на сержанта. Испуганная девушка закрыла лицо руками и помчалась к выходу.

Мэрфи, не дожидаясь нападения, ударил толстяка в морду, а второго схватил за галстук и со всей силы толкнул в проход между столиками.

В это время подскочил мрачный мужчина и, сжав кулаки, пошел на сержанта. Но не успел он сделать и нескольких шагов,

как получил сильный удар ногой в живот и задом отправился на свое место на полу.

Льюис подошла к Мэрфи и положила ему руку на плечо.

— Пойдем отсюда, а то ты еще убьешь кого-нибудь случайно, потом будем расхлебывать целую неделю.

Но тут сзади к ним подошел мужчина в красном галстуке и, сжав кулаки, бросил Льюис:

— Эй ты, сучка, отойди в сторонку, нам надо побеседовать с приятелем.

Льюис сморщилась от неприязни к этому непонятливому джентльмену и повернувшись, вдруг неожиданно сильно ударила его ногой в живот.

— О-о! — заревел мужчина в красном галстуке, жадно хватая ртом воздух. — Ну, ты даешь!

И грохнулся на пол.

Они неторопливо направились на улицу. У входа стояла, прижавшись к стене, та самая девушка, из-за которой началась драка.

— Спасибо вам, — сказала она, вытирая ладонями мокрые от слез глаза.

— А чего же ты теперь хнычешь? — удивленно спросил Мэрфи.

— Не знаю, — сказала девушка и улыбнулась.

— А ты где живешь?

— Здесь совсем рядом, вон в том доме, — показала она рукой.

— Не побоишься добираться?

— Нет, что вы, — снова улыбнулась девушка и, не сказав больше ни слова, легкой походкой стала удаляться от них в сторону своего дома.

— Ну, вот, одну проводить не удалось, — притворно вздохнул Мэрфи. — Если еще и ты откажешь…

— Конечно, меня не очень устраивает роль второй женщины в твоих глазах, но у меня сегодня хорошее настроение, и я разрешаю тебе немножко пройтись рядом со мной.

— Большое спасибо, ты сегодня очень добра ко мне, — отзываясь на ее шутку, произнес Мэрфи.

Они направились вверх по быстро пустеющей вечерней улице.

— Сегодня отличный вечер, — сказала Льюис, — не правда ли?

— Да, — согласился Мэрфи, — я думаю, те ублюдки тоже его надолго запомнят.

— Да нет, — засмеялась девушка, — я имела в виду погоду.

— Ну, я и говорю: отличная погода: небо, звезды, луна.

— Ну, луны как раз и нету.

— Черт, и в самом деле! Вечно она куда-нибудь девается!

Они миновали несколько небольших домов. В окнах уже горел свет. Возвратившись с работы, люди занимались своими обычными делами: ужинали, смотрели телевизор, читали свежие газеты. Все повторялось. Все, что было вчера, позавчера, месяц, год, десять лет назад. И завтра будет то же самое: завтрак, работа, ужин, телевизор, газеты. Казалось, человек только и создан для этого однообразия, и жизнь его течет по какому-то заколдованному кругу, течет незаметно, и лишь появление морщин на лице, частая усталость да различные болезни доказывают то, что она не стоит на месте.

— Ну, вот, — неожиданно сказала Льюис, — мы пришли к моему дому.

— А дома, конечно, сердитый муж ждет не дождется, когда же появится его очаровательная жена.

— Нет, не ждет.

— А, понимаю, он настолько старый, что ему уже все равно, где и с кем его жена проводит вечера.

— Нет, опять не угадал.

— Понимаю. Бог его обидел вкусом. И вместо фотографии жены он держит на своем столике портрет какого-нибудь диснеевского чудовища.

— Нет, не держит.

— Все равно он с приветом, — сделал заключение Мэрфи.

— Да нет же, у меня просто нет никакого мужа, — засмеялась Льюис.

— Вот как?! Да… Представляешь, так хочется… Значит, целый вечер только… Вот… как-то…

— Я так поняла, ты напрашиваешься на чашечку горячего кофе?

— Совершенно верно. Ты просто телепат.

Льюис улыбнулась и ничего не ответила. Они поднялись на лифте на шестой этаж. Льюис открыла дверь своей квартиры и зажгла в прихожей свет.

— Проходи. Чувствуй себя как дома.

Она провела его в большую комнату и зажгла свет.

— Располагайся. Кофе скоро будет. Я сейчас.

Она скрылась за дверью, а Мэрфи принялся рассматривать комнату.

Возле одной стены, почти полностью завешенной большим ковром, стоял красивый диван. Противоположная стена пряталась за книжным шкафом старинной работы. Посреди комнаты находился кофейный столик с бронзовой статуэткой на нем. В

углу стояло большое кресло с торшером над ним. В противоположном углу на маленьком столике расположился телевизор. Рядом стояло еще одно кресло.

Льюис появилась через несколько минут в длинном белоснежном платье. В руках она держала поднос с кофе.

— А вот и я, — немного смущаясь, произнесла Льюис, и поставила чашки на столик.

Цель была достигнута. Мэрфи смотрел на нее, не в силах оторвать взгляда.

— Ты просто великолепна, — восхищенно сказал он наконец.

— Да нет, это просто платье… Ведь ты видел меня уже не один раз, однако подобные мысли тебе почему-то в голову раньше не приходили.

— Ну, это не совсем так…

— Разве?

— Точнее, это совсем не так.

— Даже если это обыкновенный комплимент, мне все равно приятно. Давай пить кофе, пока не остыл.

— У тебя неплохая библиотека, — сказал Мэрфи, когда они сделали по несколько глотков.

— Это от отца осталось. Он любил книги. И даже сам пробовал кое-что сочинять.

— Неужели?

— Да. У него даже книжка вышла, небольшая, правда. Сейчас я тебе ее покажу.

Она поднялась с кресла, подошла к книжному шкафу и достала оттуда книгу своего отца — действительно, небольшого формата.

— Вот, «Звонок ниоткуда». Хорошее название, правда? Интригующее.

— Да, — согласился Мэрфи. — Это что, детектив?

— Там все — и детектив, и мистика.

— Странно, но ведь в его библиотеке одни серьезные книги: Драйзер, Диккенс, Фолкнер…

— Отец любил хорошую литературу. Но он считал, что все главное, что можно было сказать о человечестве, писатели уже сказали. А детективы, фантастика… Это так, развлечение и для писателя, и для читателей.

— Наверное, он получил за нее огромный гонорар? Я слышал, писатели — очень богатые люди.

— Да нет, чтобы зарабатывать на детективах большие деньги, надо сначала сделать себе имя. А отец был только начинающим писателем. Хотя его книга и не задерживалась на книжных прилавках.

— А почему ты о нем все время говоришь в прошедшем времени?

Лицо Льюис сразу сделалось грустным.

— Потому что его уже десять лет нет в живых, — негромко сказала она.

— Извини.

— Понимаешь, — продолжила Льюис, — он считал, что лучший сюжет тот, который взят из жизни, а не придуманный за письменным столом. И чтобы писать о полицейских, необходимо самому хотя бы чуточку быть в душе полицейским.

— Твой отец служил в полиции?

— Нет, но когда в соседней квартире произошло убийство, отец решил сам расследовать его. К тому же они с Джорджем Эндикоттом, нашим соседом, которого убили в собственной квартире, были хорошими приятелями.

Льюис замолчала. Она очень любила своего отца, и воспоминания о нем всегда приносили ей страдания.

— Он нашел убийцу? — спросил Мэрфи.

— Мы с отцом дружили, и он всегда мне рассказывал о своих делах. Однажды вечером он возвратился домой очень довольный, зашел в мою комнату и прошептал мне, чтобы не слышали мать с братом: «Я все понял!»

«Что ты понял?» — спросила я.

«Я понял мотив этого преступления!»

«Но ведь полиция уже давно сказала, что Джорджа

убили из-за денег и драгоценностей! Ведь из квартиры вынесли все золотые вещи, которые он коллекционировал!»

«Это полиция так решила. И преступники, точнее, один преступник, а в том, что он был именно один, я нисколько не сомневаюсь… Так вот, и преступник тоже очень рассчитывал на то, что полиция примет эту историю за обыкновенное ограбление с убийством».

«Но разве это не так?»

«Дело в том, что у Джорджа было не так уж и много драгоценностей. Потом, о них ведь почти никто не знал. Ну, я, само собой разумеется. И родственники. А вот это очень интересный факт».

«Ты думаешь, что его убили родственники… из-за коллекции золотых изделий?» — удивилась я.

«Ну при чем здесь эта коллекция?! Ведь у него было большое состояние, недвижимость в Мирамаре. Целый особняк, да какой! Однако все это еще необходимо доказать. А чтобы доказать — нужны факты. А факты… А с фактами не так-то все просто».

Льюис замолчала. Потом, взглянув в пустые чашки, спросила:

— Может, еще кофе?

— Нет, спасибо, — ответил Мэрфи. — И что же было дальше?

— Дальше? — переспросила Льюис. — А дальше отца обнаружили поздно вечером мертвым на мостовой. Как нам объяснили в полиции, его сбил автомобиль. И что отец был пьян. Странно. Отец ведь не пил. Никогда.

Льюис поднялась с кресла.

— Вот так и закончилась эта история, — печально сказала она.

— И что, машину, которая сбила твоего отца, так и не нашли? — спросил Мэрфи.

— Нет, — ответила Льюис. — Да ты и сам прекрасно знаешь, что творится в нашем районе. А тут всего лишь наезд на пешехода. Всего лишь…

— А мать? — осторожно спросил Мэрфи и тоже поднялся со своего места.

— А мать умерла. От рака. Через пять лет после смерти отца.

Было уже поздно. Стрелки часов приближались к двенадцати.

Мэрфи подошел сзади к Льюис и осторожно положил ей на плечи руки.

— Льюис, — позвал он.

— Да?

— Ты не представляешь, как мне сейчас хорошо с тобой.

Она промолчала и коснулась щекой его руки.

— А вот и кофе, — оторвал ее от воспоминаний сержант Гриттен.

— О, спасибо.

Льюис взяла чашечку и сделала маленький глоток. Кофе был отличный. Сержант Гриттен знал какой-то особый способ его приготовления, чем и прославился на весь полицейский участок.

— А что с твоим настроением? — спросил сержант.

— Да нет, все нормально, — улыбнулась Льюис и неожиданно подмигнула Гриттену.

— Вот это другое дело, — просиял тот. — И вообще, зачем такая очаровательная девушка пошла в полицию?

— По стопам своего отца, — серьезно ответила Льюис. — Семейная традиция.

— А разве твой отец был полицейским? — удивленно спросил сержант.

— Нет, не был, — так же серьезно ответила Льюис. Гриттен недоуменно пожал плечами, но не решился продолжать расспросы.

Льюис допила кофе и поставила чашечку на стол.

— Спасибо, Джеффри, — сказала она, направляясь к выходу.

— Ты куда? — бросил ей вдогонку сержант, отрываясь от каких-то бумаг.

— В лабораторию, к Мэрфи.

— Передавай ему привет от меня. Пусть быстрее поправляется.

— Хорошо, передам.

Льюис исчезла за дверью.

* * *

Доктор Лазарес старательно изучала показания приборов. Особой необходимости в этом не было — о любых нарушениях тот час же сообщал компьютер — голосом или напрямую входя в сознание человека.

Лаборатория Лазарес была заполнена всевозможными дисплеями, индикаторами, минироботами, электронно-вычислительными машинами.

Она нажимала различные кнопки, включающие лампочки на панелях. Продолжая оперировать абстрактными категориями и расшифровывать возникавшие в сознании образы, доктор Лазарес набирала на клавиатуре запрос об общем состоянии Робокопа.

Компьютер сообщил об отсутствии неисправностей.

Перед ней, словно на чертеже, развернулись внутренности Робокопа: мини-ЭВМ, устройство связи, преобразователи, блок управления…

Мэрфи сидел неподвижно, положив руки на колени и углубившись в свои мысли.

Доктор Лазарес отключила экран: Мэрфи был спокоен, его мозг работал нормально.

— Как ты себя чувствуешь, Мэрфи? — спросила она.

— Бывает и получше, — пошутил робот.

— Ну, ты знаешь не хуже меня, что если бы на твоем месте был человек, я бы уже вызывала родных и близких.

— У меня не очень много друзей, а близких и родных вовсе нет.

Вдруг Мэри заметила в лаборатории еще одного человека. Заработавшись, она и не заметила, как он вошел. Это был Рональд Флат. Она внимательно посмотрела на него.

Лицо его было неприятным — недобрые глаза и поджатые губы. К тому же, сразу было заметно, что Флат чем-то взбешен.

* * *

Неожиданно доктор Лазарес почувствовала страшную усталость. Она и так измоталась за день, а тут еще этот Флат. Чтоб он провалился куда-нибудь! Маячит перед глазами, как неприкаянный…

И вдруг в ее памяти почему-то начали всплывать эпизоды ее жизни, связанные с этим пронырой. Этого еще только не хватало, прямо наваждение какое-то!

Флат работал тогда руководителем лаборатории научных исследований. Как ученый-исследователь, он никак не проявил себя, зато выказывал живой интерес к хорошенькой Мэри Лазарес, а однажды даже сделал ей предложение.

Мысленно Мэри окинула свое прошлое и убедилась, что оно накрепко сплелось с образом вездесущего Флата.

Тогда она была еще совсем молоденькой девчонкой, безумно влюбленной в науку, жаждавшей проводить всевозможные научные эксперименты.

В лаборатории, куда она попала после окончания университета, усердно занимались изучением человеческого мозга, возможностью его пересадки, и Мэри сразу же с удовольствием окунулась в эту необыкновенно интересную проблему.

Однажды вечером, когда она, немного задержавшись на работе, уже закрывала на ключ дверь лаборатории, мимо проходил незнакомый ей молодой человек.

Поровнявшись с ней, он неожиданно остановился и спросил:

— Вам помочь?

— Нет, спасибо, — ответила Мэри, хотя была не в силах повернуть этот проклятый ключ.

— Но у вас, кажется, проблема? — постояв немного возле нее, с улыбкой произнес парень.

— Кажется, да, — сдалась Мэри и впервые с интересом посмотрела на своего собеседника.

Незнакомец подошел к двери и, осторожно повернув ключ сначала влево, потом вправо, неожиданно легко закрыл дверь на замок.

— Вот и вся проблема, — снова улыбнулся он и протянул Мэри ключ.

— Спасибо.

— Рональд.

— Что? — не поняла Мэри.

— Меня зовут Рональд. Рональд Флат.

— Мэри Лазарес, — представилась она и покраснела. Она первый раз в жизни вот так просто знакомилась с мужчиной.

— Рабочий день уже давно закончился, — сказал Рональд,

шагая рядом с ней по коридору.

— Да, я немного задержалась.

— Кстати, я могу вас подбросить до дома.

— Нет, что вы, мне недалеко.

— Тем более.

Они вышли на улицу. У здания на площадке для машин одиноко стоял серый «роллс-ройс» последней модели.

— Прошу, — пригласил Флат, открывая дверцу машины.

Когда они подъехали к ее дому, он сказал, пряча на лице довольную улыбку:

— Да, чуть не забыл, ведь я новый руководитель вашей лаборатории…

На следующий день утром он зашел в лабораторию, представился сотрудникам и таинственно подмигнул ей. Правда, этим тогда все и ограничилось.

Через неделю они встретились в лифте, а на следующем этаже двое рабочих втащили в него огромный компьютер, который занял почти половину площадки.

Флат придвинулся поближе к ней, касаясь лицом ее волос. Так они молча и ехали, пропустив нужный этаж.

А еще через неделю он пригласил Мэри в ресторан.

Она почему-то очень волновалась. Может, потому, что ее еще никогда не приглашали в ресторан, а может потому, что Флат ей начинал нравиться.

Мэри надела свое самое нарядное платье и целый час провела у зеркала. Впрочем, так и осталась не совсем довольна собой.

Ресторан назывался «Черный принц». От других заведений подобного типа он отличался тем, что здесь готовили национальные блюда чуть ли не всех народов мира. Плюс ко всему, в ресторане имелись и свои

фирменные блюда, которыми он славился на весь город.

Она заказали яйца, фаршированные грибами, котлеты из ягненка и блюдо, которое имело таинственное название «сердце привидения». Из напитков они взяли «Мартини» и «Амаретто».

«Сердце привидения» по форме действительно напоминало сердечко, а по вкусу нельзя было разобрать, из чего оно приготовлено — Чем не привидение?

— Жаль, что здесь не подают что-нибудь вроде «мозга дьявола», для нас это более актуальное название, — пошутил Флат. — К тому же интересно было бы попробовать на вкус то, чем мы занимаемся.

Мэри ничего не сказала, лишь улыбнулась краешком рта — она все еще немножко волновалась.

Однако уже после первых глотков «Амаретто» ей стало легко и весело. Она с удовольствием ела и непринужденно болтала с Флатом.

— Что? Да, очень вкусно… Налей, только немножко… да, достаточно…

Флат довольно улыбался.

— Вся наша жизнь — это гонка, бесконечная гонка: за деньгами, за престижной работой, — глядя куда-то сквозь Мэри захмелевшими глазами говорил он. — И чем больше мы имеем, тем больше нам хочется. Гонка, гонка без начала и конца. В принципе, остановиться можно. Но тогда начинают исчезать и деньги, и престижная работа.

— Да, — соглашалась Мэри, совершенно не понимая, о чем он говорит.

— А еще наша жизнь — это борьба за выживание. Если не я тебя съем, то ты меня. Другого просто не дано. Это доказано всей историей человечества. А против истории не попрешь, как это ни горько порой осознавать.

Принесли корзинку с фруктами.

— Однако, что это я о грустном, — словно очнулся Флат. — Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Давай поговорим о нас с тобой.

— Давай, — согласилась Мэри. — Я очень рада, что мы встретились.

— Я тоже тогда сразу обратил на тебя внимание. Помнишь, когда ты не могла дверь закрыть?

Мэри счастливо улыбнулась.

«Роллс-ройс» мчался по вечерним улицам города. Шел небольшой теплый летний дождь, и мокрый асфальт блестел, отражая свет фонарей.

Вокруг было пустынно. Лишь изредка блеснет фарами встречная машина, или покажется на тротуаре поздний прохожий, прячась от дождя под зонтиком. — Но ведь мы едем не в ту сторону, — сказала Мэри, всматриваясь в полутемные улицы.

— Сегодня все дороги наши, в какую бы сторону мы с тобой ни ехали, — рассмеялся Флат.

Он пропустил ее вперед и, закрыв на замок входную дверь, включил в прихожей свет.

— Вот мы и дома.

— У тебя большая квартира, — заметила Мэри.

— Ну, я бы предпочел иметь еще больше. А лучше — свой особняк.

— И ты что, один здесь живешь?

— В общем, да.

— И кто же следит за порядком? Неужели все сам?

— Ну, у меня ведь тоже руки есть.

Флат достал из шкафа, встроенного в стену, небольшую бутылку и два бокала.

— Это всего лишь сок. Апельсиновый. За нашу встречу в этом доме.

У Мэри кружилась голова, и когда он легонько подтолкнул ее к широкой кровати, которая занимала чуть ли не полкомнаты, она почувствовала в этом даже какое-то спасение для себя. Все расплывалось перед ее глазами, и она закрыла их, проваливаясь в черную успокаивающую бездну.

На следующий день рано утром он привез Мэри к ее дому, махнув на прощание рукой, и тут же уехал. Она была немного обескуражена его поведением, так как рассчитывала, что они вместе поедут на работу. Неторопливо поднялась по лестнице на пятый этаж, хотя можно было воспользоваться лифтом, вошла в свою маленькую квартирку, так же неторопливо переоделась, хотя понимала, что опаздывает в лабораторию.

Целый день она пыталась встретиться с ним взглядом, но он, будто нарочно, не замечал ее, слишком громко разговаривая и хохоча по любому пустяку с другими женщинами. Она обиделась, решила разговаривать с ним только как с руководителем лаборатории, да и то, когда в этом была острая необходимость. Но когда через неделю он снова пригласил ее в ресторан, она не выдержала и согласилась.

Но чем больше она его узнавала, тем меньше он ей нравился. И когда он однажды прямо в коридоре их учреждения сделал ей предложение, она пожала плечами и, не проронив ни слова, пошла прочь. Это его страшно взбесило, но тут судьба их развела. Мэри Лазарес направили в другую секретную лабораторию, где шла работа по созданию робота-полицейского.

Правда, вскоре они опять встретились; Флат предстал перед ней в образе шефа службы безопасности. Но прежние взаимоотношения возобновить было уже невозможно…

* * *

— Доктор Лазарес, — позвал Флат. — Вы не хотите рассказать мне, что произошло?

Лазарес отошла от Мэрфи, помыла руки, вытерла их полотенцем и взглянула на Флата.

— Ничего особенного. Просто его привезли сюда вчера на проверку, — ответила она, делая вид, что не понимает вопроса.

— Это я знаю, — сухо ответил Флат. — Меня интересует, что с ним. И вы понимаете, о чем я говорю! — Вдруг заорал он, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. — Он не подчинился приказу, и я хочу знать, почему!

— Вы хотите знать мое мнение?

— Я хочу знать правду.

Мэри внимательно посмотрела на него. Его недобрые глаза сузились еще больше. Флат перехватил ее взгляд.

— Я слушаю. Мэри, села за стол.

— Я думаю, что единственной причиной является то, что он готов выполнять приказы, но только не те, с которыми не согласен, — сказала она, снимая очки. — Извините, он принял не такое уж плохое решение его друг был в большой опасности, и Мэрфи решил спасти его.

— Вы тут все рехнулись! У него не может быть никаких друзей! — заорал Флат.

Он подбежал к сидящему роботу и постучал по металлическому скафандру.

— Если «Оу-Си-Пи» хотела построить просто робота, то зачем ему дали человеческий разум? — закричала в ответ Мэри, но быстро взяла себя в руки.

— Там ничего человеческого не осталось, в этих мозгах, — гнул свою линию Флат.

— Мистер Флат, в этих мозгах осталось очень много человеческого, — спокойно возразила она. — Это не железка, а автономный организм, способный самостоятельно принимать любые решения.

— Хорошо, — согласился Флат. — А все эти годы исследований, тренировок, разве они ни к чему ни привели?

— Его эмоциональный багаж помешал этому.

— Эмоциональный багаж?.. — казалось, он не понимал, о чем идет речь.

— Да, — твердо сказала Мэри. — Какие-то кусочки памяти, обрывки прошлого остались у него…

— Ясно, — Флат дал понять, что не желает слушать ее объяснения. — Что ж, если это какие-то эмоции и обрывки памяти, то нужно избавиться от них. Надо стереть эти кусочки памяти, которые только мешают нам.

К ним подошел доктор Эндрюс. Он до сих пор не вступал в разговор, хотя зашел в кабинет в самый разгар перепалки, решив узнать, что случилось.

— Это возможно сделать, если включить дополнительную цепочку обратной связи в виде вот этой нейтронной схемы. Можете приступать.

— Выполняйте! — он бросил Мэри целлофановый пакетик с маленькой пластиной, который подал ему Эндрюс.

Мэри, подхватив пластину, с нескрываемой злостью посмотрела на Эндрюса, который поспешил удалиться, довольно улыбаясь и аккуратно прикрывая за собой дверь.

— И запомни, дорогая, мне наплевать, насколько ты умна, меня интересует только то, чтобы этот полицейский работал, как следует, — нравоучительно подчеркнул Флат.

— Я не новичок в лаборатории, так что прошу не давить на меня, — оборвала его Мэри.

— Вот и прекрасно. Мы хотим, чтобы он работал, и он будет работать. Он, как и ты, принадлежит компании «Оу-Си-Пи». Так что давай, будь добра, выполняй свои обязанности, не забывая об ответственности, — сказал на прощание Флат и, ухмыльнувшись, направился к выходу.

В дверях он едва не столкнулся с Льюис, которая зашла, чтобы посмотреть на Мэрфи.

Доктор Мэри Лазарес, посмотрев ему вслед, произнесла:

— Господи, неужели я когда-то была в него влюблена, подумать только!

В лабораторию снова вошел доктор Эндрюс:

— Мэри, дорогая, я могу сам заняться Мэрфи, — сказал он заискивающе улыбаясь.

— Нет-нет, благодарю, это несложно, я разберусь сама, — ответила Мэри. — У вас достаточно своих обязанностей, идите, вы свободны.

Доктор Лазарес подошла к Льюис, которая стояла рядом с Мэрфи, и с беспокойством посмотрела на экран, отражающий мысли робота. На экране то и дело возникали все новые и новые лица, какие-то эпизоды, обрывки фраз.

Мэрфи сидел неподвижно.

— Что у тебя творится в голове, Мэрфи?! — удивленно воскликнула она.

Льюис слышала конец разговора с Флатом, поэтому, повернувшись, она вопросительно посмотрела на Мэри.

Мэри дотронулась до ее плеча:

— Я бы хотела побыть одна, — тихо попросила она. Льюис, нахмурившись, вышла.

Доктор Лазарес села за стол, крепко сжав голову руками. Она достала из кармана пластину, покрутила ее в руках, затем достала из нижнего ящиха стола молоток и с яростью ударила по пластине. Все, что от нее осталось, Мэри аккуратно собрала и выбросила в урну.

* * *

Рано утром Берта Стивенсон со своими напарниками собиралась в дорогу.

— Вы слышали радио? — в который раз спрашивал дядюшка Симон. — Какие-то идиоты оказали сопротивление реабилитационной службе! Подумать только, им обещали новые квартиры, гигантские торговые центры, площади с фонтанами и памятниками, зоны отдыха… им обещали рай, а они устроили войну!

— Какую войну? — будто ничего не понимая, спросила Берта.

— Какую войну? Они стреляли в офицеров реабилитационной службы! Они взрывали бомбы! Это же преступники!

— Но…

— Молчи! А командовала ими, представьте себе, женщина! Я всегда говорил: там живут одни преступники. И с ними всеми надо поступать, как с преступниками. Как с преступниками! Никакой пощады!

— А ее нашли? — осторожно спросила Берта, заметно волнуясь.

— Кого?

— Ну, эту женщину.

— Нет, к сожалению. Говорят, она с приятелями укатила в каком-то желтом фургоне. Но, будь уверена, ее обязательно схватят. И ее дружков тоже.

— Может быть, — загадочно произнесла Берта.

— Что значит «может быть»? Я всегда говорил твоему отцу, что тебя плохо воспитывают. Никакого послушания! Ты лезла в любую драку, хуже голодного бездомного мальчишки. И в твоей голове эта дурь еще осталась.

— Дядюшка, но я всегда защищала тех, кто слабее, разве это плохо?

— Защищать должен закон. Иначе никогда не будет у нас порядка.

— Но ведь он не защищает!

— Молчи! Законы у нас… Конечно, их надо ужесточить, я всегда об этом говорил. Потому и развелось столько преступников!

Берта пожалела, что затеяла этот спор. Теперь надо было терпеливо ждать, пока дядюшка Симон не выговорится.

— Никакой пощады! — почти кричал старик. — Иначе они

скоро будут управлять всем городом. Тогда уж останется одно — пустить себе пулю в лоб!

Аптекарь Сэм, Ника, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено стояли, переминаясь с ноги на ногу. Им казалось, что эта лекция дядюшки Симона никогда не кончится. Уж лучше бы они заночевали где-нибудь на улице.

— Ну ничего, скоро со всеми ними будет покончено, — наконец сделал заключение старик. — Говорят, они собрались в каком-то храме. Я думаю, что это их последнее убежище.

Берта вздрогнула, услышав последние слова дядюшки Симона.

— Мы тоже так считаем. Однако нам пора уходить, — заторопилась она. — Иначе мы можем остаться без новых квартир. Там, наверное, уже началась раздача.

Она направилась к выходу. Друзья облегченно вздохнули и последовали за ней.

— Да веди себя благоразумнее, — проворчал дядюшка Симон. — Что-то не нравится мне твое настроение. Помни, о чем я тебе говорил.

— Я обязательно запомню, — бросила ему на прощание Берта уже из-за двери.

— Как ты все это терпишь? — удивился Максвелл, когда они вышли на улицу.

— Он мой дядя. Когда-то он носил меня на руках. И потом, у меня больше никого не осталось из родных. Да я уже давно привыкла к его философии.

— Ну, и куда же мы теперь направляемся? — спросил мясник Томас Брэд.

— В храм, — решительно сказала Берта. — Там наши знакомые, соседи. Мы тоже должны быть там. Мы должны защищать свои дома, а не трусливо прятаться. Иначе они будут делать с нами все, что захотят.

На удивление всем, желтый фургон стоял на месте.

— А кому он нужен, такой старенький, — улыбнулась Берта.

— Ну, полиция как раз была бы не против сейчас его заполучить, — сказал аптекарь Сэм.

— Только вместе с нами, — добавил Марено.

— А действительно, как мы на нем поедем по городу? — встревожился Максвелл.

— Ну, с таким водителем, как Марено, мы можем в нем самого президента возить, — улыбнулась Берта.

Марено смущенно опустил голову.

* * *

Когда Льюис зашла в полицейский участок, инспектор Джонсон уже проводил инструктаж с полицейскими района по поводу борьбы с повстанцами.

Льюис прошла вперед и села рядом с Питером Джилмером.

— Прежде всего помните, что это не просто бездомные люди, а террористы, готовые на все. На экране вы сейчас увидите места возможного расположения повстанцев и групп сопротивления. Если вы кого-нибудь опознаете, немедленно приступайте к действию. В выборе средств я вас не ограничиваю, и это не только мой приказ.

Джонсон включил компьютер. На экране появился район Кадиллак-Хайц.

— Льюис, я думаю, тебе это будет интересно. Знаешь, что они сделали с Мэрфи? — спросил Питер шепотом.

Льюис пожала плечами.

— Вжик-вжик — и все, — сообщил Питер и покрутил пальцем у виска, объясняя, что именно он имел в виду, говоря о Мэрфи.

В коридоре послышались тяжелые шаги.

Джонсон замолк. Все полицейские повернули головы к открывающейся двери.

Вошел Мэрфи. Льюис подбежала к нему.

— Мэрфи! Ты ничего не хочешь мне сказать? С тобой все в порядке? — тихо спросила она.

Мэрфи молчал. Он смотрел на экран. В его электронном мозгу немедленно включилось воспроизведение, и он увидел храм и маленькую девочку, стоящую у двери.

Он подошел к ЭВМ и подключился к ней.

Сейчас же на экране, сменяя друг друга, замелькали лица мужчин, женщин, стариков — жителей района Кадиллак-Хайц.

— Список возможных участников групп сопротивления, — прочитала Льюис надпись на экране.

Мысли Мэрфи вихрем носились по замкнутому кругу. Он не осмеливался сказать правду — это значит следовало бы публично обвинить инспектора полицейского управления Джонсона в лжи. Его охватило тупое отчаяние. Резко повернувшись, он вышел, и такими же тяжелыми шагами быстро пошел по коридору.

Льюис побежала следом, едва поспевая за ним.

— Эй, Льюис! Возьми бронежилет! — крикнул ей вдогонку Питер.

— Не стоит, у меня выходной, — ответила она. Мэрфи, ни слова не говоря, подошел к полицейской машине и сел в нее. Льюис устроилась рядом.

— Но мне-то ты можешь объяснить, что с тобой случилось, что происходит?

— У тебя есть семья? — спросил Мэрфи.

— Разве ты забыл об этом? — удивилась она вопросу. — Брат живет в Питсбурге. Тот, что звонит только тогда, когда открыткой напомнишь ему об этом.

Робот молчал.

Льюис дотронулась до его руки:

— Я же вижу, чувствую, что что-то происходит. У тебя все в порядке?

— Спасибо, Энн. Ты слишком добра ко мне. Да, конечно, я прекрасно себя чувствую.

* * *

Плашер, развалившись в кресле, попивал виски.

Судьба, как никогда, была к нему в последнее время благосклонна. Он заработал на наркотиках огромные деньги, и теперь надо было решить, во что их вложить.

Плашер давно мечтал о красивой, шикарной загородной вилле где-нибудь на берегу моря, о собственной яхте, на которой можно было бы летом каждый месяц отправляться на пару деньков на какой-нибудь необитаемый островок.

Пора вылезать из этой грязи и заняться наконец чистым бизнесом. Что-то подсказывало Плашеру, что уже надо остановиться, бросить этот город и эту страну, уехать куда-нибудь, где его никто не знает.

Еще ему необходимо было подыскать себе женщину, которая была бы верной ему, как собака, и на которую бы заглядывались мужчины.

При мысли о женщинах Плашер окунулся в легкую, уже хорошо знакомую ему грусть. Прошло немало лет, а он до сих пор хранил в душе память о молоденькой длинноволосой девушке, которая незаметно для самого Плашера стала для него идеалом женской красоты. О девушке, которую он видел только раз в жизни, и которой уже давно не было в живых.

Плашеру тогда едва исполнилось девятнадцать лет.

Ввалившись с напарниками в небольшой бар, который находился на самой окраине Кадиллак-Хайца, она заказали виски. С криками, хохотом направились к ближайшему столику. Несколько посетителей, которые в это время находились в баре, бросали на них недовольные взгляды, но сделать замечание никто не осмеливался.

Когда они уже собирались уходить, молодой бармен подошел

к Плашеру и положил ему руку на плечо.

— Вы забыли рассчитаться.

Плашер резко повернулся и крепко сжал руку бармена.

— Запомни, парень, я никогда ничего не забываю. Ты понял меня?

Бармен молчал.

— Ты понял меня, я спрашиваю? — взбесился Плашер, от виски у него кружилась голова.

Их тут же окружила вся компания.

— Сейчас он все поймет! — закричал бритоголовый

Стэнли и со всего размаху ударил парня в челюсть. Тот отлетел к стойке и сильно ударился головой.

— Ну как, теперь ты все понял? — подошел к нему Стэнли и крепко схватил бармена за рубашку.

Тот и на этот раз промолчал.

— Ну тогда полежи вон там и хорошенько подумай, а мы потом зайдем, — сказал Стэнли. Поставив парня на ноги, он снова ударил его кулаком в челюсть. Тот полетел спиной к ближайшему столику, за которым только что сидела вся компания. Зазвенели, падая, пустые бутылки из-под виски.

Немногочисленные посетители молча наблюдали за этой сценой.

Драка еще больше распалила бандитов.

Компания высыпала на улицу и, с криком переворачивая мусорные урны на тротуарах, пугая редких прохожих, направилась к одному из старых заброшенных домов, который служил пристанищем для ночлега и отдыха.

Со стороны казалось, что этот дом вот-вот развалится, столько трещин было в его кирпичных стенах. Однако внутри он выглядел довольно прилично.

Впрочем, уже тогда Плашер подумывал о собственной квартире со множеством тайников и потайной дверью. Но своей мечтой он не хотел делиться даже с самыми верными друзьями.

Они уже почти подошли к дому, когда на их пути неожиданно появилась незнакомая девушка. Сгущались вечерние сумерки, и девушка очень торопилась.

— Вы случайно не ко мне торопитесь? — преградил ей путь бритоголовый Стэнли.

— Нет, — ответила девушка и попробовала обойти его. — Я домой иду.

— Вот как? — схватил ее за руку Стэнли. — И я домой иду. Значит, нам по дороге?

— У нас с вами разные дороги.

— О, не надо быть такой самоуверенной! Все дороги когда-

нибудь пересекаются.

Девушка попыталась вырвать руку.

— Отпустите! — закричала она.

— Увы, наши желания не совпадают, — рассмеялся Стэнли и потянул девушку за собой. — Я хочу пока зать вам наш прекрасный замок.

— Отпусти! — еще громче закричала девушка и ударила Стэнли по лицу.

Это вывело его из себя. Он ответил ударом на удар и потащил девушку в дом. Компания двинулась следом.

На девушке была коротенькая юбка и белая прозрачная блузка. У нее были длинные каштановые волосы и большие черные глаза, в тот момент полные ужаса.

— Нет! — дико закричала она, когда Стэнли с силой бросил ее на старый обшарпанный диван.

Но силы были неравными, и она взвыла от боли и ненависти, сопротивляясь все слабее и слабее.

Лишь в последний момент она ухватила Стэнли за ухо, потянула на себя, а потом неожиданно ткнула ему в глаза пальцами с длинными ногтями.

Стэнли дико заревел, вскинул голову, а затем ухватился руками за шею своей жертвы и начал душить ее.

Потом встал и, застегивая штаны, тяжело выдохнул:

— Есть желающие?

— Да ведь она, кажется, мертва, — вдруг тихо сказал кто-то за спиной Плашера.

Плашер осушил остатки содержимого бокала. Ему до сих пор было жалко эту девушку. Ей было тогда лет восемнадцать, не более, и она была прекрасна.

Неожиданно входная дверь его квартиры отворилась. Осторожно, словно кто-то пытался незаметно войти.

— Что случилось, Джек? — спросил Плашер. Он быстро поднялся с кресла.

— Ты стал пугливым, Плашер, — в проеме двери, почти полностью закрывая его, появился Тоби Тайлер, один из воротил подпольного наркобизнеса в их городе, тучный мужчина лет сорока.

У Плашера похолодело в душе.

«Почему Джек впустил его? — мелькнуло у него в голове. — Он не имел права впускать кого-либо без разрешения».

Но вслух Плашер произнес как можно спокойнее, направляясь к шкафу:

— Да шастают здесь кто попало, вот и приходится остерегаться.

Тайлер зашел в комнату и стал рассматривать обстановку, заложив руки за спину.

— А ты неплохо устроился, я погляжу. Наверное, и девочку какую-нибудь завел?

— Как ты нашел меня?

— Ну, человек ты довольно известный, тебя многие знают. Вот и указали добрые люди дорогу. Но ты вроде бы не очень рад мне?

— Отчего же? Садись, — указал он на кресло. — Но насколько я знаю, просто так ты в гости не ходишь.

— Это смотря к кому. К хорошему человеку можно и просто так зайти. Посидеть, поболтать о чем-нибудь. Разве я не прав?

Но в кресло он не сел.

«Где же Джек? — мучительно думал Плашер. — Если они убили его, то…»

— Что ж, давай поговорим.

Тайлер подошел к окну, некоторое время молчал, словно раздумывая, с чего начать.

— Что-то в последнее время я стал внимательнее относиться к своим друзьям. Может, старею, а? Новых приобретать поздно, а старых терять жалко, — он внимательно посмотрел на Плашера. В глазах его был жгучий холод.

— Друзья это хорошо, — сказал Плашер.

— Еще бы. Только вот какая штука жизнь. Живет себе человек, живет, кажется, никому ни разу дорогу не перешел, и тут однажды раз — находят его убитым.

— Ты это о ком?

Теперь Плашеру все было ясно окончательно. Оставалось лишь узнать: его пришли убивать или требовать денег. Если только денег, то все еще можно было уладить.

— О Рональде Коннорсе, разве не догадался? — вскинул брови Тайлер.

— Да, я знаю, его убили. А разве он был твоим другом? Я не знал.

— Ну, еще каким другом. Я зарабатывал на нем огромные деньги.

— Вот как?

— Так ты знаешь, что его убили?

— Да, я слышал об этом. Кстати, это было недалеко отсюда, у перекрестка.

— Так может ты знаешь и о том, кто его убил?

— Говорят, полицейские. Там страшная заваруха была недавно.

— Ага, понятно. А может, это было не возле перекрестка, а

вот в этой комнате? И убили его не полицейские, как ты говоришь?

— А кто же?

— Ты, черт возьми! — взорвался Тайлер. — Ты ухлопал его, а потом твой пес вынес тело Коннорса на улицу. Да и сам подлез под пулю. Разве не так?

— С чего ты это взял?!

— Послушай, Плашер, ты меня не проведешь. Я, знаешь, на чем видал таких умников?!

— Да, это я его убил, — сказал Плашер. Отпираться дальше было смешно. Так, пожалуй, и самому не долго нарваться на пулю. Он слишком хорошо знал Тайлера, чтобы играть с ним в кошки-мышки.

— Это я знаю и без тебя, — заорал Тайлер. — Я хочу знать, почему?!

— Он ни черта не заплатил мне за наркотики! Он решил, что я здесь занимаюсь благотворительностью.

— Брось, Плашер! Я прекрасно знаю, какие цены ты заламывал за свой товар. Ты нарушил правила игры, понимаешь? — брызгал слюной Тайлер.

— Он оскорбил меня, — вырвалось у Плашера.

— Оскорбил? Он назвал тебя свиньей? Или может он назвал тебя ненасытным всеядным пауком? Так он был бы прав. Но дело в том, что Коннорс даже этого, слышишь, даже этого никогда не скажет.

— Он хотел убить меня.

— Убить? Тебя? Да он бы никогда не пришел убивать тебя в твою же квартиру. Коннорс никогда не отличался большим умом, но даже на это у него мозгов хватило бы. И давай прекратим эту бессмысленную болтовню. Я устал от нее.

— Хорошо. Сколько ты хочешь?

— Я? Ты считаешь, что все дело во мне? Или ты поверил, что Коннорс был моим дружком? Да по мне пусть бы ему каждый день кто-нибудь всаживал бы по пуле в лоб, если бы он не делал мне бизнес. И не только мне. Ты же прекрасно понимаешь, что все мы связаны одной ниточкой. Ты же не дурак, Плашер. Помнишь Джона Гормли?

— Его застрелили полицейские.

— А Дэвида Хэдли?

— Он повесился. Но ведь не с моей же помощью!

— А в их смерти тебя никто и не обвиняет. Все мы смертны. Но никто из них не нарушил наших правил, Плашер. Чем же ты лучше других? Умнее? Хитрее? Потому что постоянно носишь маску на морде? Может, ты и сейчас в маске, а?

— Ты пришел убить меня? — уставшим голосом спросил Плашер.

— А ты хочешь предложить что-нибудь другое?

— Тайлер, у меня много денег. У меня очень много денег. Говори, сколько стоит моя жизнь?

Тайлер захохотал.

— Нисколько. Считай, что эти деньги тебе уже не принадлежат.

— Почему?

— Ты труп, Плашер. Ты говорящий труп. Неужели ты еще не понял этого?

— Ты их никогда не найдешь. Они уйдут вместе со мной на тот свет.

— Ошибаешься, Плашер. Люди умирают, а деньги остаются. Сейчас мы перевернем твою квартирку…

— Последний раз говорю, ты не найдешь их. Я дам тебе двадцать миллионов!

Тайлер вытаращил глаза и раскрыл от удивления рот. Он медленно опустился на кресло.

— Сколько?

— Двадцать миллионов.

— А ты, парень, зря время здесь не терял. Откуда же у тебя такая сумма, а?

— Ты согласен?

— Двадцать миллионов. Так ведь что-то еще и себе решил оставить, да?

— В отличие от тебя, я работал мозгами. Но крепкие руки мне тоже нужны. Так что могу тебя взять в компаньоны, — стараясь выглядеть спокойным, произнес Плашер.

Кажется, меч, который в очередной раз занесла над ним судьба, просвистел рядом, не задев его.

— Меня? В компаньоны? А я не мелковат для тебя? Я ведь столько денег зарабатывать не умею, — в голосе Тайлера прозвучала не то насмешка, не то недоверие.

— Я говорю вполне серьезно.

— Хорошо. Я сейчас, — поднялся с кресла Тайлер. — Отпущу людей.

Он направился к выходу.

— Стой! — закричал Плашер.

Тайлер остановился и с удивлением посмотрел на Плашера.

— Ты что?

— Вернись обратно!

Плашер выхватил из кармана пистолет.

— Ты с ума сошел! — сказал Тайлер. Глаза его бешено

забегали по комнате, словно ища, куда бы укрыться. — Не шути так, Плашер. Брось пистолет.

— Вернись обратно! — снова закричал Плашер. — Мне терять нечего!

Тайлер сделал неуверенный шаг назад, а потом быстро рванулся вперед.

Плашер нажал на курок.

Тайлер схватился за плечо и полетел на пол.

— Сюда! — заревел он.

В квартиру влетели двое с автоматами.

Плашер, не целясь, выстрелил, и один из бандитов, выронив автомат, взмахнул руками, ударился затылком о стену и стал медленно опускаться на пол. Изо рта его появилась тоненькая струйка крови.

Но выстрелить в другого Плашер уже не успел.

Автоматная очередь оглушила его и невероятная боль пронзила все тело.

Плашер вздрогнул, схватился за бок рукой, которая тут же стала липкой от крови, опустился на колено, но удержаться не смог. Пистолет выпал у него из рук.

Вторая пуля попала в бедро. Плашер почувствовал, как пропитываются кровью его брюки, и понял, что игра со смерть окончена. Смерть победила, и она уже приготовилась схватить его в свои объятия.

— Ну что, падла, — подошел к нему Тайлер, держась за раненое плечо, — перехитрить меня вздумал?

Он отшвырнул ногой в сторону пистолет Плашера.

— А теперь говори, где деньги?

— Я же сказал тебе, что заберу их с собой на тот свет, — с трудом шевеля губами, ответил Плашер. — А ты не веришь, дурак.

Он хотел улыбнуться, но улыбка не получилась.

— А вот сейчас мы это проверим, заберешь ты их или нет, — бросил ему Тайлер. — Роджер, а ну-ка обыщи квартиру. Каждый миллиметр.

Напарник Тайлера поставил у стены автомат и принялся перетряхивать комнату. Сначала он вывернул все содержимое шкафа: в одной половине его была одежда, в другой снизу находились папки с бумагами, сверху — небольшой бар. Денег или каких-нибудь драгоценностей не было.

Тогда Роджер подошел к небольшому дивану, достал из кармана нож и в нескольких местах разрезал его обшивку. Там тоже ничего не было.

— Что ж, поищи в другой комнате, — сказал ему Тайлер. — А

мы пока побеседуем.

Он достал из бара бутылку виски.

— Надеюсь, оно не отравлено? Он сделал несколько глотков.

— Может, ты тоже хочешь виски, а?

Тайлер подошел к лежащему на полу Плашеру и начал выливать содержимое бутылки ему прямо на лицо.

— Ну как, вкусно? Еще хочешь? Пожалуйста, попей еще. На том свете, виски наверное не производят. Как ты считаешь? Ты пришли мне оттуда весточку, хорошо?

Плашер молчал.

Вдруг Тайлер швырнул пустую бутылку в сторону и приподнял Плашера за рубашку.

— Говори, сука, где деньги!

Плашер отвернулся.

— Не хочешь, да? Сейчас захочешь. Сейчас ты сам мне все расскажешь и покажешь.

Он достал из кармана зажигалку и потряс ею перед лицом Плашера:

— Ты у меня заживо сгоришь, понял?!

Плашер облизал пересохшие губы и, задыхаясь, тихо сказал:

— Хорошо… Я скажу.

Он с трудом повернул голову в сторону шкафа.

— Отодвинь его…

Тайлер удивленно посмотрел на Плашера, затем медленно подошел к шкафу и толкнул его здоровой рукой.

Шкаф легко отъехал в сторону.

— Вот это да, — покрутил головой Тайлер.

— Теперь открой дверь…

— А где же здесь дверь?

Тайлер уперся рукой в стену, и она неожиданно легко поддалась, пропуская его в маленькую темную комнатку.

Тайлер в нерешительности остановился.

— А ты молодец, — вырвалось у него. — А где здесь у тебя свет включается?

— Подожди…

— Что?

— По… подожди, — совсем тихо сказал Плашер, истекая кровью.

Тайлер с нетерпением посмотрел на него.

— Ну?

— Ты убил… Джека?

— Какого Джека? Ты что, сумасшедший?

— Джека… моего охра… охранника… Вы убили… уби… его…

— А черт! Нашел о чем вспоминать.

— Он был… моим… моим другом… понимаешь? — Плашер закрыл глаза.

— А черт! — выругался Тайлер.

— Теперь иди… Там… у двери… шифр…

Тайлер зашел в комнатку и посветил зажигалкой.

— Ну, вижу.

— Код… семь… три… пять…

— Семь, три, пять, — повторил Тайлер. — Нажал. Что дальше?

— Кнопка… рядом…

Тайлер нажал кнопку.

Оглушительный взрыв потряс воздух. Прохожие на улице повернули головы в одну сторону и закричали от ужаса: один из домов, укрываясь в огромных клубах пыли и дыма, рухнул на землю…

* * *

Машина Мэрфи остановилась в нескольких шагах от храма.

Мэрфи и Льюис направились туда. Казалось, внутри было пусто и безмолвно.

После яркого света Энн почти ничего не видела во мраке. У Мэрфи сразу же сработал термограф-датчик теплового излучения. Его глазные щитки широко разошлись — храм был полон людей. Отовсюду на них смотрели испуганные глаза. Опасности для общества эти несчастные не представляли…

С улицы донесся какой-то шум.

— Всем выйти из здания! — загремел чей-то повелительный голос, усиленный мегафоном.

Льюис и Мэрфи вышли из храма. Здание было окружено полисменами в серой форме. Все были вооружены автоматами.

— Стоять на месте и не двигаться!

— Мы — офицеры полиции, — мгновенно сориентировался Мэрфи.

— Вы нам не нужны, — ответил через мегафон шеф реабилитационной группы Магдэгар. — Эта группа получила задание очистить район Кадиллак-Хайц, полностью покончив с повстанцами. Для этого она и была создана. У нас же есть данные о том, что в здании находятся участники групп сопротивления — преступники. Поэтому я прошу вас отойти и не мешать нам их захватить.

— Мы были в храме. Там — гражданские лица, — отчеканил Мэрфи.

— Да, они зашли туда всего лишь погреться, — решительно добавила Энн.

Мысли Мэрфи беспорядочно метались. Он пытался найти правильное решение, опираясь на заданные ему директивы:

«Директива N1 — СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ»;

«Директива N2 — ЗАЩИЩАТЬ НЕВИНОВНЫХ»;

«Директива N3 — СОДЕЙСТВОВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАКОНА»;

«Директива N4 — НЕ ПРИЧИНЯТЬ ВРЕДА СЛУЖАЩИМ ФИРМАМ "ОУ-СИ-ПИ"».

— Последнее предупреждение: отойдите в сторону, в противном случае мы будем вынуждены применить силу, — выйдя из себя, орал в мегафон Магдэгар.

— Хочу заметить, что вы совершаете ошибку, — предупреждающе сказал Мэфри.

Взревев, Магдэгар взмахнул рукой, и солдаты бросились, было, в атаку.

Но Мэрфи был готов к ее отражению. Он поднял огневое средство мощнейшей ударной силы, вмонтированное в руку, но… Он переводил установку с одной группы полисменов на другую и везде получалась осечка. Срабатывала защитная сила четвертой директивы: «Не причинять вреда служащим фирмы "Оу-Си-Пи"». А все полисмены реабилитационной службы именно к этой категории и относились, впрочем, как и сам Мэрфи.

Пришлось перенести огонь на передвижные средства и на асфальт прямо перед полисменами, не давая им шагнуть.

Полисмены попятились назад.

— Ну, что? Убедились, что и мы шутить не любим? — закричала Льюис. — Если вы хотите зайти туда, то вам все равно не пройти мимо нас!

— Что ж, — воскликнул вконец рассвирепевший Магдэгар, — у меня не будет никаких проблем, когда я пристрелю вас!

Магдэгар вскинул карабин и выпустил всю обойму в Льюис. Льюис навзничь упала на ступеньки…

Мэрфи вновь поднял огневое средство, сделал наведение на цель, но все снова блокировалось четвертой директивой.

— Ну, что, проклятая железяка, чья взяла? — Магдэгар поднял карабин и перевел его на Мэрфи.

Последовала вспышка, послышался сухой треск. Мэрфи упал рядом с Льюис.

Он перекатился в сторону, пытаясь приподняться. Не сразу, но ему это удалось. Еще мгновение — и Мэрфи снова на ногах. Сделал шаг, другой. Подошел к двери храма, встал в дверях, заслоняя собой вход.

К нему подошла Ника.

В его механизме она услыхала прерывистый сигнал тревоги. Девочка открыла щиток на его груди, посмотрела на экран и прочитала:

«Внимание!!! Тревога!!! Повреждение системы эффективности работоспособности — 72 процента».

— Этот робот пострадал, и очень здорово, — сказала Ника подбежавшим к ней Берте и Томасу.

Через несколько минут возле них уже были Марено и Большой Сэм.

— Идем скорее с нами, — попросила девочка и потянула робота за руку.

— Прикройте меня, и мы уйдем, — ответил Мэрфи.

Берта и Томас, вытащив несколько дымовых шашек, бросили их в сторону противника. Густая завеса дыма, казалась, закрыла навсегда солнце.

— Идите все в храм, — приказала Берта. — А Марено и Сэм пусть забаррикадируют дверь.

Мэрфи поднял Льюис на руки и внес в храм.

Кто-то зажег свечи.

Энн была еще жива, но лицо напоминало восковую маску, а тело корчилось в невыносимых муках. Собрав последние силы, Льюис чуть улыбнулась:

— Мэрфи! Как же так? Этого не должно было случиться…

Мэрфи наклонился над ней и поддержал голову.

— Тише, Льюис, помолчи. Боль скоро пройдет, — пытался успокоить он.

У Мэрфи включилась запись изображения. Все, что происходило дальше, навсегда запечатлел его электронный мозг.

— Мэрфи, мы всегда были с тобой друзьями. Сделай то, о чем я прошу, ради меня: разделайся с ними, — попросила Льюис и, протянув руку, погладила своего верного напарника по щеке.

Глаза ее тосковали и молили.

— Я обещаю, — твердо сказал Мэрфи.

— Мэрфи… — она не успела договорить. Глаза закрылись, голова запрокинулась. Лицо стало спокойным и умиротворенным — боль навсегда ушла из Энн.

— Полицейский умер, — сказал Мэрфи и склонил перед Льюис голову.

Он не чувствовал боли, но что-то непонятное творилось в его электронном мозгу.

В его памяти с неимоверной быстротой, путаясь в хронологической последовательности, проносились эпизоды из прошлого, связанные с Льюис.

— Привет. Меня зовут Льюис. А у вас есть имя? Ее лицо ему кажется ужасно знакомым, но он никак не может вспомнить, где они уже могли встречаться.

— Чем я могу быть полезен вам, офицер Льюис? Она оглядывается по сторонам, затем неожиданно наклоняется к самому его лицу:

— Мэрфи, ведь это ты? Ты действительно не помнишь меня?

Их машины одна за другой мчатся по центральной улице города. На окраине они резко тормозят и сразу же попадают под перекрестный огонь.

Мэрфи бросается к машине Льюис, и пока та выскакивает из нее и прячется за ближайшим деревом, ведет беспрерывный огонь.

Преступники, видя, что их выстрелы не наносят роботу-полицейскому никакого вреда, пытаются скрыться, но это удается далеко не всем.

Автоматные очереди настигают их и обжигают спины, ноги, руки.

Когда все утихает, Льюис подходит к нему и кладет руку на плечо:

— Спасибо тебе, Мэрфи. Без тебя мне было бы чертовски трудно.

В это время один из преступников неожиданно поднимается с земли и быстро направляет ствол автомата в их сторону. Мэрфи толкает Льюис, она падает на дорогу. Пули плющатся о металл, робот полицейский спокойно вытягивает вперед руку и стреляет. Пули прошивают преступника насквозь, он дико кричит и валится на асфальт, корчась от боли.

— Фу, какой ты грубый кавалер, — говорит Льюис и весело смеется.

— Этот парень будет твоим новым напарником, Льюис. Мэрфи, познакомься с Льюис.

Она протягивает ему свою маленькую руку, и он с готовностью пожимает ее.

— Очень приятно познакомиться, Мэрфи, — на лице Льюис нежная улыбка.

— Отличная работа, — говорит он и кивает головой в сторону какого-то человека, который лежит у стены.

— Спасибо, — смущается немного она.

— Ты сошел с ума! Мы же потеряем его! — кричит Льюис, все время оглядываясь на заднее окно машины.

— Держись покрепче! — он резко тормозит и разворачивает машину на сто восемьдесят градусов. Они мчатся навстречу автомобилю с грабителем.

— Ты что, мы же разобьемся! Сумасшедший!

Не доезжая нескольких метров друг до друга, машины почти одновременно тормозят.

— Ну, у тебя и выдержка! — говорит Льюис.

— Это у него нервы ни к черту, — не соглашается Мэрфи.

Небольшая комната. Полумрак. Льюис опускает с кровати ноги и, немного волнуясь, говорит:

— Мне бы очень не хотелось, чтобы то, что произошло сейчас, было просто случайностью.

— Я тоже не хочу этого.

— И даже если ничего больше не повторится, мы будем вспоминать об этой встрече всю оставшуюся жизнь, правда?

— Да.

— Нет, ты скажи мне серьезно.

— А я и говорю тебе серьезно.

— Поклянись.

— В чем?

— Что ты никогда не забудешь эту ночь.

— Клянусь.

— Нет, не так.

— А как?

— Повторяй за мной: я клянусь…

— Я клянусь…

— …что никогда не забуду эту ночь.

— …что никогда не забуду эту ночь. Она прижимается щекой к его груди.

— Вот теперь точно не забудешь.

Все это время Ника, не отрываясь, смотрела на Мэрфи и Льюис. Ее маленькое сердце разрывалось от жалости и боли, слезы текли по детскому личику.

— Пошли, малышка, — Берта потянула Нику за руку. — У нас слишком мало времени.

— Ника, поторапливайся, — позвал Марено.

— Я тебя очень прошу, пошли с нами, пожалуйста, — девочка с надеждой посмотрела на Мэрфи.

— Девочка, ты сошла с ума! — в гневе закричал Марено. — Он же из полиции, он за них!

— Нет, Марено, — спокойно возразила Берта. — Теперь этот парень на нашей стороне.

Берта поняла, что все происшедшее, смерть Льюис перевернула душу Мэрфи. Сейчас она не видела в нем машину, ей было по-человечески жаль его.

— Ну, что ты делаешь, Берта? — поддержал Марено Томас. — С каких это пор принимать решения будет ребенок, несмышленая

девочка?

— Ну, положим, у нас есть более несмышленые. А Ника… Ника права, — тихо сказала Берта, гладя Нику по плечу.

— О Господи! Да ты только посмотри на него! — не унимался Марено. — Он же от первого до последнего винтика принадлежит полиции!

Послышался глухой удар в дверь. Полисмены начали вышибать ее. Несколько выстрелов в замок или в петли, а потом дружный нажим — и все, дверь не выдержит, и тогда люди с оружием войдут сюда.

— Пойдем, пойдем отсюда! — закричал Сильвестр Максвелл. — У нас нет времени ссориться.

— Он прав, — сказал Мэрфи. — Мы все должны уйти.

Дверь трещала под непрерывными ударами. Через несколько минут она распахнулась, в храм ввалились полисмены с автоматами в руках. Впереди был Магдэгар. Он трясся от гнева:

— Обыскать каждый сантиметр! Выполняйте немедленно! — заорал он.

Он еще раз обвел глазами весь храм — нигде ни души.

— Черт! — такого провала он не ожидал. Оставалось ждать результатов обыска.

К нему подошел офицер с датчиком, на котором сигналила красная лампочка.

— Мы зарегистрировали, он передвигается. Датчик хорошо его ощущает, — сказал он и протянул Магдэ-гару аппарат. Тот взял его в руки, не веря глазам.

— Не может быть, не может быть… — прошептал он, глядя на датчик. И вдруг догадка осенила его. — Подземный ход! Это подземный ход! Ищите подвал!

* * *

Солдаты обнаружили в здании храма колодец. Видимо, через него и скрылись повстанцы.

Магдэгар подошел к отверстию, встал на колени и направил вниз луч мощного фонаря. Внизу не было видно ничего подозрительного, но Магдэгар не очень-то этому верил. Он подозвал к себе офицера:

— Возьмите с собой группу людей и спускайтесь вниз, — приказал он.

Без малейших колебаний пятеро здоровенных полисменов с фонарями исчезли в черной глубине.

Магдэгар терпеливо ждал.

Прошло несколько минут. Наконец, из колодца выбрался один из полисменов и доложил, что повстанцы скрылись именно через этот ход.

— Показывай дорогу! — закричал Магдэгар и полез вслед за полисменом.

От колодца шел туннель, вырытый совсем недавно. Крепежными стойками ему служили ящики, взятые на складе. Двигаться было неудобно — проход был слишком узкий и низкий, на голову все время сыпалась свежая земля.

Туннель переходил в канализационный отсек. В некоторых местах пол резко уходил вниз и был покрыт водой с тошнотворным запахом. В неярком свете вода казалась черной и маслянистой.

Магдэгар вдруг обнаружил, что все вокруг буквально кишит серыми тварями. Он никогда не видел таких огромных, жирных крыс. Некоторые из них падали в воду и пронзительно визжали, барахтаясь там и пытаясь выбраться.

Магдэгар почувствовал приступ тошноты.

— Дальше идти нельзя, мы застрянем, — сказал офицер.

— А между тем, это единственный путь, по которому прошли террористы! Продолжайте преследование, — приказал Магдэгар, а сам с группой офицеров повернул назад.

* * *

Путешествие по подземной галерее было не из легких. Каждый из мужчин нес тяжелые боеприпасы, включив все свои осветительные приборы. Мэрфи старался идти медленно, чтобы его новые друзья не отставали.

Ника, прерывисто дыша, шла с ним в ногу. Он то и дело останавливался, чтобы помочь ребенку пройти наиболее трудные участки.

— Нужно торопиться, — подгоняла всех Берта. — Да, путь не из легких, но не пройдет и получаса, как они устремятся по нашим следам. Мы должны успеть на базу, так что веселее, веселее, ребята!

Берта быстро прошла вперед.

За четверть часа они преодолели довольно приличное расстояние и вышли на небольшую площадку. В этом месте галерея раздваивалась.

— Нужно пройти налево еще метров двести, — сказала Берта. Все поспешили за ней.

Вдруг Мэрфи замедлил ходьбу. Споткнувшись, он

прислонился к стене. Все его тело задергалось. Он попытался заговорить, но раздалось какое-то дребезжание. Снова запищал сигнал тревоги. На экране загорелось: «Тревога!!! Повреждение систем. Эффективность работоспособности — 25 процентов».

— Слушай, что с тобой? — с тревогой спросила Ника. В ответ Мэрфи рухнул на землю.

— Эй, помогите, помогите! — закричала Ника. Все подбежали к Мэрфи и попытались поднять его.

— Черт! — раздраженно выругался Томас Брэд. — Не хватало еще эту железяку тащить на себе!

Но тащить далеко не пришлось.

Берта подошла к решетчатым дверям в стене и постучала. Послышался скрежет отодвигаемого засова. Дверь открылась, показался человек лет пятидесяти.

— Извини, Кунц! Пришлось немного задержаться. Мужчины, напрягаясь изо всех сил, втащили Мэрфи. Его усадили на широкий стул возле колонны.

Помещение, куда пришли повстанцы, было огромных размеров. Яркий электрический свет заливал груды оружия и боеприпасов, сложенные возле высоких колонн.

— Он плохо выглядит, — сказала Берта, внимательно посмотрев на Мэрфи.

— Я думаю, ты бы выглядела не лучше, если бы у тебя на груди разорвалась граната, — пошутил Маре-но.

— Следят… — с трудом проскрежетал Мэрфи, вздрогнув при этом.

— О чем это он? — спросил Марено.

Сильвестр Максвелл вытащил из кармана датчик, улавливающий инфракрасное излучение человека.

— Датчик, датчик! Они регистрируют местоположение датчика и поэтому висят у нас на хвосте!

Ника подошла к Мэрфи, неподвижно сидевшему на стуле, ловко сдвинула щиток на его левой ноге и вынула оттуда маленькую пластинку. На ней мигали две зеленые лампочки. Эта пластинка и посылала сигналы.

Марено бросился к ящикам с боеприпасами и вернулся оттуда с висевшей на боку сумкой с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, держа его как можно дальше от себя. Кунц отшатнулся от него.

— Бомба на предохранителе и взорваться не может, не валяй дурака, Кунц! — расхохотался Марено. — Мне почему-то очень хочется куда-нибудь ее присобачить!

Он взял у Ники пластинку, вышел во коридор и пошел в обратную сторону, к площадке. Там он оттащил в сторону

тяжелый брезент, лежащий на полу, и увидел в бетоне крышку люка. Он с трудом открыл ее и бросил пластинку в воду.

Что-то ворча себе под нос, он приварил металлические фланцы бомбы к крышке канализационного люка. Проверил, плотно ли держится цилиндр, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок — взрыватель был взведен.

Удовлетворенно потирая руки, Марено поспешил удалиться. Там, позади, он уже услышал шум приближающихся полисменов, в темноте слабо замерцали огоньки их фонарей.

— Ты что, поставил ловушку нашим друзьям из фирмы «Оу-Си-Пи»? — спросила Берта, когда он вернулся к ним.

— Что ж, возможно, — загадочно улыбнулся он. Через несколько минут раздался оглушительный взрыв.

Ника заткнула уши. План Марено удался.

— Ребята, возьмите же себя в руки, — сказал Марено, глядя на взволнованные лица друзей.

— На этот раз они подобрались уж слишком близко, — медленно начал Кунц.

Все посмотрели на него.

Кунц швырнул в сторону винтовку и вдруг закричал визгливым голосом:

— Ничего не получится! Здесь ничего не работает! Марено подошел к нему и схватил за плечи:

— Слушай, ты можешь помолчать? — сказал он сквозь зубы. — Если нервничаешь, сделай глубокий вдох и медленный выдох. Понял?

— Кунц, — успокоительно заговорила Берта. — Мы должны держаться вместе. Район Кадиллак-Хайц небольшой, но это наш дом, это все, что у нас есть. И если ты думаешь, что наш дом не достоин того, чтобы его защищали, то что ж, уходи, никто тебя держать не будет.

Берта включила радиостанцию:

— Говорит Берта, говорит Берта. Ответьте базе.

Мэрфи сидел молча. Наверное, была задета какая-то микросхема — он сильно дергал головой.

Ника сидела возле него на корточках и гладила по руке.

* * *

Доктор Лазарес, одетая в светло-серый спортивный костюм, сидела дома и читала. От этого занятия ее оторвал звонок видеотелефона. Она нажала кнопку и перевела взгляд на

вспыхнувший экран. Мэри увидела лицо Флата.

— Что-то случилось? — спокойно спросила она. Флат издевательски заухмылялся:

— Молодец, девочка, отличная работа! — сказал он, явно издеваясь.

— О чем вы?

— Ты еще не знаешь? Включай быстрее телевизор — не пропусти новости!

Мэри щелкнула кнопкой дистанционного управления. Передавали вечерние новости. На экране она увидела лицо Пола Магдэгара, окруженного корреспондентами, наперебой задававшими ему вопросы.

— Вы можете объяснить нам, что происходит? — услышала она вопрос.

— Я могу сказать только одно — произошла страшная трагедия, — начал свое интервью Магдэгар. — Трудно поверить, что робот обратил свои действия против гражданских лиц…

Он исчез. На экране появилось лицо диктора, который начал размеренно читать:

— Только что были получены неприятные сведения, и мы хоти предупредить всех граждан: кто увидит небезызвестного вам робота, опасайтесь его действий.

— Господи, ну что за чепуха, — Мэри махнула рукой и выключила телевизор.

— А теперь слушай меня, умница, — продолжил Флат. — Если завтра утром, даже не утром, а к семи утра, ты не подготовишь список необходимых действий, как можно разобраться с этим делом с наименьшими потерями, то тогда, может быть… может быть, наша фирма не выдвинет против тебя обвинения в суде…

Флат повесил трубку.

Мэри облегченно вздохнула. Ей было неприятно видеть его самодовольное лицо даже на маленьком экране, не говоря уже о почти ежедневных встречах в лаборатории.

«Господи, а ведь он мне когда-то нравился, — в который раз ужасалась сама себе Мэри. — Но ведь он тогда казался совсем другим. Никогда не орал на подчиненных. Был вежлив и улыбчив. Наверное, это была обыкновенная маска, за которой скрывалось лицо хищника. И ведь уже тогда карьера для него была превыше всего.

Черт, а он, кажется, до сих пор не может мне простить того, что я отказалась стать его женой. Зато я об этом нисколько не жалею»

Мэри захлопнула книгу. Читать больше совершенно не

хотелось.

Она подумала о роботе-полицейском. Мэри давно догадывалась, что в мозгу Мэрфи сохранилась память о его прошлой, человеческой жизни. Это подтверждали и ее лабораторные исследования.

Когда она включала воспроизведение его памяти, то на экране вместе с четким изображением событий, зафиксированных Мэрфи, неожиданно появлялись какие-то неясные, словно в тумане, очертания домов, деревьев, машин. Все время появлялись какие-то люди, но распознать их лица было очень трудно.

Очевидно, для более качественного изображения необходимо было что-то изменить в микросхемах, которые обеспечивали воспроизведение памяти, но что именно надо было изменить, Мэри без помощи инженеров разобрать не могла.

Сообщать же кому-либо о своем открытии доктор Лазарес пока не хотела.

Но она все больше убеждалась в другом: мозг робота-полицейского непонятно каким образом не только функционировал согласно заложенным в него программам, но и вырабатывал какие-то чисто человеческие качества.

И потом, откуда эта странная привязанность Мэрфи к Льюис? Ведь в полицейском участке работают сотни человек, из них, если на то пошло, немало женщин, но почему-то он выбрал именно Льюис, с которой, говорят у него что-то было до ТОГО.

И ведь Льюис к нему тоже очень привязана. Почему? Она же не знает, кем был Мэрфи раньше, не должна знать, потому что ЭТО держится в строжайшем секрете.

Опять зазвонил телефон. Но Мэри не хотела никого ни видеть, ни слышать. Тем более, если вдруг что-нибудь опять понадобилось Флату.

Пусть думают, что ее нет дома.

Мэри спрятала лицо в ладони. Надо было решать, какой отчет предоставить завтра Флату. Она бы давно оставила работу в этом учреждении, ей был ненавистен Флат, ей была ненавистна вся эта фирма «Оу-Си-Пи», которой управляли одни мерзавцы.

Единственный, кто ее удерживал здесь — это Мэрфи. Он был для нее, словно брат, мужественный и в то же время совершенно беспомощный.

И ей было очень жалко его.

Время было за полночь. Неумолимо приближалось утро.

Мэри сидела в кресле. Она совершенно не знала, какой отчет предоставить сегодня утром Флату.

* * *

Рано утром инспектору полиции Джонсону и шефу службы безопасности Флату была назначена аудиенция у президента компании «Оу-Си-Пи» Блэка.

Подъезжая к зданию корпорации, они увидели большую толпу возле парадного входа. Заметно было, что люди чем-то очень взволнованы.

Оказывается, один из сотрудников фирмы, которому грозило увольнение, выбросился из окна. И это не первый случай за последнее время.

На здание кто-то повесил плакат: «Фирма "Оу-Си-Пи" — сборище грязных мерзавцев и сволочей!»

Полисмены в серой форме пытались разогнать толпу, но люди сопротивлялись, шумели.

— Увольнения идут вовсю, — сказал Джонсон, когда они поднимались в лифте.

— Да, — поддержал Флат. — Ходят слухи, что компания скоро обанкротится.

— И на бирже паника, наши акции резко упали, — сообщил Джонсон.

— Ну и ну… — удивленно протянул Флат.

Они вышли из лифта. Мимо, задев их обоих, прошел какой-то странный человек высокого роста. Лицо у него было крупным и грубым, широкий нос и плоские скулы отталкивали своим уродством, однако не внушали страха. Тело было массивным, и даже одежда не могла скрыть той физической силы, которую оно излучало.

Джонсон и Флат, переглянувшись, пожали плечами.

Джонсон продолжил:

— Да нет, мы не можем проиграть. С такой компанией, как Конамицу, мы всесильны и непобедимы.

— Выживание, вот о чем нам нужно сегодня думать, — Флат не торопился разделять иллюзии Джонсона.

— Ну, не может быть, что бы все было так уж плохо, — похоже, Джонсон сам старался убедить себя в том, что говорит.

В коридорах компании царила суета. По кабинетам туда-сюда бегали служащие, живо обсуждая события последних дней.

Флат остановился и посмотрел на Джонсона:

— Честно говоря, я для себя уже припас пулю на всякий случай.

Джонсон ничего не ответил. Он постучал в кабинет Блэка и, не дожидаясь ответа, открыл ее.

— Вот что я тебе скажу, Джонсон, — не унимался Флат. — Идет война, но это наша война. Какого хрена компании Конамицу лезть в это дерьмо?

Блэк, сидевший за столом и разговаривавший в это время с человеком, который нервно курил возле окна, резко повернулся и сделал знак вошедшим замолчать.

— Отома-сан, — обратился он к верзиле-японцу, стоящему возле окна. — Мы уже получили ордер на арест Робокопа. Мы его уничтожим. У нас еще есть возможность найти его и разобраться с ним. Да, это не так уж просто, но возможно.

Не говоря ни слова, Отома-сан докурил сигарету, поклонился Блэку и направился к выходу. У двери он снова задел плечом Флата, да так, что тот пошатнулся.

Лицо Блэка стало злым. Он повернулся к вошедшим и поманил пальцем.

— Флат, на пару слов, сынок.

— Простите, сэр, что мы так ворвались, — залебезил Джонсон, переминаясь с ноги на ногу.

— К вашим услугам. Чем могу помочь как шеф службы безопасности? — проговорил Флат.

Глаза Блэка налились кровью:

— Шеф? Службы безопасности? — взревел он. — Ты уволен. А на прощание можешь поцеловать меня в задницу, чтобы подсластить расставание.

Флат побледнел. Его едва держали ноги, настолько было неожиданным услышанное.

— Оглох, что ли? — все больше распалялся Блэк. — Ты уволен к чертовой матери!

Флат медленно повернулся и на ватных ногах пошел к выходу.

Краем глаза Джонсон заметил, как рука его медленно полезла в карман, туда, где обычно носят пистолеты.

— И скажи спасибо, что под суд тебя, мерзавца, не отдал! — крикнул вдогонку Блэк.

Джонсон, похолодевший от страха в ожидании приговора, стоял перед Блэком навытяжку.

Блэк, казалось, не замечал его. Он метался по кабинету с багровым лицом и вздувшимися на лбу венами.

— Три дня осталось… Всего три дня, а потом все полетит к чертовой матери, если мы не решим это вопрос.

— Простите, сэр, — робко начал Джонсон. — А как насчет того, чтобы привлечь еще немного людей в э-э… службу реабилитации?

Он говорил медленно, с паузами, сбиваясь, однако его слова возымели успех.

Блэк заинтересовался предложением.

— Нам ни к чему брать наемников, — продолжал Джонсон, —

нам ни к чему брать наемников, мы лучше обратимся в полицию и будем платить им дополнительные деньги. К тому же, они уже имеют опыт работы.

Лицо Блэка расплылось в улыбке:

— Что ж, неплохо… Ты не плохой парень, Джонсон, голова у тебя варит, особенно когда чувствует, что ей недолго оставаться на прежнем месте, — Блэк похлопал его по плечу. — Я уверен, что ты вполне отрабатываешь свои деньги на должности инспектора полиции.

В этот момент за дверью раздался пистолетный выстрел.

Джонсон вздрогнул так, будто это в него попала пуля. Он знал, что это означает. Флат…

Блэк был безучастен.

* * *

Район Кадиллак-Хайц жил своей жизнью. Он превратился в район баррикад и укрепительных сооружений. База повстанцев усиленно охранялась. С каждым днем силы сопротивления росли. К повстанцам примкнули и жители соседних районов, поддерживающих справедливые требования соседей.

На базе каждый был занят своим делом. Ника целыми днями занималась компьютерными программами, пытаясь найти какой-то выход, чтобы хоть как-то помочь Робокопу, но пока тщетно.

Ника подошла к Мэрфи. Он, как парализованный, лежал на высоком столе, похожем на электронный стенд.

Над ним склонился Марено, который так же, как и Ника, ломал голову над тем, как помочь Мэрфи.

Но разобраться в тех системах, которыми был начинен робот, ему было не под силу. Да, Марено мог сделать или починить многое, но только не робота.

Они с Никой грустно посмотрели друг на друга и пожали плечами.

Подошла Берта. С минуту она стояла молча, рассматривая внутренности грудной клетки Мэрфи.

— Вы сможете его починить? — в голосе ее чувствовалась просьба и надежда.

— Пойми, — нахмурившись, произнес Марено. — Это работа не для электриков. Я никогда раньше не ремонтировал роботов. Здесь нужен специалист, и только, ведь мозг его функционирует.

— У нас осталось три дня. И нам очень нужна его помощь. Кто знает, сможем ли мы без него продержаться.

Марено и сам понимал это не хуже Берты. Он стоял перед ней

с видом провинившегося школьника.

— Берта, прошу тебя, пойми, у меня нет ни схем, ни оборудования, чтобы помочь ему. Ты бы смогла сделать операцию человеку, будучи только санитаркой в больнице?

— Кто же может помочь? — спросила Берта. Экранчик на груди Мэрфи засветился:

— Лазарес. Найдите доктора Мэри Лазарес.

На поиски решили отправить Нику. Точнее, она сама настояла на том, чтобы отправили именно ее.

— Ведь мне это сделать проще, чем кому-либо из вас, не спорьте.

— Почему? — в один голос спорили Большой Сэм и Марено.

— Потому что вас наверняка не пропустят в лабораторию. Она же секретная!

— А ведь действительно!

— Но как же ты туда попадешь?

— Не волнуйтесь, придумаю что-нибудь, — загадочно улыбнулась Ника.

— Хорошо, — согласилась Берта. Марено, проводи девочку к выходу.

— Не надо, — запротестовала Ника. — Я сама знаю все выходы отсюда.

Она очень хотела быть полезной своим друзьям.

За эти несколько дней что-то перевернулось в ее душе, на многие вещи она стала смотреть по-другому, совсем не по-детски. Ее рассуждения ничем не уступали рассуждениям взрослого человека, а по находчивости она часто превосходила своих друзей.

Ника выбралась наружу и со всех ног бросилась бежать по городу.

Район Кадиллак-Хайц представлял собой убогое, ни с чем не сравнимое зрелище.

Многие дома были разрушены, и там вовсю орудовали бездомные. Такого количества добра, которым можно было поживиться, не представало перед их глазами еще никогда в жизни. Одежда, драгоценности, холодильники с едой… Такого они не могли представить себе даже во сне. Оставалось только жалеть, что все это нельзя вынести сразу.

Но не успевали они выйти с награбленным на улицу, как к ним тут же подскакивали полисмены, били их дубинками, выкручивали руки, сажали в полицейские фургоны и увозили в неизвестном направлении.

Ника бежала, не останавливаясь.

Вдруг она услышала, как прямо за спиной у нее затормозила

машина. Девочка вздрогнула, но продолжала бежать. Тогда машина обогнала ее и снова затормозила.

Нервы Ники были напряжены до предела. Девочке казалось, что ее сейчас схватят, как несколько дней назад схватили мать и отца.

— Эй! Подожди!

Из темно-коричневого «бьюика» показалась голова дядюшки Симона.

— Что за жизнь! — пробурчал он. — Все куда-то спешат, все куда-то бегут. Все стреляют. Однако, если нам по дороге, я могу тебя подбросить.

— А вы куда едете?

— В полицию, — недовольно сказал дядюшка Симон. Очевидно, эта поездка была ему в тягость.

— Значит, нам действительно по дороге! — обрадовалась Ника.

— Да? — удивился старик. — Ну, что ж, садись, если тебе тоже…

Но лишь только «бьюик» тронулся с места, дядюшка Симон, казалось, тут же забыл о присутствии Ники и разговаривал с самим собой.

— Подумать только, они требуют! Они заставляют старого, больного человека, который еле переставляет ноги, у которого уже совершенно плохое зрение, они заставляют его переться к ним…

Однако совершенно плохое зрение не мешало дядюшке Симону мчаться по городу так стремительно, будто за ним мчалась банда головорезов или стадо бизонов.

— …переться к ним для дачи показаний. Я что, преступник какой-нибудь?! Или они решили, что им позволено все на свете?

— Вас что, тоже хотят арестовать? — удивленно спросила Ника.

— Меня? Арестовать? — дядюшка Симон искоса посмотрел на Нику. — Скорее у них уши на лбу вырастут, чем они меня арестуют. Я чист перед законом. Они вызывают меня из-за моей племянницы. Наверное, она опять что-нибудь натворила. У меня всю жизнь из-за нее одни неприятности. Кстати, ты не знаешь, где сейчас Берта и какие у нее проблемы с полицией?

— Нет, не знаю… — замялась Ника. — У нее все в порядке, не волнуйтесь.

— Конечно, «не волнуйтесь», «у нее все в порядке». Только у меня вот из-за нее не все в порядке.

— Вот увидите, все образуется.

— Да уж, образуется.

Машина резко затормозила у полицейского участка.

— Приехали, — сказал дядюшка Симон. — Только мне интересно знать, какие у тебя могут быть дела в полиции? Или тебя тоже вызывают?

— Нет, у меня другие проблемы. И мне вовсе не надо в полицию, — крикнула Ника уже издали и помахала дядюшке Симону рукой.

— У всех проблемы, все куда-то торопятся. Что за жизнь? — пробурчал старик.

Ника вошла в большое здание и хотела незаметно проскочить мимо полисмена, но тот вовремя заметил ее и поманил пальцем:

— Кажется, ты хотела мне что-то сказать?

— Да.

— Я слушаю.

— Мне нужна доктор Лазарес.

Сердце девочки от страха вырывалось из груди. Но она смотрела прямо в глаза темнокожему полисмену и старалась держаться совершенно спокойно.

— Зачем тебе доктор Лазарес?

— Обнаружен робот полицейский и срочно необходима ее помощь.

— Наконец-то, — вздохнул полисмен. — Эта чертова жестянка могла наделать кучу неприятностей. Беги вот по этому коридору, а в конце свернешь налево.

Ника облегченно вздохнула и, не теряя ни секунды, побежала в указанном направлении. Полисмен посмотрел ей вслед, сел в мягкое кожаное кресло и развернул газету.

* * *

Когда Ника вошла в лабораторию, там никого не было. У Ники глаза разбежались при виде роботов всех размеров, форм и расцветок, которых здесь было множество. А компьютеры, дисплеи!

Вдруг кто-то тронул ее за плечо.

— Эй, ну что такое? — услышала она чей-то звонкий голос.

— Я — друг Робокопа, — улыбнулась Ника, догадавшись, кто перед ней.

Девушка удивленно подняла брови и развела руками:

— Ну, здесь его нет, извини.

— Да, я знаю, что его здесь нет, — детские глазенки внимательно смотрели на Мэри. — Но вы мне верите?

— Ох, по правде говоря, я уже не знаю, кому верить, —

задумчиво сказала девушка.

— Знаете, а он просил вам передать, что очень благодарен за то, что вы не полностью стерли ему память…

— Что ж, очень мило с его стороны. Хоть я до сих пор не уверена, что поступила правильно, — лицо Мэри неожиданно сделалось грустным.

— Почему?

— Потому… потому что он никогда не сможет стать человеком. И ему, наверное, очень больно осознавать это. Хотя, кто знает, может, это как раз нам надо завидовать ему.

Ника молчала. Она никогда раньше не думала о том, что сейчас сказала Мэри. Робот был для нее обыкновенной говорящей игрушкой, которую, правда, она не променяла бы ни на что на свете. Теперь же ей сделалось очень жалко Мэрфи.

— Однако, мне показалось, ты пришла ко мне не только для того, чтобы передать эту благодарность от Мэрфи?

— Знаете, ему очень нужна ваша помощь.

— Помощь?

— Да. Он уже почти не может говорить. Он не может двигаться.

— Но где он находится? О нем здесь говорят страшные вещи. Будто он стреляет в гражданских!

— Это неправда! — крикнула Ника. — Вы никому не верьте. Он ни в кого не стреляет.

— Но я и не верю. Мэрфи, никогда не станет стрелять в безоружных людей. Я его очень хорошо знаю. Однако ты не сказала мне, где он.

— Он в храме. В подземелье.

— В подземелье?

— Да.

— И мне надо идти туда? — на лице Мэри появилась растерянность.

— Да. Только вы можете ему помочь. Он в подземелье вместе с повстанцами.

— Но как он там оказался? Почему? Ведь в него заложена четкая программа, которую он не может нарушить. Неужели… Нет, этого не может быть…

— Когда полисмены начали стрелять в нас…

— Стрелять? Полисмены? — Мэри широко раскрыла глаза. — Ты ничего не перепутала?

— Нет. Это была реабилитационная служба во главе с каким-то Магдэгаром.

— Боже мой… — тихо произнесла Мэри и опустилась в низкое жесткое кресло.

— Когда они начали стрелять, — продолжила Ника, — мы спрятались в храме. И тут появились Мэрфи и женщина-полицейский.

— Это Льюис. Они всегда работают вместе, — задумчиво сказала Мэри.

— Да, ее звали Льюис. Так ее называл Мэрфи. Когда они зашли к нам, с улицы в мегафон закричали, чтобы все покинули храм. Мэрфи и Льюис вышли. Мэрфи сказал полисменам, что в храме одни гражданские. А Льюис добавила, что мы просто зашли сюда погреться. Тогда им приказали отойти в сторону, иначе против них применят силу. Но Мэрфи и Льюис остались стоять на месте. И тогда…

— Они начали стрелять? — вздрогнула Мэри.

— Да, они убили Льюис… — почти прошептала Ника.

Мэри закрыла лицо руками.

Они неплохо знали друг друга, хоть это и нельзя было назвать дружбой. Просто Мэри нравилась веселая девушка, которая неизвестно почему связала свою жизнь с полицейской работой, да еще и в дежурной части. Мэри немного ревновала ее к Мэрфи, но эта ревность была не злой, даже какой-то радостной: она была счастлива, что у Мэрфи есть друг. К тому же она догадывалась, что для Льюис он нечто большее, чем просто робот-полицейский, без души и сердца.

И вот теперь… Какие же они страшные люди, все эти флаты, магдэгары.

— …и тогда Мэрфи пошел с нами. Но уже тогда эффективность его работоспособности была не более двадцати пяти процентов.

Казалось, Ника вот-вот заплачет.

— Нам надо торопиться, — быстро поднялась с кресла Мэри.

— Вы поможете ему, да? — обрадовалась Ника. — Правда?! Вы поможете?

— Конечно, девочка.

* * *

Темнокожий полицейский дочитал последнюю страницу газеты и сладко зевнул. Он бы не отказался сейчас вздремнуть часок-другой.

В это время в коридоре появились Мэри и Ника.

— Идете обезвреживать робота? — расплылся в улыбке полисмен. — Надеюсь, хотя бы вас он не тронет?

Мэри ничего не ответила и равнодушно прошла мимо.

* * *

Отома-сан быстрыми шагами направился к лестнице, чтобы подняться на этаж выше. На мгновение он остановился, перегнулся через перила, чутко прислушиваясь. Было тихо.

На площадке было окно, выходящее на крыши соседних зданий. Он открыл его и бросил взгляд на площадку. Затем, ухватившись за водосточную трубу, вылез наружу. Продолжая держаться за трубу, он встал на узкий карниз и захлопнул за собой окно.

Дождь поливал его, стоящего на скользком узком карнизе и проклинающего этот единственный путь, который приведет его в лагерь повстанцев, к Робоко-пу.

С ловкостью гимнаста, он, осторожно ступая, двинулся по карнизу и вскоре достиг следующей трубы, достаточно крепкой, чтобы выдержать его массивное тело.

Самым трудным было, когда он переходил с горизонтального карниза на вертикальную трубу: внезапно его рука сорвалась, и он повис над черной бездной.

Обхватив трубу коленями, он начал медленно спускаться. И только достигнув карниза, позволил сделать себе остановку.

Девятью метрами ниже под ним была плоская крыша. Он продолжил свой путь, и вскоре достиг ее. Отома-сан быстро добрался до края и спустился вниз по пожарной лестнице.

Осмотрев заставленный коробками и ящиками темный тупичок, который переулком соединялся с главной улицей, он бесшумно двинулся по нему.

В тридцати метрах, с левой стороны, находился вход в канализационные ходы. Отома-сан устремился туда: оттуда — прямой путь на базу повстанцев.

— Так-так-так! — услышал он чей-то голос. Отома-сан оглянулся. С оружием наготове его окружили три повстанца.

— Ты, наверное, один из ребят фирмы Конамицу? Да, впечатляешь… — сказал один из них, приближаясь к Отома-сану.

— Единственная неприятность в том, что хотя твой босс и владеет «Оу-Си-Пи», но мы… мы-то не принадлежим никому. Мы — сами по себе…

И тут Отома-сан выстрелил, а сам молниеносно отскочил в сторону.

Пуля попала говорившему в ногу, но он, падая, все же успел ухватить Отома-сана за пояс.

Японец изо всей силы ударил его кулаком по голове. Раздался страшный хруст проломленного черепа — повстанец был мертв. Отома-сан пинком отшвырнул его в сторону.

Снова грохнул выстрел.

Отома-сан чудом вывернулся, а пуля попала прямо между глаз второму повстанцу.

Оставшийся в живых видя, что, к его ужасу, он застрелил парня из своего отряда, пришел в ярость. Схватив обрубок металлической трубы, лежащий рядом, он молниеносным ударом выворотил японцу челюсть.

Обычный человек не выдержал бы такого удара, но Отома-сан схватил себя за лицо руками и ловко вправил челюсть на место.

Повстанец замер от неожиданности. Он понял, что перед ним — не человек. Он вновь поднял трубу над головой, но Отома-сан вырвал ее у него.

— Ты, наверное, хочешь знать, где находятся повстанцы? — закричал тот, сплюнув в сторону кибера.

— А вот поцелуй-ка лучше меня в задницу.

Отома-сан издал рычание, схватил последнего пальцами так, что превратил в подобие губки, из которой выжимают содержимое. Трещали кости, голова стала похожей на сдутый мяч. Отшвырнув обмякшее тело, Отома-сан ухмыльнулся. Осталось не так уж много — путь на базу восставших был открыт.

* * *

В лагере повстанцев царило мучительное ожидание

— прошло несколько часов, а Ника еще не вернулась. Тишину прервал едва слышный голос Мэрфи:

— Внимание, приближается автомобиль.

В эту же минуту в подвал вбежал постовой и доложил, что по улице, ведущей в лагерь, движется полицейская машина.

— Ребята, всем за оружие! Кажется, нам придется немножко напрячься! — крикнула Берта.

Все бросились на улицу.

Берта, Марено и Большой Сэм медленно пошли навстречу машине. Остальные засели на балконах, крышах, готовые в любую минуту открыть огонь.

За несколько метров до них полицейская машина с красной мигалкой остановилась.

Стояла напряженная тишина.

Дверца отворилась. Из машины выскочила улыбающаяся Ника, за ней следом вышла доктор Лазарес.

Долгая тишина прервалась многочисленными вздохами облегчения и короткими радостными возгласами.

— Здравствуйте. Куда идти? — только и спросила доктор

Лазарес.

Берта, обняв Мэри за плечи, повела ее к Мэрфи.

— Как дела, приятель? — наклонилась над ним Мэри.

— Бывало и получше, — Мэрфи был верен себе.

— Доктор, что-нибудь можно сделать, насколько он поврежден? — спросил Марено.

— Эффективность работы систем — 23 процента, — то ли себе, то ли Марено сказала Мэри.

Стоявшая рядом Ника забеспокоилась. Девочка знала, что это нижняя отметка, граничащая с полным отсутствием действий, после нее — невозможность восстановления, как смерть для человека.

— Мэри, мы опоздали, да? Он погибнет? — с тревогой спросила Ника.

— Думаю, мы сможем помочь нашему другу, если возьмемся за дело немедленно, — ответила доктор.

Отодвинув поочередно оба щитка, защищавших грудную клетку Мэрфи, доктор Лазарес отключила атомный генератор и понизила напряжение.

— Ну что ж, начнем с калибровки пограничных систем, — Мэри принялась за дело.

Все внимательно следили за каждым ее движением, особенно Марено.

— Господа! Мне понадобится ваша помощь. Работы хватит всем, — обратилась она к стоящим вокруг.

На экране зажглась лампочка тревоги и появилась новая надпись:

«Внимание! Тревога! Эффективность работы систем — 12 процентов».

— Ну, Мэрфи, не беспокойся. Я здесь, и все будет в порядке, — сказала Мэри.

Доктор Лазарес без труда сняла водонепроницаемую оболочку, обтягивающую все его тело, и начала обнажать многочисленные энерговоды нейропровода. Нажав кнопку, она отключила организм от питания.

Мэрфи погрузился во мрак.

Ему показалось, что вокруг все журчит и булькает. Нечто струящееся как будто слегка подталкивает, обволакивает его. Он прилагает усилия, хочет открыть глаза, но снова видит что-то зеленовато-серое, прозрачное. Это его память. Он плывет в ней. Правда, тело движется очень лениво.

Ему становится очень жарко. Ощущение такое, будто он весь в поту. И неприятно. Очень, очень неприятно. Вдруг обжигает боль в груди. Дышится с трудом. И плечо… оно тоже невыносимо

болит.

Он видит лица, сменяющие друг друга: лицо незнакомой женщины и лицо Энн Льюис…

Вдруг вспыхивает яркий свет, над ним — доктор Лазарес. Манипулируя инструментами, она что-то сосредоточенно делает в его груди.

Лицо Берты…

— Я не знаю, подойдет ли, но вот то, что вы просили принести, — сказала Берта, протягивая Мэри кусочки материи.

Мэри взглянула:

— Нет, нет, это не подойдет.

Лицо Марено…

Он старается помочь доктору, но, видимо, сделал что-то не так, потому что из груди Мэрфи резкой струйкой брызнула какая-то жидкость.

Мэри сердится, он слышит ее голос:

— Ах, черт побери! Нельзя же так, парень! Не торопись, аккуратнее…

— Смотрите-ка, ошибка включения! — слышит он голос Ники.

Легкий щелчок — и снова перед глазами Мэрфи мрак. Ему совсем скверно.

— Надо выбраться, надо подняться на поверхность, надо вынырнуть…

Как будто это ему удалось. Вынырнул. Стало светлее, прозрачнее. Голова освободилась, не слышно бульканья и журчания. Наступила тишина.

Перед глазами потоки света. Не такого, как прежде, а более легкого, какая-то золотисто-белая пелена.

Снова лица. Он едва их различает.

— Смотрите, он опять включился! — похоже, эта девочка не отходит от него ни на шаг.

— Ах, черт, — досадует Мэри, но руки ее заняты, она не может отключить его.

И снова Марено:

— У тебя будет все в порядке, дружище! — кричит он. — Тут что-то загорелось… А, ошибочное включение систем, — он обращается к Мэри.

Марено потянулся отключить, но тут его так сильно ударило током, что обожгло пальцы.

— Марено, поосторожнее, — предупреждает Мэри. — Ведь там системы коммуникации.

— Да я откуда знал! — удивительно, но Марено даже не чертыхается, а только дует на обожженные пальцы и морщится от

боли.

— Ну да, действительно, откуда же ты знал, что лезешь туда, в чем не разбираешься, — смеется Мэри.

Свет исчезает.

И снова у него перед глазами вода, полумрак. Это уже не просто вода, а река. Где-то далеко, на противоположном берегу, чуть брезжит свет. Он должен добраться туда, только там его спасение. Свет — это надежда, там, где светло, там ему помогут.

Мэрфи вздрагивает: вокруг он видит растянутые злобными ухмылками лица убийц…

Их заслоняет лицо Энн Льюис. Она протягивает к нему руки и умоляет:

— Найди, их Мэрфи, разберись с ними…

Снова невыносимая боль в груди и в плече. И почему-то очень много крови! Она хлещет из груди, стекает за пояс… Он стягивает с себя полицейскую рубашку, рвет ее, перетягивает наискосок плечо и грудь, но кровь сочится и сочится сквозь повязку. Рана сквозная, на спине — дыра, он чувствует это по тому, что невозможно дышать, воздух с шумным хрипом проходит сквозь дыру, не попадая в легкие. Они стреляли ему прямо в грудь, подлые убийцы! Стреляли хладнокровно. Он помнит этих мерзавцев, он узнает их в любом обличий. Особенно главаря, светловолосого крепыша с широким черепом и жесткой улыбкой садиста.

Обрывки воспоминаний вертятся у него в голове без всякой логической связи. Он чувствует, что надо попытаться обуздать свои мысли, привести их в порядок.

Робокоп открывает глаза, поворачивает голову и осознает, что движения больше не причиняют ему боли. Что-то изменилось. Он уже не тот.

Мэрфи включает систему проверки:

«Список основных директив:

СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ,

ЗАЩИЩАТЬ НЕВИНОВНЫХ,

ОБЕСПЕЧИВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА».

И еще:

«Директива N4 отменена.

Системы работоспособности в порядке».

— Мэрфи, привет! — слышит он голос Мэри и выплывает из небытия. — Добро пожаловать домой, дружище, — улыбаясь, говорит она.

* * *

Операция длилась несколько часов. Несколько часов напряженной работы, переживаний… все валились с ног от усталости. Только когда все нормализовалось, позволили себе пойти отдохнуть.

Мэрфи остался один.

Ника долго ворочалась, но никак не могла заснуть — не давали покоя переживания прошедшего дня. Она тихонько приподнялась и погладила по волосам Мэри, спавшую рядом. Как она была ей благодарна за Мэрфи! Девочка потихоньку встала и пошла к Мэрфи.

— Я не могу заснуть, — пожаловалась она Робокопу. — А как чувствуешь себя ты?

— Эффективность работы систем — 93 процента, — ответил Мэрфи. — Все, что выше 90 процентов, считается нормой.

— А почему Мэри называла тебя Мэрфи? Это что, твое имя?

— Меня так звали раньше.

— Когда раньше?

— Я не могу тебе ответить точнее, но знаю, что именно так меня когда-то называли.

Ника села рядом.

— Ну, а теперь, когда тебе стало лучше, ты же останешься с нами, правда? — говорила она, глядя Мэрфи в глаза. — Знаешь, Берта говорила, что если мы продержимся еще два дня, то они от нас отвяжутся, оставят нас в покое, и тогда нам не надо будет прятаться и всего опасаться. — Ника вздохнула. — А я найду своих родителей…

— Твоих родителей? — спросил Мэрфи.

— Да. Их схватили полисмены, а меня спасла Берта и Большой Сэм.

Мэрфи, включив электронный мозг, мгновенно восстановил список возможных участников сопротивления, полученный в полицейском участке. И вздрогнул от полученной информации:

— Давид Хелоран — ликвидирован 15.8.

— Кенко Хелоран — ликвидирована 15.8.

— Что с тобой, Мэрфи? — удивилась Ники, увидев, как он дернулся.

— Родители… — произнес Мэрфи. — Ты скучаешь без них, девочка?

— Да, — грустно вздохнула она.

— Все будет хорошо. Ты помнишь их, значит, они никуда не исчезли, никуда не делись, они всегда будут с тобой, — сказал Робокоп.

Его слова подействовали на ребенка успокаивающе. Она положила голову к нему на колени и закрыла глаза.

— Мэрфи, я тебя очень люблю и рада, что ты с нами, — произнесла она сонным голосом.

Через минуту она спала.

Мэрфи поднял руку в черной кожаной перчатке и нежно погладил Нику по волосам. Он не помнил, когда ему в последний раз было так же хорошо, как сейчас…

К ним подошла Мэри:

— Я услышала голоса и…

Мэрфи знаком показал ей говорить потише, кивая на спящую малышку.

— Ты балуешь ее, Мэрфи, сейчас ей полагается лежать в постели, — сказала она шепотом.

— Пусть еще немножко побудет со мной, — попросил Мэрфи.

Мэри улыбнулась, но в горле у нее что-то перехватило — пожалуй, этот робот способен на человеческие чувства больше, чем некоторые люди.

— Да, конечно…

Утром Берта отдала приказание Томасу Брэду и Сильвестру Максвеллу привести помещение базы в боевую готовность. А сама с Большим Сэмом и Марено начала обсуждать план предстоящих операций, чтобы отразить напор противника. Она предполагала, что именно сегодня полисмены реабилитационной службы предпримут новую попытку захвата базы.

Доктор Лазарес внимательно прислушивалась ко всему, о чем они говорили.

— Ладно, Берта, — сказал Томас Брэд. — Мы все сделали, как ты велела. Но что делать вот с этой штукой?

Все повернулись в его сторону, рассматривая непонятный предмет, напоминающий крылья. Берта на минуту задумалась.

— Боже мой! — присмотревшись повнимательнее, воскликнула Мэри. — Откуда это у вас?

Она подбежала к тележке, где лежала эта непонятная штуковина, и начала разглядывать ее со всех сторон.

— А, ерунда, стащили из полицейского арсенала, — сказала Берта, раздумывая, что же делать с этим предметом.

— А что? — важно сказал Марено, решив блеснуть своими познаниями. — Это, если я не ошибаюсь, система уничтожения самолетов Ф-27.

— Нет, нет! — замахала руками Мэри. — Это опытный экземпляр летательного аппарата для роботов, но мы еще не успели испытать его.

— Ты уверена в этом? — спросил Марено.

— Отчего же мне не знать, если я сама разрабатывала это устройство, — сказала, улыбаясь, Мэри. Для нее это было

приятной неожиданностью — увидеть здесь свое детище.

Лицо Берты расплылось в улыбке. Недаром она тогда почувствовала, что эта штука может оказаться очень и очень полезной для них.

— Вот так да! Скажи, пожалуйста, — восхищенно произнес Большой Сэм, — какие люди у нас здесь собрались — самые настоящие ученые!

Мэри подошла к Мэрфи, склонилась и начала отвертывать гайки. Аккуратно разложив их на скамье, взяла длинную отвертку и принялась за работу. Ее искусные руки сновали в гуще проводов, проверяя контакты и реле.

— Осталось только подключить к главной оперативной системе управления и отладить, — сказала Мэри и принялась за знакомую работу.

Ника внимательно следила за ее движениями. А восхищенный Марено вообще ни на шаг не отходил от доктора, удивляясь, что женщина может быть таким классным инженером.

— Главный недостаток, — продолжала Мэри, — что эта система сжигает много энергии, поэтому необходима дозарядка либо в процессе действия, либо непосредственно после функционирования летательной системы.

Доктор посмотрела на маленький экран. Этот аппарат был подключен к электронному мозгу Робокопа, и экран фиксировал все мысли, которые были в голове Мэрфи.

Сейчас на экране было лицо умирающей Энн Льюис, которая протягивала вперед руки и о чем-то беззвучно шептала.

— Ника, дай-ка мне вон ту проволочку, — обратилась Мэри к девочке.

— Эту?

— Да, — Мэри быстро соединила какие-то контакты, и все услыхали:

— Найди их! Мэрфи, обещай, что найдешь, — прозвучало с экрана. И все увидели последние минуты жизни Льюис.

При этих словах Мэрфи встал, резким движением сбросил с плечей аппарат и, высоко подняв руки, направился к выходу. Все опешили, ничего не понимая. Только Мэри сразу же догадалась о его намерениях.

— Что происходит, а? — спросил Марено, разводя руками.

— Извините, — Мэрфи кивнул головой.

— Эй, парень, не перегрелся ли ты? Куда отправился? — удивленно крикнула Берта.

Мэрфи повернулся к ним:

— У меня есть задание. Мне нужно его выполнить. Я обещал это сделать.

Все переглянулись.

— Все в порядке, — поспешила Мэри успокоить новых друзей. — Он всегда выполняет все, что обещает. А потом возвращается…

* * *

Пожилой, коренастый, плотно сложенный мужчина с головой, лысой, как яблоко, безостановочно трещал, нападая на дежурного полицейского участка сержанта Рика за то, что у него угнали машину, угонщики скрылись, а полицейские занимаются чем угодно, только не отработкой денег налогоплательщиков.

Сержант Рик безуспешно пытался вставить в этот поток слов какое-то объяснение и казался очень смущенным.

— Ты меня насмешил! — верещал лысый. — Какой робот? Робот — пришелец? Робот — привидение? И ты всем так отвечаешь? Может, я попал не в полицейский участок, а на представление юмориста?

Дверь едва не слетела с петель от резкого удара. Мужчина обернулся и проглотил язык. На пороге стоял робот.

Полицейские разлетелись в разные стороны. Рик вскочил со своего места с выпученными от удивления глазами:

— Мэрфи?

— Добрый вечер, сержант Рик, — подошел к нему Мэрфи. — Я хотел бы с тобой поговорить.

— Ты знаешь, что выдан ордер на твой арест? — спросил сержант.

— Да.

— Ты извини, это я так, на всякий случай спросил, — замялся Рик.

— Пожалуйста, укажите мне, где находится штаб-квартира реабилитационной службы.

— А-а-а… — с облегчением выдохнул сержант. — Прямо по коридору, там лесенка есть, дверь одна-единственная, так что не промахнешься.

— Можете вызывать пожарную службу, — бросил на ходу Мэрфи, идя по направлению к лестнице.

Штаб-квартира полицейской реабилитационной службы хотя и находилась рядом с полицейским управлением, но жила своей собственной жизнью и действовала автономно. И жизнь здесь проистекала бурно. То и дело звонили телефоны, в трубки громко кричали дежурные, офицеры отдавали приказы, а подчиненные носились каждый по своему поручению.

Мэрфи открыл дверь.

В суматохе его вначале никто не заметил. Каждый был занят своим делом.

— Всем подразделениям быть готовыми к 22.00, — объявил дежурный диспетчер, получив радиограмму.

К нему наклонился молодой офицер и попросил прикурить:

— Хикс, дай-ка огоньку…

— Если ты, подонок, не против, я предлагаю свои услуги, — Мэрфи, направив на них огнемет, выстрелил.

Длинные языки пламени тут же охватили диспетчера и офицера, одежда на них загорелась.

Мэрфи, стоя неподвижно, водил стволом огнемета по комнате, сжигая все и всех, пока ничего не осталось.

Вдруг в комнату вскочил офицер в бронежилете, вооруженный гранатометом. Весь заряд он выпустил в Мэрфи.

Но Мэрфи ничуть не пострадал.

Зато рядом с офицером стоял ящик с надписью «Не курить!», куда Мэрфи направил пламя огнемета.

Офицер со всех ног бросился бежать.

Раздался оглушительный взрыв. Взрывной волной офицера отбросило метров на десять вперед.

Мэрфи подошел к нему.

Офицер, пошатываясь, встал на ноги и прислонился к стене.

— Где Магдэгар? — спросил Мэрфи.

— Здесь его нет.

-..?

— На конспиративной квартире.

— Где это?

Офицер вытащил из нагрудного кармана адрес Магдэгара.

Штаб-квартира реабилитационной службы пылала. Огромные языки пламени и клубы дыма вырывались из разбитых окон.

На улице уже выли сирены пожарных машин, которые на большой скорости съезжались к месту происшествия.

* * *

Кунц пробирался по лабиринту подземных ходов. Он решил оставить лагерь повстанцев незамеченным.

Развязка наступит скоро, и ему незачем при этом присутствовать…

Из лабиринта на улицу он выбрался в четверть десятого.

Кунц подошел к своей машине, оставленной на стоянке несколько дней назад, посмотрел вокруг, сел в нее и поехал по

Истерн-стрит вверх, пересекая одну авеню за другой.

Вначале он ехал мимо маленьких магазинов и лавчонок, потом мимо больших универмагов и дорогих магазинов, мимо квартала театров… подальше от района Кадиллак-Хайц.

Он наблюдал за мелькавшими лицами прохожих, спрашивая себя, неужели кто-то в этот момент испытывает такой же животный ужас, как он?

Наконец машина остановилась. Кунц вышел из нее и направился в кафе на углу. Войдя, он сел у стойки и заказал сэндвич и кофе.

Музыкальный автомат орал вовсю, заглушая голоса посетителей, кроме ближайших соседей по стойке:

— Знаешь, хочешь, верь, а хочешь нет, но играли мы так, что даже игральные кости загорелись…

— А мы были у Хансонов и так нажрались, что… ну, ты понимаешь. Моей старухе это здорово не понравилось, так что пришлось ее немного проучить, чтобы не скрипела над ухом…

Чужая болтовня немного успокоила его и даже способствовала появлению аппетита. Он заказал еще кофе, пирожки и жареную колбасу.

Здесь, на Истерн-стрит, он чувствовал себя в своей тарелке — в мире воров и проституток, альфонсов и прощелыг он был своим.

Кунц подошел к телефонному автомату и бросив туда никелевую монетку, набрал номер. Услыхав через несколько секунд озабоченный мужской голос, он, ни слова не говоря, повесил трубку.

Кунц вышел из кафе и быстрым шагом направился к своей машине. Это был длинный серебристо-серый «бьюик-ривьера». Ему невольно вспомнилось замечание лейтенанта Финча: «Слишком шикарная коляска для обыкновенного полицейского». Да, такие покупки можно оплатить, если только умеешь «играть в прятки», делая вид, что не видишь, как кто-то ловит рыбку в мутной воде и обделывает свои незаконные делишки. Но так устроен мир, и не ему менять заведенный порядок. Он всего-навсего воет вместе с волками, а это выгодно.

Кунц думал лишь о том, как бы составить приличный капитал. Деньги, которые ему платила компания «Оу-Си-Пи», переводились на счет в банк, и там у его уже собралась неплохая сумма. До сих пор сведения, которые он передавал, были весьма важными.

На юго-западе Детройта, где дома стояли в окружении высоких деревьев, Кунц остановился перед современным кирпичным зданием, которое своей формой напоминало корабль. Поставив машину на стоянку, он вошел в бар.

* * *

Полицейский Питер Джилмер уже несколько раз брал на крючок полицейского Кунца, но тот всякий раз скрывался и уходил от преследования.

У Питера были с ним свои счеты, свести которые он намеревался при первом же удобном случае. Питер уже несколько дней выслеживал его, догадываясь, где сейчас Кунц и с какой целью.

Питер не мог простить ему убийства Энн Льюис. Он знал, что Кунц приложил к этому руку, что все происшедшее случилось по его, Кунца, наводке.

Вот уже несколько дней Питер вертелся возле бара на Стэнхоут-плейс. В этом баре пела Эвис Крекстон, молодая особа, в которую был влюблен Кунц.

Подъезжая в очередной раз к бару, Питер заметил машину Кунца, стоявшую на стоянке, и направился туда.

Перед главным входом в бар в зеркальной витрине можно было полюбоваться фотографиями выступавших здесь «звезд».

Не только сам бар, но и стойка в огромном зале, имели форму корабля.

Попасть сюда мог каждый, кто был при деньгах. Завсегдатаи — гангстеры, рэкетеры, игроки, сутенеры — отнюдь не были украшением бара. Атмосфера здесь была постоянно накалена. В прокуренном, пропахшем виски зале в любой момент можно было нарваться на неприятности…

Случайные посетители сидели у стойки, за столиками, пили, ели, курили, слушали музыку, громко болтали, совершенно не догадываясь, куда они попали.

Певица Эвис Крекстон стояла в голубоватом свете прожектора рядом с роялем. На ней было тонкое ярко-красное платье.

Эвис была высокая, с довольно широкими плечами, узкими бедрами и длинными стройными ногами. Ее пышные волосы цвета красного дерева были старательно уложены в прическу. Большие зеленые глаза ярко блестели. Макияж был верхом совершенства.

Метрдотель, негр высокого роста и атлетического сложения, направился к Питеру и предупредил, что все места заняты.

Питер с улыбкой предъявил ему жетон полицейского.

Негр испытующе взглянул на него:

— Простите, вы кого-нибудь ищете?

— О, нет. Просто хочу посидеть, развлечься.

— Что ж, желаю приятно провести время.

Питер Джилмер прошел в зал, огляделся. Краем глаза заметив, что Кунц здесь, отыскал укромное место у стены, сел в кресло.

Его заметила Эвис. Она насторожилась.

В перерыве Эвис подсела к Кунцу и, наклонившись, что-то прошептала на ухо.

Кунц быстро оглянулся. Взгляд его обежал зал и уперся в полицейского.

— Да, это он, — тихо сказал Кунц. Эвис подозвала метрдотеля.

— Кто этот человек, что только что вошел?

— Коп. Он вас обидел?

— Нет, но он преследует моего друга… Если можно, я хотела бы поговорить с ним.

— Конечно, сестра. Но если вы с ним не поладите, мигни мне.

Эвис улыбнулась:

— Спасибо, генерал!

Метрдотель подошел к Питеру:

— Сэр, с вами хочет побеседовать дама.

Питер слегка опешил:

— Дама?.. Какая дама? — удивленно спросил он, оглядывая зал.

— Наша певица Эвис.

Питер, пропустив негра вперед, пошел следом. Рядом с Эвис они остановились.

— Садитесь! — сказала Эвис. В ее интонации было нечто среднее между капризом и приказом.

Питер сел. Несколько минут они разглядывали друг друга и молчали.

— Я хотела бы знать, почему вы не оставите его в покое? — спросила наконец Эвис сдавленным голосом.

— Кого? Я что-то не понимаю, о ком вы говорите, — мягко проговорил Питер.

— Еще как понимаете! — взорвалась Эвис. — Вы преследуете его, чтобы убить.

— Вы отдаете себе отчет, в том, что говорите? — Питер вскочил.

— Не притворяйтесь и не пытайтесь меня запугать! Я не беззащитный цыпленок! Оглянитесь. Если вы тронете одного из нас, вам отсюда живым не уйти. Этим людям все равно, кто вы такой. Им достаточно только одного моего слова, — она с

вызовом посмотрела на полицейского. — Надеюсь, у вас хватит ума, чтобы понять это.

— И что дальше?

— Дальше я повторюсь: почему вы преследуете его?

— Потому что не хочу допустить убийств, этого достаточно? — он посмотрел Эвис в глаза. — Вы его так горячо защищаете, но откуда вам известно, что его руки не залиты кровью? Вы разве так уж хорошо его знаете?

— Да, — твердо ответила она.

— И как долго длится ваше знакомство?

Поколебавшись, она ответила:

— Мы познакомились сразу после моего приезда в Детройт,

— Когда это было?

— Полгода назад.

Питер Джилмер усмехнулся:

— Ну, с тех пор прошла целая вечность!

— И все-таки я уверена в нем! — горячо заговорила Эвис. — Я ни за что не поверю, будто он может быть замешан в грязном деле.

Питер бросил быстрый взгляд туда, где еще недавно сидел Кунц. Он исчез. Питеру только и оставалось, как чертыхнуться, что его так ловко обвели вокруг пальца.

* * *

Питер не ошибся.

Кунц в это время поднимался в удобном бесшумном лифте на восьмой этаж, где жила его подруга Лорри

Винс. Одно время Кунц часто встречался с ней, были даже мысли о женитьбе, но встреча с Эвис заставила его забыть обо всем.

Достав из кармана ключ, Кунц открыл полированную входную дверь и оказался в прекрасно обставленной комнате.

Громадное окно во всю стену закрывали гардины розового цвета. На полу лежал ковер ручной работы. Мебели было немного, но она была изящная.

На широком диване лежала женщина в шикарном полупрозрачном пеньюаре цвета спелого абрикоса. Она смотрела телевизор. Эта была Лорри Винс.

Она лениво повернула голову:

— Что с тобой? Опять что-нибудь приключилось? — вместо приветствия спросила она.

— Отстань!

Она засмеялась:

— Ах, узнаю Кунца! Ты ни на минуту не можешь забыть о своих делах! И знаешь, ты сейчас похож на вагнеровского героя — ну, вылитый Зигфрид! Молчаливый, строгий, исполненный непередаваемого достоинства!

— Зато ты стала чересчур болтливой, — проворчал Кунц. — Лучше встань-ка, да принеси мне тот сверток, что я у тебя оставлял.

— А не поздновато ли сейчас? — спросила она. — Ты ведь говорил, что это просто вещественное доказательство, которое ты хочешь отнести в участок. Но в эти часы никого из начальства там уже нет… Одни дежурные.

Кунц тяжелым взглядом посмотрел на нее. В его глазах загорелись холодные огоньки:

— Лорри, ты ведь знаешь, что у меня часто ночные дежурства…

Лорри, почувствовав за спокойствием Кунца плохо скрытое бешенство, поспешно встала:

— Да, да, конечно, сейчас принесу, — быстро сказала она и скрылась за дверью.

Кунц вышел в прихожую и от нечего делать начал рассматривать путеводитель по городу, валявшийся на телефонном столике. Когда ожидание наскучило, он быстро прошел через гостиную и бесшумно открыл дверь спальни.

Лорри стояла на коленях между кроватью и секретером и что-то разглядывала, наклонив голову. Почувствовав взгляд, она быстро оглянулась и побледнела, увидев Кунца.

Взгляд Кунца остановился на пистолетах со свинченными глушителями, которые лежали на куске плотной бумаги, и нескольких гранатах. Тут же были различные карты, фальшивые документы и сверток с героином.

— Кунц грустно улыбнулся:

— Мне жаль, но ты оказалась слишком любопытной, — он начал медленно подходить к ней.

— Боже мой, значит, — прошептала она, — ты связан с убийством этих людей. Я могу верить или не верить, но вот доказательства: ты убивал, предавал их… Ты, ты…

— Не стоило утруждать себя и сверх всякой меры интересоваться чужими делами, — сказал он, приближаясь к Лорри. — В следующий раз будь поосторожнее, крошка, а сейчас мне очень жаль тебя…

Медленно протянув руку, он схватил ее за воротник пеньюара и притянул к себе.

Она не сопротивлялась. На это у нее не было ни сил, ни воли.

Лорри походила на кролика перед удавом.

Кунц методично бил женщину по лицу. Выражение его лица было спокойным. Казалось, он сам не понимает, что делает, загипнотизированный действом.

Наконец, собрав последние силы, Лорри взмолилась:

— Ты убьешь меня…

Он, очнувшись, отпустил ее и отошел в сторону. Лорри рухнула на пол.

Кунц взял сверток и посмотрел на Лорри, лежавшую на полу, с невеселой усмешкой:

— Я сожалею, но тебе не стоило делать этого, Лорри, это было неосторожно с твоей стороны.

Кунц вышел из квартиры, осторожно закрыл за собой дверь и медленно шагнул к лифту.

* * *

Питер Джилмер зашел в лифт, который поднял его на восьмой этаж, и отключил ток. Лифт стоял, но открыть дверь снаружи было невозможно.

Стоя в темной кабине, он наблюдал сквозь маленькой окошко за лестницей. Он прижимался лицом к стеклу, чтобы все время иметь в поле зрения дверь квартиры. Из нее никто не выходил.

Питер ждал, и ждать пришлось недолго.

Дверь открылась, из квартиры вышел мужчина со свертком в руке, осторожно закрывший за собой дверь.

Питер сразу узнал Кунца.

Кунц было направился к лифту, но передумал, остановился, достал из кармана пистолет с глушителем…

Он чувствовал себя так, будто его исхлестали плетьми. Одна мысль не давала покоя: он где-то ошибся, сделал неверный шаг, его погубила чрезмерная самоуверенность, а тут еще эта сучка Лорри…

Кунц с силой рванул на себя дверь, ведущую в коридор. В голове шумело так, что он даже не услышал шума открывающейся двери лифта.

Через некоторое время Кунц услышал за спиной шаги. Не оборачиваясь, он на цыпочках побежал по коридору. Пистолет он держал на уровне плеча, дулом вверх, как опытный стрелок, готовый выстрелить в любое мгновение.

Питер бежал следом.

Все повторялось, как в кошмарном сне: коридоры, лестницы, снова коридоры…

Бежать, бежать все быстрее и быстрее, только бы избавиться от преследователя!..

На одной из лестничных площадок Кунц остановился и перегнулся через перила. В ту же секунду он увидел Питера. Лицо полицейского показалось ему огромным. Кунц успел заметить еще, как Питер поднял руку и прицелился.

В тот же миг Кунц бросился бежать. Он бежал наперегонки со смертью, а смерть в образе Питера Джилмера уже почти дышала ему в спину.

Добежав до пятого этажа, Кунц сделал обманное движение, и Джилмеру показалось, что противник скрылся в коридоре.

А Кунц, сняв туфли, в одних носках, мягко, по-кошачьи, несся в это время, перепрыгивая через ступеньки на спасительный третий этаж. Только бы успеть — и он будет спасен, время работает на него!

Вот, наконец, коридор, вот и лестничная площадка перед дверью его номера.

Кунц торопливо достал из кармана связку ключей. Он больше всего боялся теперь, что не успеет вовремя открыть все замки — каждую секунду здесь мог появиться Питер. Но вот щелкнул последний замок, дверь открылась.

Он влетел в прихожую, захлопнул дверь, налег на нее всем телом и принялся лихорадочно щелкать замками, одновременно настороженно прислушиваясь, не загремят ли сейчас шаги перед его номером.

Он присел на корточки. Ноги не держали его. Голова была тяжелой, словно ведро с мокрым песком.

— Ах, черт, — захрипел Кунц. Голос, казалось, доносился откуда-то из-за стены. Он никак не мог взять себя в руки, его трясло.

Он закрыл глаза, чувствуя, что никогда еще так близко не был к помешательству…

Поняв, что проиграл, Питер сунул пистолет в карман и стал медленно спускаться по лестнице. Он чувствовал себя обманутым и опустошенным.

Он вышел на улицу, немного постоял, прислушиваясь и не зная, что надеется услышать. Но было тихо. Питер подошел к стоянке, сел в машину и уехал.

* * *

На первом этаже огромного отеля находился ночной клуб. Это было прибежище гомосексуалистов, где смазливые блондины

встречались со своими друзьями или занимались поисками новых.

Изредка здесь можно было послушать игру органиста, играющего в стиле Жан-Мишель Жарра.

Женщины сюда почти никогда не заходили, а если и появлялись, то только лесбиянки.

Кунц, окинув взглядом это заведение, быстро прошел к лифту и поднялся на третий этаж.

Выйдя из лифта, постоял, прислушиваясь. Потом бесшумно пошел по длинному коридору и остановился у двери комнаты N112. Снова настороженно прислушался и огляделся.

Дверь номера напротив была приоткрыта. Кунц на цыпочках подошел к ней, приоткрыл пошире и заглянул внутрь.

В комнате царил ужасный беспорядок.

От двери, через маленькую прихожую, до самой кровати валялись различные предметы женского туалета: черное шелковое белье, вечернее платье, чулки. Перед дверью лежали черные замшевые туфли.

Возле кровати — открытый чемодан из свиной кожи, из которого беспорядочным ворохом выглядывало разноцветное женское белье.

Со стула свисал прозрачный голубой халатик с короткими рукавами.

На кровати лежала обнаженная женщина. Глаза были закрыты, из полуоткрытого рта вырывалось шумное дыхание пьяного человека. Ее упругие груди с коричневыми сосками соблазнительно торчали вверх.

Кунц прикрыл дверь и вернулся к номеру 112.

Магдэгар при звуке открывающейся двери рывком схватил пистолет, лежащий на столе, но увидев своего агента, опустил руку и сел.

— А, это ты… — Магдэгар затянулся, выпустил с шумом дым и облизнул пересохшие губы.

Лицо у него было красное и злое, волосы растрепанные, а вся его одежда измята.

— Я так понимаю, вы согласны заплатить хорошие деньги тому, кто знает и укажет, где находится робот, — заявил Кунц, переходя к делу и стараясь не вдыхать глубоко затхлый запах комнаты.

— Что ж, я не против. — сказал Магдэгар, кивая головой и щуря воспаленные глаза. — Деньги действительно будут хорошие, если информация, которую ты, как я полагаю, принес, подходящая.

Он медленно выдвинул ящик стола, достал оттуда пачку

стодолларовых ассигнаций. Положил на край стола, достал еще одну, точно такую же, потом, по одной, еще три. Старательно сложил их в ряд. Задвинул ящик и внимательно посмотрел на Кунца, не говоря ни слова.

— Что ж, неплохо, особенно если учесть, что последний раз именно моя информация помогла кому-то вовремя спасти задницу, — хмыкнул Кунц.

По коридору прозвучали шаги.

Магдэгар встал, подошел к двери, закрыл ее на ключ и повернулся к Кунцу:

— Я жду.

Они принялись обсуждать какой-то план.

Внизу хлопнула парадная дверь. Натужно затрещали ступеньки. Голосов никаких не было. Усилился только шум приближающихся шагов. Но этот стук, казалось, был металлическим — им показалось, что задрожало здание. Оба содрогнулись, понимая, что игра в «кошки-мышки» подходит к концу.

С пистолетом в руке, уже не таясь, Кунц выскочил в коридор, потом на лестницу, на секунду остановился, пытаясь определить, откуда исходит шум, и стремглав, обливаясь потом, помчался наверх.

Стук и шум исходили снизу.

Встревоженный бегством Кунца и приближающейся опасностью, Магдэгар весь напрягся. Вскочив с кресла, как кошка, держа оружие наготове, он прислушался.

Но звуки прекратились так же внезапно, как и возникли. Наступила такая тишина, что Магдэгар услыхал тиканье часов на своей руке. Он еще немного подождал, прислушиваясь и надеясь, что, в конце концов, это какая-то случайность. Тяжело переводя дыхание, Магдэгар провел ладонью по вспотевшему, напрягшемуся лицу.

Вдруг тяжелый грохот возобновился.

Магдэгар подошел к балконной двери и выглянул на залитую солнцем улицу, надеясь, что это обычный шум какого-то разгружаемого груза, но под окнами никого не было.

Нет, металлический, равномерный и тяжелый звук шел явно изнутри.

Неужели это ЕГО шаги?!

Магдэгар потихоньку подошел к двери и приоткрыл ее.

По коридору шел мальчик лет семи.

— Эй, малыш! — позвал его Магдэгар. Мальчик остановился.

— Поди-ка сюда, смотри, хочешь такую игрушку? — он показал ребенку пистолет.

Глаза у мальчика загорелись:

— Да, сэр, хочу.

— Тогда иди сюда! Мальчик вошел в комнату.

Магдэгар, обливаясь потом, быстро втолкнул его на середину комнаты и запер дверь на ключ.

* * *

Мэрфи приближался к отелю. Его шаги гулко стучали по тротуару.

Возле отеля, испуганно прижимаясь к стене, стояла молоденькая худенькая девушка с копной рыжих волос, перевязанных белой ленточкой, и большими голубыми глазами. Сейчас они были полны слез.

К ней приставали, не давая пройти, двое здоровых молодых полисменов, только что вышедших из бара и наполненных алкогольным весельем и игривостью.

— Сэл, смотри, какая крошка нас встречает, — протяжно сказал один из них и обнял девушку за талию.

Та отбросила его руку.

— В чем дело, — спросил другой, давясь от смеха и выдыхая винный перегар. — Разве ты не знаешь, что твой гражданский долг помогать полиции не только работать, но и отдыхать? Или ты не любишь ребят в форме?

— Ребята, прошу вас, отпустите меня, я тороплюсь домой, у отца сердечный приступ после того, как его уволили из компании «Оу-Си-Пи»…

— О, тем более соглашайся, крошка! Денег у вас нет, а мы хорошо заплатим! — каждый вытащил по пачке мятых купюр, протягивая их девушке.

Мэрфи остановился в трех шагах от них, наблюдая за этой сценой:

— Она же сказала вам — нет.

Полисмены не оглянулись.

Мэрфи нажал на спусковой крючок…

— Ступай домой, девушка, надеюсь, больше тебя никто не тронет.

Насмерть перепуганная девушка еще мгновение стояла, а потом изо всех сил бросилась бежать.

* * *

Мэрфи вошел в отель.

Показался пожилой управляющий-японец с невозмутимым выражением лица.

Мэрфи показал ему жетон полицейского:

— Где Магдэгар?

— Номер 112, — ответил управляющий и кивком головы указал в сторону лифта.

— Надеюсь, здание застраховано.

Брови японца медленно полезли вверх.

Минуту спустя Мэрфи стоял перед дверью комнаты N 112.

После нескольких выстрелов в замок дверь настежь распахнулась.

Мэрфи оказался в заколдованном царстве абсолютной тишины. В комнате стояла темная, похожая на старинную, мебель, множество уютных кресел и диванчиков со стеганой обивкой, на полу лежал цветастый ковер. Камин, много цветов в огромных вазах — на полу, на низеньких столиках. Но этот простор, покой и уют пахли затхлостью, несвежестью, как слишком надолго запертая квартира, которую не проветрили после ночной попойки. Зловоние превратило красоту в ничто. К тому же Мэрфи уловил, что вся комната пронизана волнами страха и опасности. Эти волны были почти осязаемы…

Пол Магдэгар всегда и во всем старался быть первым. У него совершенно отсутствовало понятие совести и порядочности, деньги, только деньги были для него всем смыслом и счастьем в жизни.

Он был из той породы людей, которые просто чудом остаются на свободе, в то время, как их законное место в тюрьме.

Он был совершенно неразборчив в добыче средств к роскошному существованию. И единственное, чего он достиг не подлостью, это то, что он был прекрасным стрелком.

Он был своим парнем среди проституток, гомосексуалистов, наркоманов, и все знали, если Магдэгар берется за работу, то выполняет ее безупречно, какой бы она ни была — просто грязной или кровавой.

Повернув голову, Мэрфи увидел сидящего за столом возле стены Магдэгара с автоматом. Вторая рука была опущена под стол.

— Не спеши, Мэрфи! — закричал он.

— Отчего же не поторопиться? Я хочу передать тебе привет от Энн Льюис, — сказал Мэрфи, направив на шефа реабилитационной службы пусковую установку.

— Без глупостей, ржавая банка! — снова закричал Магдэгар. — Стоит мне нажать вот на эту штуку, как ты вылетишь

через все потолки прямо в небо, а вниз посыплется дождем твоя начинка. А если тебе хочется разыграть героя, то посмотри на этого засранца, — он вытащил из-под стола мальчика. Ребенок, зажав рот обеими руками, захлебывался от рыданий, его глаза умоляюще смотрели на Робокопа.

— Он же ре-бе-нок, а робот не может убить ребенка, но если в твою паршивую башку придет какая-нибудь оригинальная идея, то я — не робот, я разорву этого гаденыша на куски, ведь сейчас он — мой страховой полис.

Магдэгар рывком поднял ребенка над полом. Малыш, растопырив руки, отчаянно закричал уже во весь голос.

Магдэгар знал, что делал. Мэрфи не оставалось ничего другого, как подчиниться. Все привитые ему понятия и программы делали невыносимыми даже мысль о том, что ребенку может быть причинен вред.

Магдэгар, прикрываясь мальчиком, подбежал к окну и открыл его. Затем, отшвырнув ребенка в сторону, выскочил на террасу. Оттуда он прыгнул на асфальт, но, не удержавшись, успел сделать только два шага вперед и свалился набок. Смягчая удар, он несколько раз перевернулся через себя, вскочил и бросился к подъезжающей полицейской машине, которая резко тормознула рядом.

— Стой, стой! — закричал он, пытаясь открыть дверцу машины.

— Что случилось? — шофер-полицейский высунулся из окна.

Раздался выстрел. Пуля просвистела совсем рядом с ухом Магдэгара. Но он, не обращая внимания, рывком открыл дверцу и заскочил в машину.

— Поехали! Быстрей, черт бы тебя побрал! — кричал Магдэгар, едва переводя дыхание.

Шофер дал полный газ.

Мэрфи выбежал из отеля.

Длинный «фольксваген» розового цвета, быстро промчавшись по улице, остановился у входа со страшным скрежетом.

Из машины выскочил широкоплечий негр в черном костюме и с белым шарфом вокруг шеи. Он подошел к даме в длинном вечернем платье и меховом манто, поджидавшей такси и нервно оглядывающейся по сторонам.

— Где деньги? — он грубо схватил ее за руку и рывком повернул к себе.

Дама что-то залепетала.

Негр достал нож и приставил его к бедру женщины:

— Ты только зря отнимаешь мое время, и мне это не нравится, — зашипел он.

— Сэр, я вынужден на время воспользоваться вашим автомобилем, — сказал ему Мэрфи. — Извините, это крайне необходимо, я из полиции.

Негр отпустил руку женщины и начал медленно поворачиваться к Мэрфи. Дама, используя момент, вскочила в такси, машина тронулась.

— Какого хрена, ты, подонок… — наконец обернулся нервный тип. Но, увидев Робокопа, выронил нож и прикусил язык. — Я хотел сказать, да, да, конечно, господин полицейский, — мямлил он, вытаскивая ключи. — Я законопослушный гражданин, я понимаю, мы все должны помогать полиции…

Мэрфи сел в «фольксваген» и помчался вперед.

Несколько минут спустя розовый «фольксваген» начал догонять автофургон, а затем сел ему на хвост.

Широкий автофургон занимал собой всю полосу дороги, не давая возможности обогнать его.

Некоторое время машины неслись почти рядом по длинному прямому шоссе.

Через несколько сотен метров впереди показался грузовик, который, не торопясь, громыхал навстречу.

«Фольксвагену» пришлось уступить дорогу, и он немного приотстал. Едва он снова начал догонять авто-фургон, чтобы обойти его, как мимо промчался автокатафалк с развевающимися лентами венков, и он снова был вынужден отстать.

— Прикрой меня! — крикнул Магдэгар шоферу, перебираясь в салон фуры.

Вооружившись гранатометом и пристегнув себя ремнем к стенке, он распахнул заднюю дверь и открыл шквальный огонь по машине Мэрфи.

После каждого выстрела машину бросало из стороны в сторону, постепенно начали отлетать различные детали: фара, крыло, бампер, капот. От машины остался один остов. Тем не менее, Мэрфи продолжал преследование.

Робокоп открыл ответный огонь по автофургону.

Стенки и крыша автофургона были покорежены пулями, но так как они были сделаны из пуленепробиваемой стали, то выстрелы только решетили их, не доставая Магдэгара.

— Командир! — вдруг закричал шофер.

Магдэгар повернулся и увидел впереди ребят, катающихся посреди дороги на роликовых коньках. Услышав шум приближавшихся машин, мальчишки разбежались.

Магдэгара осенило. Он полез в карман, вытащил толстую пачку долларовых ассигнаций и с размаху швырнул их на

асфальт.

Купюры разлетелись по шоссе, а затем, подхваченные ветром, весело затанцевали, покрывая собой все большую площадь.

Увидев такое, дети бросились на дорогу и начали собирать деньги, ссорясь и вырывая их друг у друга, бегая туда-сюда за случайно вырвавшейся бумажкой. Мозг Мэрфи мгновенно отозвался на электронный сигнал тревоги:

— Внимание! На дороге — дети!

Не останавливаясь, Мэрфи резко крутанул руль, машина свернула на обочину. Он остановился и вышел из нее.

Автофургон удалялся на бешеной скорости, а Магдэгар со злорадной улыбкой что-то прокричал ему, размахивая руками и подпрыгивая.

— Ребята! Смотрите, смотрите! — радостно закричал какой-то чумазый мальчуган.

Мальчишки, увидев вышедшего из машины робота, вначале замерли от восторга, а потом, подбежав, обступили его тесным кольцом, не переставая удивляться чуду.

— Сэр, сэр! Скажите, пожалуйста, вы тот самый, да? — теребили они Мэрфи.

Мэрфи, ничего не отвечая, поднял в приветственном жесте руку, отчего мальчишки просто застонали, гордясь таким обращением, потом сел в машину и, вывернув с обочины на шоссе, погнал дальше.

* * *

Кунц сел в свой автомобиль, включил мотор, однако не тронулся с места.

Он видел, как умчался на автофургоне Магдэгар, как за ним последовал Мэрфи.

Только тогда Кунц развернулся и помчался в противоположном направлении.

Проехав увеселительный квартал, освещенный кричащими световыми рекламами, он свернул на бульвар. Крайне возбужденный, чувствующий себя, как канатоходец, идущий по очень высоко натянутой проволоке и без страховочной сетки внизу, Кунц не сразу заметил остановившуюся в нескольких десятках метров впереди него знакомую машину.

Из нее вышел мужчина, который легким шагом пошел по тротуару, размахивая на ходу руками. Кунц содрогнулся — это был Питер Джилмер.

Кунц сбавил скорость и медленно поехал за ним, сверля

спину полицейского взглядом, полным ненависти. У него даже руки задрожали при мысли, что бы он сделал, попадись тот ему в удобной ситуации.

Питер шел, время от времени поднимая голову и поглядывая на номера домов, будто искал что-то определенное.

В конце улица ответвлялась узким переулком, ведущим к Истерн-сити. Вдоль него тянулись огромные строения складов, и даже днем здесь царил сумрак. Место было малолюдным. Питер свернул как раз в этот переулок.

Увидев, что Джилмер исчезает из виду, Кунц прибавил скорость.

Войдя в переулок, Питер обратил внимание на работающий мотор и звук движущейся машины. Он обернулся.

Обычно машины здесь не ездили, переулок был слишком узок для этого.

Питер понял, что этот «бьюик-ривьера» охотится именно за ним.

На секунду остановившись и бросив молниеносный взгляд по сторонам в поисках убежища, Питер в метрах двухстах впереди увидел калитку, ведущую в какой-то двор. Сообразив, что это именно то, что ему нужно, он, не раздумывая, побежал туда.

Его черный плащ развевался, словно крылья. Задыхаясь, Питер изо всех сил рвался к спасительной калитке.

Какое-то время бежавший Питер и «бьюик-ривьера» находились приблизительно на одном и том же расстоянии, но когда Кунц разгадал план Питера, он прибавил скорость.

Питер бросил взгляд назад. Поняв, что ему не уйти, он закричал, но по инерции сделал последний рывок, пытаясь достичь места спасения.

Оставалось каких-то несколько метров, когда машина настигла его. Она подбросила Джилмера так, как бык на корриде подбрасывает незадачливого матадора…

Пролетев по воздуху, Питер упал на спину. Струйка крови вытекала из уголка его рта, руки еще конвульсивно царапали асфальт, но голова уже беспомощно откинулась назад. По асфальту расплывалось темное пятно…

Кунц огляделся. Улица была по-прежнему пустынна и сонно молчалива.

Кунц тихо двинулся к распластанному на асфальте телу. Через мгновение колесо пошло по лицу Питера, превращая его в кровавую массу…

На лице Кунца появилась довольная усмешка. Ну, вот и все. Он почти свободен.

Теперь его путь лежал в сторону района Кадиллак-Хайц.

* * *

Берта нервничала. Прошло несколько часов, а Мэрфи все еще не появился. Чтобы скрыть волнение и раздражение, она предложила Марено поиграть в карты.

Время тянулось невыносимо долго. Но и карты не могли отвлечь ее:

— Господи, ну где же этот робот, черт бы его побрал! — то и дело повторяла она.

Марено, придавая своему голосу как можно более невозмутимый тон, пошутил:

— Берта, нам ничего не стоит поездить по кварталу и послушать, где гремят выстрелы, чтобы убедиться, что этого парня черт еще не прибрал.

Мэри отвлекала Нику тем, что показывала ей на компьютере новые фокусы.

Ника подключилась к электрической сети и несколько раз посигналила светом.

— А это что такое? Ника, это твоих рук дело? — не поняла поначалу Мэри.

— Конечно, — с гордостью ответила Ника. — Я подключилась к системе управления.

— Вот молодец! — восхищенно воскликнула Мэри. — Дай-ка и я попробую.

Сделать это ей не удалось из-за сильного грохота. Все вздрогнули.

Из мрака вырос Кунц.

— Парень, ты рехнулся, — вскочила Берта. — Меня чуть инфаркт не хватил. Ладно, ребята, я уже ждать не могу. Пойдемте кто-нибудь со мной.

Кунц преградил ей дорогу:

— Не торопись, у меня есть идея получше. Думаю, вы с ней согласитесь. Сядьте-ка все и успокойтесь. Мы всегда понимали друг друга…

Кунц выхватил пистолет и направил его на них.

— Вам не стоит утруждать себя беготней и поисками, потому что еще минута-другая, и все будет кончено, не знаю, будете ли вы мне благодарны, но задачу я вам облегчу, это уж точно, вы меня знаете…

— Ах ты, сука продажная, — побагровевший Марено вскочил, собираясь броситься на предателя с кулаками, но его удержали Сэм и Сильвестр.

— Вот тебе и наш спокойный Марено! Что ж ты, парень, себе позволяешь? Право, я не ожидал от тебя такого, ведь здесь же

женщины и ребенок! — издевался Кунц.

Неожиданно позади Кунца вырос Томас Брэд. Одной рукой он придавил его к себе, а другой приставил пистолет к виску:

— Брось оружие, Кунц!

Кунц поднял руки и застыл, как статуя, с зажатым в руке пистолетом.

— Эй, ублюдок! Где твои хваленые сноровка и сообразительность? Я же сказал — брось пистолет! Здесь не школа для слабоумных — я дважды повторять не буду!

Пальцы Кунца разжались, пистолет упал на пол.

— Мне придется здорово тебя огорчить, недоносок, если ты сейчас же не скажешь, что имел в виду, когда говорил, что все должно кончиться через несколько минут, — Марено, ухватив Кунца за горло, тряс его изо всех сил.

Голова Кунца болталась из стороны в сторону, зубы лязгали, он было, собирался открыть рот, но не успел…

Желтое пламя сверкнуло в разных местах помещения, послышались выстрелы и топот ног. В комнату ворвались полисмены реабилитационной службы.

Повстанцы выхватили оружие. Началась перестрелка.

— Мэри, уводи Нику! — крикнула Берта.

— Бежим, Ника! — Мэри схватила девочку за руку и потащила за собой.

Полисмен, плашмя лежавший на полу, трижды выстрелил в Берту. Одна из пуль чиркнула ей по лицу. Берта залилась кровью.

Помещение сотрясалось от выстрелов.

Спрятавшись за ящиками, Томас дважды пальнул в том направлении, откуда раздавались выстрелы. Но высокий полисмен, появившись сзади, выстрелил ему в спину.

Томас, обливаясь кровью, свалился на пол. Пальцы его разжались…

Увидев замертво упавшего друга, Марено бросился на широкую спину полисмена.

Тот удивленно вскрикнул, споткнулся и выпустил оружие. Марено схватил его за горло. Выпрямившись, полисмен поднял Морено на себе. Марено сжал зубы, еще крепче ухватившись за горло врага. Он весь перекосился от напряжения, но знал, что если выдержит напряжение еще немного, то победит.

Полисмен отбивался изо всех сил. Он прижал Марено к стене, придавив всем своим телом. У парня перехватило дыхание, но он держался из последних сил. Наконец, Марено последним конвульсивным движением сдавил ему кадык, полисмен захрипел, несколько раз дернулся и, затихнув, сполз на пол.

— Бежим отсюда, Марено, живей! — крикнул ему Большой

Сэм. — Нас предали! Нужно уходить за баррикады!

Прячась за ящики, они начали отходить.

Мэри с Никой подбежали к вентиляционной решетке и, вцепившись в нее что есть силы, начали тянуть. С одной стороны решетка поддалась. Они потянули еще раз, решетка отогнулась.

— Ника, живее лезь, — Мэри помогла девочке выбраться на ту сторону. — А теперь беги, малышка, беги! — Мэри начала задвигать решетку обратно. — Беги, не жди меня! Мне здесь не пролезть!

— Нет, нет! — плакала Ника. — Не бросай меня, я снова останусь одна! Они и тебя убьют!

— Беги! — услышав приближающиеся шаги, снова крикнула Мэри и резко отскочила в сторону.

Повернувшись, она увидела идущего к ней Магдэгара и нескольких полисменов.

— Ну, голубушка, мы пришли за твоим приятелем. Где он? — спросил Магдэгар, оскалясь.

— Пошел к дьяволу! — ответила доктор Лазарес.

— Отвезите ее в штаб, — приказал Магдэгар. — я разберусь с ней позже. Рано еще применять физические меры воздействия, по крайней мере, я так обещал, — он многозначительно посмотрел на Мэри.

* * *

Инспектор полиции Джонсон и сержант Рик находились в полицейском управлении. Инспектор негодовал по поводу огромных убытков, которые понесли городские власти и полиция:

— Я говорю о повреждениях на сотни миллиардов долларов.

— Но, сэр, — возразил сержант Рик. — Иначе мы не смогли бы выполнять нашу работу.

— В таком случае… — инспектор сделал длинную паузу. — Дальнейшие разрушения будут отнесены на ваш счет. Буду высчитывать из вашей зарплаты.

— Послушайте, — сержант поднял вверх указательный палец. — В конце концов, это ваша идея — реабилитационный центр.

Дверь распахнулась, в управление вошел Магдэгар с несколькими полицейскими. Он остановился перед сержантом:

— Мне нужно пятьдесят ваших людей. Полностью вооружите их и отправьте в район Кадиллак-Хайц.

Сержант молча смотрел на него. Магдэгар переглянулся с инспектором:

— Мы должны очистить этот район к определенному сроку, — пояснил он.

— Мы больше не можем выполнять эту работу, — наотрез отказался сержант.

— Сержант, — вступил в разговор инспектор. — Это и мой приказ тоже…

Рик не дал ему договорить:

— Полицейские не могут действовать против мирного гражданского населения, — невозмутимо стоял на своем сержант.

— Но как же так? — опешил инспектор. — Вы что, хотите потерять пенсию? Вы проработали пятнадцать лет, а сейчас хотите все отправить к чертовой матери?

Магдэгар, подчеркивая каждое слово, вставил:

— Вы, надеюсь, не забыли, что работу этого полицейского участка финансирует фирма «Оу-Си-Пи»?

Сержант скривил лицо, сплюнул и, сорвав с груди полицейский жетон, бросил его на пол:

— Вот что я думаю о вас и вашем сраном «Оу-Си-Пи»! — заорал он.

Все полицейские немедленно отвлеклись от своих дел и стали внимательно следить за тем, чем закончится словесная перепалка.

Сержант встал и пошел к выходу.

— А вы подумали о своей семье? — бросил ему в спину Джонсон.

Рик повернулся:

— Именно поэтому я и ухожу. Свою семью я защищу как-нибудь сам.

Гарри Силк, сидевший рядом, отложил в сторону бумаги, сорвал с груди жетон и, глядя на инспектора в упор, бросил полицейский знак рядом с жетоном Рика. Еще двое молодых полицейских сделали то же самое.

— Все сотрудники полиции одновременно являются и сотрудниками фирмы «Оу-Си-Пи»! — вопящий рот Магдэгара перекосился. — Вы потеряете все! Вы потеряете право на пенсию! Вас нигде не возьмут на работу!

Но его слова уже никого не волновали. Все остальные полицейские, бросив незаконченные дела и оставив задержанных, сорвали жетоны и бросили их в кучу к ногам Джонсона и Магдэгара.

Управление опустело.

Взгляд Магдэгара упал на одного из задержанных, судя по внешним признакам — одежде, нечесанной малиновой гриве, из банды Плашера. Он уже бочком пробирался к двери в надежде

улизнуть. Магдэгар направил на него пистолет:

— А ну, сюда, урод!

Кривляясь своей изуродованной физиономией, ухмыляясь ртом, в котором не хватало не менее половины зубов, бандит подошел.

— Слушай, ты! — Магдэгар брезгливо поморщился. — Ты и твои друзья, вы не хотели бы заработать немного денег?

Подонок взглянул на Магдэгара. Торжествующая улыбка мелькнула на звероподобной роже, но тут же исчезла.

* * *

Ника долго блуждала по лабиринтам подземных ходов, но выйти из здания никак не удавалось. Все выходы были завалены грудами металлической арматуры, некоторые — закрыты тяжелыми решетками, отодвинуть которые у нее не хватало сил. Это было похоже на настоящую западню.

Все тело девочки ныло и болело — в этих узких вентиляционных коридорах она могла только ползать или лежать.

Ника посмотрела наверх, туда, где почти у самой ее головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Ника освободила от изоляции небольшой участок провода, подключила к нему свой мини-компьютер и нажала кнопку.

На экране появилось привлекательное лицо дикторши, которая передавала последние новости:

— Три монахини и пятеро гражданских лиц стали жертвами Робокопа, который несколько дней назад взбунтовался, и теперь действует против гражданского населения. Особенно он активен в районе Кадиллак-Хайц, — девушка сделала паузу. Потом встала, швырнула листок с текстом и закрыла лицо руками. — Я больше не могу читать это вранье! — закричала она.

Ника подсоединилась к другому проводу.

На экране появилось помещение диспетчерской службы реабилитационной группы. На месте одного из диспетчеров сидел Магдэгар:

— Внимание! Говорит «Большой»! Всем подразделениям! Раздать оружие подонкам, действия их не ограничивать!

На другом экране Ника увидела Мэри, одиноко сидящую в комнате, больше похожую на камеру. Внезапно она вскочила и крикнула:

— Убийцы! Сукины дети! Мразь!

— Как приятно слушать тебя, милочка, — раздался издевательский голос Магдэгара.

Ника быстро отключила компьютер и поползла вперед по коридору в поисках выхода.

* * *

Большой Сэм и Марено шли по улице, где на каждом столбе были расклеены листовки-обращения к жителям Кадиллак-Хайца о выселении их из занимаемых домов. Это была на редкость убогая улица, грязные фасады домов которой украшали только пожарные лестницы. Мусорные ящики теснились на тротуаре. Фонари с разбитыми стеклами были отключены. В конце улицы было несколько лавчонок с грязными витринами.

— Ну, что дальше? — угрюмо спросил Марено.

— Что, «дальше?» — посмотрел на него Сэм.

— Все! Игра окончена!

— Будет болтать! — оборвал его Сэм. — Берта говорила, что нужно продержаться еще немного.

— Увы, Берта убита…

В этот момент они услышали сирены полицейских машин. Звук нарастал. Марено и Сэм забеспокоились. Через минуту они увидели с десяток черных полицейских машин, свернувших на их улицу. На середине они остановились, из них стали выходить вооруженные полицейские. Первым вышел сержант Рик. Он поднял вверх обе руки и заговорил:

— Внимание! Через сорок минут в квартале начнется бойня. Женщины и дети прячьтесь в подвалы. Мужчины, берите в руки оружие, будете помогать полиции! Все вы отныне зарегистрированы в качестве помощников начальника полиции этого округа. Пора показать им, что мы в состоянии защитить себя.

Марено и Сэм подошли к Рику и пожали ему руку. Улица начала наполняться вооруженными мужчинами.

Через некоторое время раздались дикие вопли. На них надвигалась отвратительная орда, жаждущая крови.

— Ну, вот и они, — сказал Марено.

— Не стрелять до особого распоряжения, — приказал Рик.

Мэрфи спустился в подвал. Он знал этот путь — отсюда кратчайшая дорога до базы повстанцев. Но как только Мэрфи вошел туда, как к нему со всех сторон бросились полисмены реабилитационной службы. Все они держали оружие наготове. К Мэрфи вышел офицер:

— Ты арестован, Робокоп, я предлагаю…

Он не договорил. Не ожидая ничего хорошего, Мэрфи

выскочил в окно. Матовые стекла брызнули тысячами осколков, а от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Мэрфи почти добежал до двери, как вдруг створки с грохотом сомкнулись перед ним. Топот бегущих ног навел на мысль, что он попал в ловушку.

Мэрфи по штабелю ящиков быстро забрался на одну из верхних балок. Внизу раздались хриплые крики и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали потолок, расплющиваясь о стальные балки.

Несколько человек полезли по пожарной лестнице, к стоящим внизу подбегали остальные полисмены.

Мэрфи, стараясь выиграть время, ждал, пока внизу соберется побольше полисменов.

— Ладно, слезай, жестянка, я ничего тебе не сделаю! — Закричал офицер, но Мэрфи уловил в его голосе скрытую ярость против Робокопа, который посмел ослушаться и принять сторону повстанцев. Мэрфи начал медленно спускаться, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим.

Офицер и десятка три полисменов ждали его внизу. При его появлении полисмены вскинули автоматы, но офицер жестом остановил их.

— Не спешите, ребята! Это — моя жестянка, я сам о нем позабочусь.

Он выстрелил. Мэрфи рухнул на пол. Офицер прицелился еще раз, но вдруг Мэрфи встал. Из его руки выдвинулась автоматическая пушка. Раздалось пронзительное шипение, пушка изрыгнула длинные языки пламени. Подвал заполнился душераздирающими криками, но вскоре все исчезло в чудовищном пламени.

— Это за Энн Льюис, — сказал Мэрфи.

На базе, куда он наконец добрался, не было ни пуши. Горели какие-то бумаги, лежали тела убитых.

* * *

Отома-сан некоторое время молча наблюдал за Мэрфи, а потом легким шагом двинулся ему навстречу, размахивая в воздухе мечом. Руки автоматически выдвинулись вперед, левая закрывала грудь, а правая лицо.

Они приблизились друг к другу. Отома-сан нацелился прямо в лицо Мэрфи, но тот отразил удар. Отома-сан отступил, затем вновь двинулся вперед, сделал обманное движение, но Мэрфи избежал удара, уклонившись в сторону.

— Я из полиции Детройта, — сказал Мэрфи. — Назови себя.

Ответом Отома-сан было стремительное движение вперед. Меч, скользнув по правому виску Мэрфи, ободрал его. Следующим был удар в голову. Мэрфи пошатнулся, но удержался и сделал выпад в сторону противника. Отома-сан легко уклонился. Мэрфи рванулся за ним и нанес сильнейший удар в челюсть, но тот даже не пошатнулся.

— Вы арестованы за нападение на полицейского, — сказал Мэрфи.

На лице Отома-сан не дрогнул ни один мускул. Он разбежался, подпрыгнул и ударил ногами в грудь

Мэрфи. Робокоп потерял равновесие, сделал несколько шагов назад, но все же удержался на ногах. Отступая назад, Мэрфи натолкнулся на пусковую установку. Медлить было нельзя. Он вскинул ее, навел на цель, и в ту же секунду голова кибера разлетелась на части.

Мэрфи занялся поисками летательного аппарата, который они с Мэри испытывали накануне. Он нашел его в углу. Губы исказились в подобии улыбки…

* * *

Доктор Лазарес металась в своей комнате, понимая, что ей ни за что не выбраться отсюда. Вдруг из вентиляционной отдушины послышался какой-то шорох. Она подняла голову. Лицо ее засияло.

— Ну, и как мы будем отсюда выбираться? — через решетку виднелось лицо Ники.

— Это твой компьютер помог тебе добраться сюда? Ника, попробуй подключить меня к передающей антенне…

Ника принялась за работу. Через некоторое время над Детройтом раздался голос Мэри:

— Граждане Детройта! Все, что делают с вами, это незаконно! Район Кадиллак-Хайц — это только начало. Они всех приберут к рукам. Здесь будет построен не город, а концентрационный лагерь. Но мы не можем, как роботы, подчиняться им. У нас есть гражданские права. Фирма «Оу-Си-Пи» — преступная корпорация. И она получит по заслугам. А сейчас вы должны защищать себя…

Город замер, слушая Мэри.

Магдэгар, позеленев от злости, отправил к Мэри офицера и двух полисменов, чтобы заставили ее замолчать.

Закончив обращение, Мэри начала баррикадировать столами и шкафчиками дверь, понимая, что Магдэгар этого так не оставит.

Через некоторое время раздался стук в дверь, потом в ней повернулся ключ, задергалась дверная ручка. Мэри стояла у двери с табуретом в руках. Несколько сильных толчков — и ее баррикада рухнула. В комнату ворвался офицер. Не дав ему опомниться, Мэри изо всей силы ударила его по голове, а когда он упал, вырвала из рук автомат. Вошедшие следом полисмены были встречены направленным на них оружием. Они подняли руки вверх, выпуская пистолеты. Мэри затолкала их в комнату, быстро повернула ключ, а затем швырнула его в мусорную корзину.

Она вызволила из неволи Нику, и они побежали по узкому коридору в сторону выхода.

* * *

За ликующими подонками, стреляющими куда попало, шли два мощных танка. Бандиты расступились, пропустив их вперед. Танки открыли огонь. Сопротивления они не встретили — броню пробить было невозможно, а попасть в смотровые щели можно было только случайно. Земля дрожала от взрывов. Но вот нашлось кое-что получше, чем автоматы, и загорелся первый танк. От него вспыхнула вторая машина. Подонки приостановились. Огонь и дым ненадолго задержали наступление.

Бандиты начали забрасывать повстанцев гранатами. К грохоту гранат примешивался шум выпавших и разбившихся витрин, крики раненых и автоматные очереди… Языки пламени лизали здания, трава на газонах вся выгорела.

— Сержант, что же теперь будет? — спросил Марено, морщась от боли, пока Сэм перевязывал ему плечо.

— Гранаты к бою! — крикнул Рик. Он взял связку, перебросил ее через плечо и пополз мимо укреплений. И вдруг остановился. Среди оглушительного грохота он уловил пронзительный свист, шедший прямо с неба. Он посмотрел наверх. Над головой, словно ископаемая птица, сверкая в лучах заходящего солнца, летел Мэрфи.

— Матерь Божья! — облегченно вздохнул он и торжествующе засмеялся.

Мэрфи пронесся над рядами подонков, осыпая их градом зажигательных пуль. Их одежда, стоявшие неподалеку машины — все схватывалось огнем, превращаясь в гигантский костер. Подонки ополоумели от ужаса.

Мэрфи развернулся и еще раз прошелся над врагом.

Охваченные пламенем бандиты, метались, неистово кружились, падали на землю, задыхались и хрипели.

— Бей этих гадов! — кричал Рик.

Повстанцы ликовали. Это была их победа, они ее заслужили.

Все происходящее в квартале Кадиллак-Хайц транслировалось в диспетчерскую службу.

Как только инспектор Джонсон и президент корпорации узнали, что полиция перешла на сторону повстанцев, что именно с их помощью ведутся бои, они были вне себя от гнева.

— Магдэгар! Что происходит? — вопил Блэк. — Операция практически провалилась!

— У нас есть предписание, которое мы должны выполнить, — сухо ответил Магдэгар.

Но Блэк метался в ярости:

— Я до сих пор возглавляю фирму, но теперь, Боже мой, мы разорены!

— Заткнись и сядь! — Магдэгар направил на него пистолет.

Блэк замолк, но продолжал стоять, растерявшись.

Инспектор Джонсон нервно теребил в руках носовой платок, видя, как вся его полиция помогает жителям квартала. Он зарычал, когда понял, почему вдруг подонки превратились в живые факелы.

— Ну, ладно, мистер робот, иди сюда и попробуй взять меня, — сказал он, вытаскивая из стола небольшой черный чемодан. Он нажал на кнопку, чемоданчик раскрылся. В нем находилось множество маленьких клавишей, кнопок и лампочек. Лицо Магдэгара расползлось в злорадной ухмылке. Он был готов к смертельному поединку. Ждать пришлось недолго.

Огромная стеклянная стена разлетелась вдребезги от мощного удара. В отверстие впрыгнул Мэрфи.

Несколько мгновений они молча наблюдали друг за другом.

— Чем могу быть полезен, господин полицейский? — подчеркнуто вежливо спросил шеф.

— Если вы не будете сопротивляться при аресте, то вы мне этим очень поможете, — ответил робот.

— Хотите арестовать меня? За что? — Магдэгар сделал удивленное лицо.

— За убийство полицейской Энн Льюис и многих жителей квартала Кадиллак-Хайц.

Джонсон и Блэк попятились к двери. Оставаться здесь дальше у них не было ни малейшего желания.

— Магдэгар, фирма «Оу-Си-Пи» — к вашим услугам. Можете ею владеть, распоряжаться… — Блэк не договорил и быстро скрылся за дверью.

Диспетчеры тоже поспешили оставить комнату.

— Куда же вы все убежали? Пропустите самое интересное! — крикнул вдогонку уходящим Магдэгар.

Но его уже не слышали. Вся компания бросилась бежать, чуть не сбив с ног идущих по коридору навстречу им Мэри и Нику.

* * *

Когда Мэрфи расправился, как ему показалось, с кибером и бросил его в подвале, то он не видел дальнейшего. Голова Отома-сана не разлетелась, она потрескалась и деформировалась. Но через несколько минут начало происходить что-то странное: фигура кибера расплылась, черты лица стерлись. Из его тела выплыло прозрачное облако. Мало-помалу облако приобрело контуры фигуры Отома-сана. Фигура постепенно уплотнялась, и через несколько минут второй Отома-сан, точная копия первого, стоял и ждал, пока лежащий Отома-сан приобретет прежний вид.

И пока Мэри и Ника шли к кабинету Магдэгара, киберы уже атаковали Мэрфи. Они одновременно оторвались от пола и нанесли сильный удар в голову Робокопа. Он упал. Обе фигуры подошли к нему, направив ему в грудь мечи. Сияющий зловещей улыбкой, Магдэгар подошел и с видом победителя поставил ему ногу на грудь.

— Ни к чему проявлять излишнюю прыткость, иначе можешь распрощаться со своими девочками, — сказал он, глядя на входящих в кабинет Мэри и Нику.

Но тут Ника открыла свой компьютер с телеметрической системой управления и быстро начала нажимать кнопки. Она подключилась к программе управления киберов, сняла наведение на цель с Мэрфи и перевела на обоюдное поражение их самих друг другом.

— Что ты делаешь! — закричал Магдэгар, увидев, что девочка работает с компьютером. — Прекрати! Остановите ее!

Но было поздно. Киберы подняли глаза и бросились друг на друга. Они одновременно подняли мечи и снесли друг другу головы. Их мощные обезглавленные тела, из которых повалил густой дым, рухнули к ногам Магдэгара.

— Проклятая соплячка, что ты наделала? — схватился руками за голову Магдэгар. — Эти киберы сработаны так, что в случае их уничтожения прибор сработает на разрушение!

— Как это? — спросила Мэри.

Магдэгар указал на черный чемоданчик. На электронном секундомере оставалось 15 секунд.

— Через 15 секунд здесь все будет разнесено на атомы в радиусе двадцати ярдов! Нам конец!

— Тут ты ошибся, — сказал Мэрфи и, встав на ноги, надел на плечи летательный аппарат, на лету подхватил Нику и Мэри, крепко прижал их к себе и вылетел через пробитую стеклянную стену.

Оглушительный взрыв раздался за их спиной, разнеся все вдребезги. Здание сразу охватил вихрь пламени.

* * *

Воздух был заполнен запахом гари.

Угол улицы был совершенно разбомблен. Пострадало много зданий. Кое-где уцелели только капитальные стены. Черными зубчатыми силуэтами поднимались они в небо. Между ними виднелись стальные балки, похожие на черных змей, которые, извиваясь, выползли из-под кирпичей.

Стояли обугливщиеся деревья. Наиболее тонкие ветки сгорели, листва почернела и скрутилась, торчали только стволы и самые толстые ветви. Они напоминали руки, трагически поднятые к небу в немой мольбе.

Сгоревшая трава на газонах мягко похрустывала под ногами.

Вокруг суетились люди. Они разгребали обломки, оттаскивали мусор подальше от домов, складывая его в кучу.

Суетились пожарные, гася еще кое-где дымившиеся здания.

Подъехали две большие, сверкающие на солнце машины черного цвета.

Из них вышли двое мужчин в черных костюмах. Это были мистер Конамицу и президент Блэк.

— Мистер Конамицу, — заискивающе говорил Блэк. — Я, конечно, понимаю, что все выглядит довольно неприглядно. Возможно, мы несколько переоценили собственные силы — уж слишком обширный район мы решили охватить. Но дайте нам шанс, и мы начнем все с начала. Что вы скажете?

— Что скажу? — медленно повернулся к нему Конамицу. — Вы уволены.

Блэк опустил голову.

Конамицу сел в машину и медленно поехал по улице, разглядывая истерзанные дома и лавируя между снующими людьми.

Некоторые бросили работу и смотрели — кто с ненавистью, кто потрясая кулаком вслед — на роскошную машину и респектабельного Конамицу, так нелепо выглядевших в этом пока

печальном районе.

Навстречу машине шли несколько человек.

Конамицу вышел к ним.

Он остановился возле Робокопа и медленно склонил перед ним голову.

— Не удивляйтесь, — тихо сказал он. — Я преклоняюсь перед вашим мужеством непослушания. Это не всегда удается даже сильным личностям, которые иногда поставлены перед нелегким выбором. Как вас зовут? Мэрфи, кажется?

— Мэрфи — так называют меня друзья, — он обвел глазами своих единомышленников. — Вы зовите меня Робокопом, ведь я полицейский.

Он подхватил на руки Нику.

Девочка прильнула к его груди, крепко обнимая за шею.

Марено, Мэри, Большой Сэм о чем-то оживленно заговорили, уже не обращая внимания на Конамицу.

Он еще несколько минут смотрел на них, затем машина тихо тронулась с места.